

ДЕКАБРЬ ● 1974 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПИОНЕР 12

Каникулы!

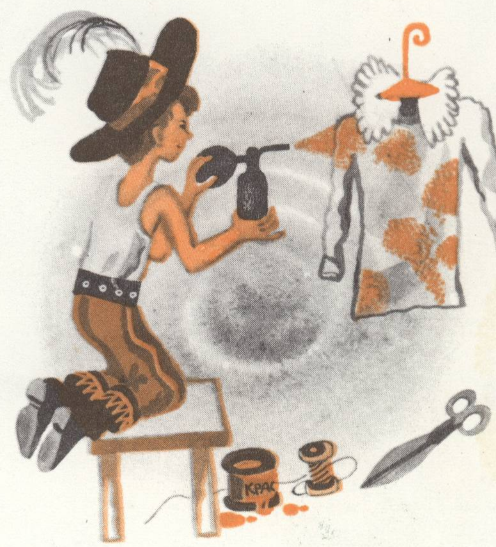
На наши страницы сегодня пришли ребята, которые умеют интересно и с пользой проводить свободное время, поэт АРКАДИЙ ХАЙТ, композитор БОРИС САВЕЛЬЕВ, мастер спорта САМСОН ГЛЯЗЕР. Собрались, чтобы поговорить о зимних каникулах.

Репортаж ведет наш корреспондент ЛЮДМИЛА ПРУНЦОВА.

По-моему, не найти такого ученика, которого зимние каникулы могли бы оставить равнодушным. Наши гости с удовольствием приняли участие в этом разговоре. Даже взрослые, потому что они тоже когда-то учились в школе и очень любили зимние каникулы.

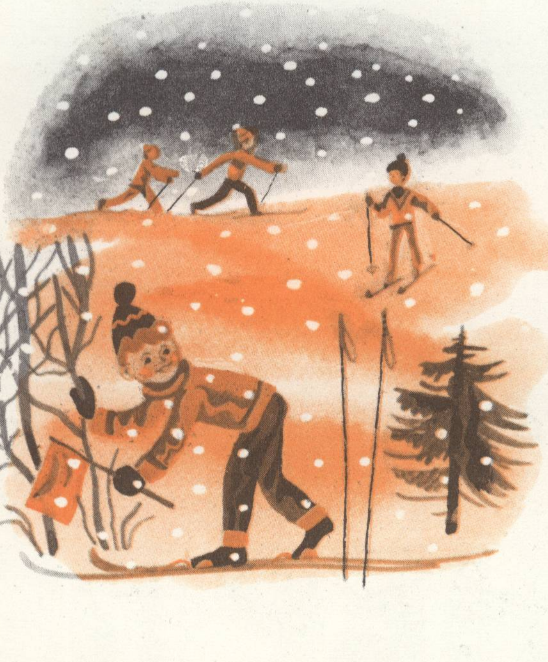
Попова Света
из Климовской средней школы, Подольского района, Московской области.

В каникулы многие скучают от одиночества. Поэтому наш класс решил не расставаться. Вместе ходили в кино, читали книги, играли. Я знаю интересную игру. Двое лыжников петляют по лесу, запутывают следы: они прячут флажок. Через некоторое время другие ребята отправляются его искать. В этой игре с лыж сходить нельзя.

Егорова Надя
Серебряные пруды, Московской области.

Наш отряд дружит с ребятами из сельской школы. Я часто вспоминаю поездку к ним. Мы подготовили для них концерт, привезли книги и настольные игры. Они показали нам свою школу. Таня Никитина, с которой я особенно подружилась, водила нас в школьный сад. Там работали юннаты, утаптывали снег под деревьями, нагребали снегозащитные полосы. Мы тоже работали вместе с ними, и это нас еще больше сдружило. Наших друзей мы пригласили к себе в гости.

Дима Романов
из Солнечногорска, Московской области.

Я всегда ждал с нетерпением Новый год. Очень любил праздничные елки. Старался ни одной не пропустить. А веселья почему-то не было. Думаете, почему? Потому что я был просто зрителем. Теперь я решил участвовать в празднике. Сшил костюм мушкетера. Кроме того, мне поручили сделать разноцветные флажки для школьной елки. Я их раскрасил и приклеил с обеих сторон аппликации из бумаги. Такие аппликации вырезать совсем не трудно. Квадратный лист бумаги сложить втрое и вырезать, как показано на рисунке.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ДЕКАБРЬ 12

Издательство «Правда»
Москва 1974 г.

Ты, я, наш отряд

Марина Кузина

Она учится в московской школе № 54.
Директор школьного музея А. П. Гайдара.

Я считаю, что главное дело тимуровцев — приносить людям радость. Мое предложение не ново, но все равно хорошо поздравить жителей своего дома или улицы с Новым годом.

Лариса Кузьмина

Быковская средняя школа,
Московской области.
Дома у Ларисы живут в аквариуме рыбы.
Тихо ходит «ученый» кот Черныш.
В школьном «живом» уголке Лариса — хозяйка.
Она знает, чем кормить морских свинок,
как вылечить канарейку...

В каникулы наш класс подкармливает птиц. Приносим в кормушки семечки подсолнечника, коноплю, ягоды рябины, подвешиваем кусочки несоленого сала. Кормушки мы сделали сами из бутылок. Ты их видишь на рисунке слева.

Сколько птиц прилетает на наши кормушки! И синицы, и лазоревки, и вездесущие воробьи. Даже дятел однажды пожаловал.

— Чем еще можно кормить зимующих птиц? — спросила я у знакомых юннатов.

— Отгадайте этот кроссворд: впишите в пустые клетки названия растений. Тогда будете знать, чем питаются зимующие птицы,— ответили они.

1. **Масличное растение, семена которого с удовольствием клюют синицы и поползни.**
2. **Культурный злак, семена которого любят овсянки.**
3. **Болотное растение, ягодами которого питаются снегири.**
4. **Бахчевое растение, его семенами лакомятся синицы и поползни.**
5. **Дикорастущее растение, плоды которого едят все птицы.**
6. **Дикорастущее растение, семена которого любят щеглы.**
7. **Сорняк, его семена обожают многие птицы.**
8. **Ягоды этого растения входят в рацион свиристелей и снегирей.**
9. **Сорняк, его семена очень любят чечетки.**

Володя Ионов

из Риги.

Наступают зимние каникулы. У нас на них вся надежда. Дело в том, что мы соревнуемся с 7-м «Б». Три месяца подряд они побеждали. У них определенно был какой-то секрет. И, наконец, председатель совета отряда 7-го «Б» заявил нашим ребятам, что такие секреты они не имеют права скрывать. Что они придумали? Смастерили симпатичные ящички и подписали: «Бумага», «Полимеры». Рас-

Рисунки А. БОРИСОВА.

ставили эти ящички в подъездах домов. Жители привыкли в них складывать старые газеты, журналы, оберточную бумагу, использованные пластмассовые крышки, старые игрушки из полимеров... Семиклассники ходят и выгружают ящики. Нам эта идея понравилась. Мы решили действовать так же.

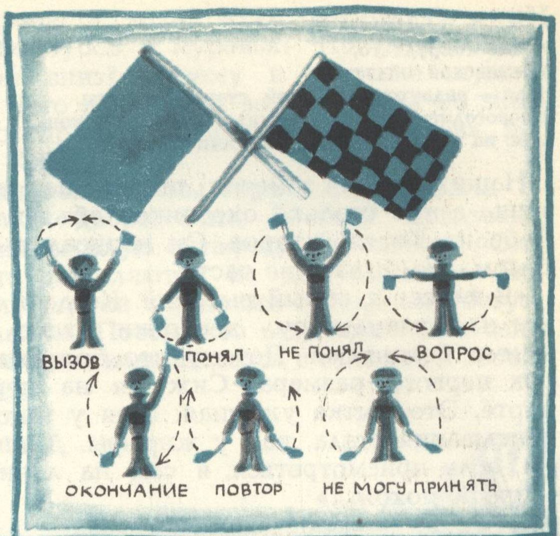
Катя Кадушина

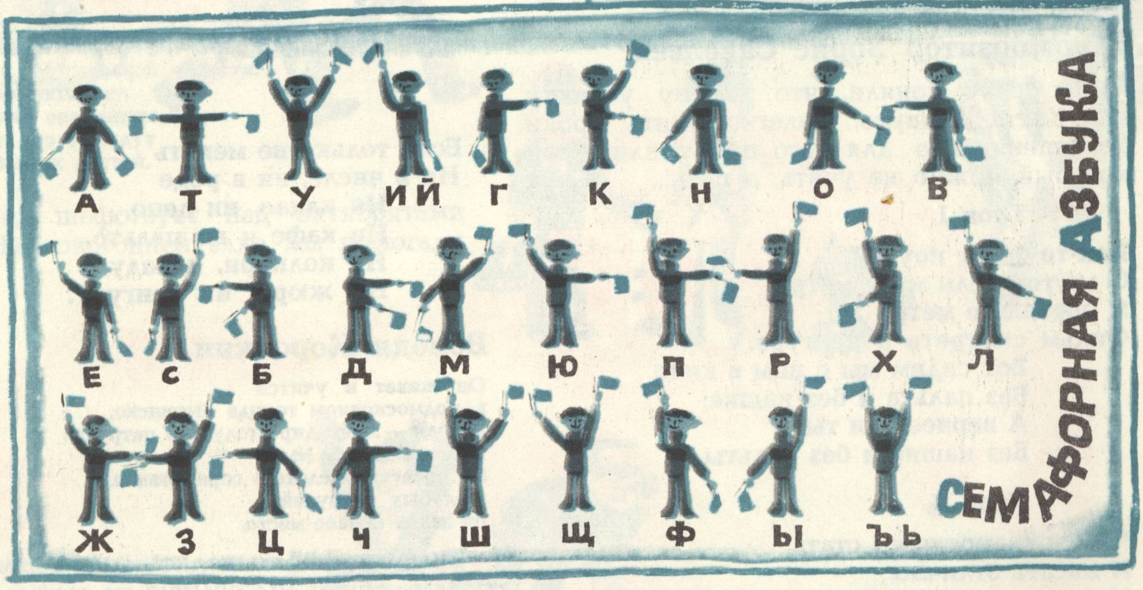
Москва, школа № 93.

По Катиной читательской карточке в библиотеке можно узнать, что она читает очень хорошие книги: «Овод» Э. Войнич, «Пятнадцатилетний капитан» Ж. Верна, «Белеет парус одинокий» В. Катаева...

Я люблю зимой примоститься в кресле и читать. На окне узоры от мороза, за окном метет вьюга. В такое время читать особенно хорошо. Мы с подругами любим обмениваться книгами. Иногда собираемся и делимся впечатлениями.

(Внимание! Совсем недавно вышли отличные книги: «Один против судьбы» А. Згорж, «С утра до вечера» И. Акимушкина, «Сага о малыше Хьялти» Стефауна Йоунссона, «Циолковский рассказывает...» К. Алтайского, собрание сочинений З. И. Воскресенской, том I. Советуем прочесть эти книги.)

Рисунки А. БОРИСОВА.

Вася Самойлов

из Хабаровска.

И мы с друзьями во время каникул собираемся у меня. Однажды Миша Зайцев предложил выучить семафорную азбуку. Она нам очень пригодилась во время игры «Зарница».

Возьмите в руки сигнальные флажки и разучивайте.

Надя Олейник

**из Долгопрудного,
Московской области.
Надя — редактор классной стенной газеты.
В новогоднем номере этой газеты объявлен конкурс на лучший юмористический рассказ.**

Наших ребят заметки писать не заставишь, а тут столько охотников объявилось. Победил Костя Захаров. Он написал о себе самом, что бывает не часто.

«В классе я самый высокий. Когда я ухожу на физкультуру, девчонки ахают над моими ботинками. Потому что ботинки сорок первого размера. Сижу я на первой парте. Это пытка ужасная. Шея у меня от списывания стала, как у жирафы. Длинная. Да, если присмотреться, я сам на ленивую жирафу похож...»

Поэт Аркадий Хайт и композитор Борис Савельев.
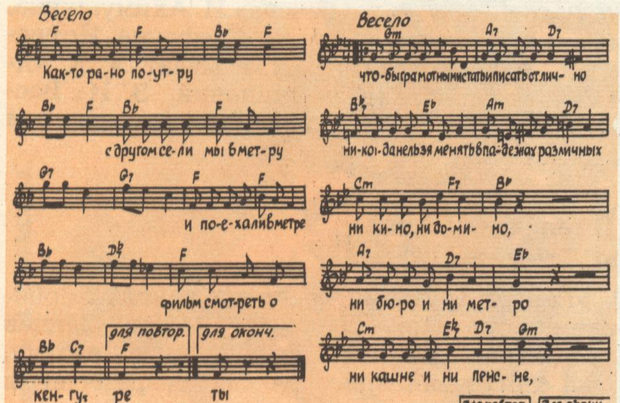
Мы сразу поняли, что такому ученику, как Костя Захаров, нелегко учить уроки. Мы специально для него придумали урок, который можно не учить, а петь...

Урок I

**Как-то рано поутру
С другом сели мы в метру
И поехали в метре
Фильм смотреть о кенгуре.
Вот сидим мы с ним в кине
Без пальта и без кашне,
А вернее, я и ты
Без кашне и без пальты.**

Урок II

**Чтобы грамотными стать
И писать отлично,
Никогда нельзя менять
В падежах различных
Ни кино, ни домино,
Ни бюро и ни метро,
Ни кашне и ни пенсне,
Ни шоссе, ни шимпанзе.
Можно песню распевать
При честном народе,**

**Если только не менять
Ни в числе, ни в роде
Ни какао, ни депо,
Ни кафе и ни пальто,
Ни колибри, какаду,
Ни жюри, ни кенгуру.**

Володя Корочкин

**Он живет и учится
в подмосковном городе Ногинске.
Володя — командир «голубого патруля»
в своей школе № 6.
На областном слете в соревнованиях
«голубых патрулей»
он занял первое место.**

Зимой я люблю ходить с друзьями на рыбалку. Ловим мы обычно на мотыля. Но его добыть не просто: нужно достать и промыть речной ил, в нем-то и попадется мотыль. Удилище для зимней рыбалки нужно совсем короткое, а леска самая тонкая.

Однажды мы с ребятами нашего отряда «голубого патруля» ходили на ближнее озеро спасать рыбу от замора. С нами был наш руководитель Игорь Михайлович Овчинников. Он показывал, как нужно рубить лунки. Чтобы вода в лунках не замерзала, мы бросили в каждую по пучку сена.

Я думаю, что во время зимних каникул многие ребята смогут участвовать в операции «Живое серебро».

Самсон Глязер,

**мастер спорта.
Самсон Вольфович знает
множество интересных игр
и даже сам их придумывает.**

...Представляете, ваш двор вдруг превратился в настоящий зверинец: около каждого подъезда стоят пингвины и медведи. Длинная скамейка стала смешным крокодилом, деревянный стол — большущим сло-

ном. С его хобота можно сто раз съехать на санках. В центре двора елка, а вокруг нее снегурочки, гномы, зайцы... Такой карнавал можно устроить!

Вот рисунки, где видно, как просто из досок, палок, льда и снега сделать фигуры животных.

Но в вашем дворе должно остаться место и для катка. На льду можно играть в национальную шотландскую игру «кэрлинг». Это игра метателей камней на льду. «Камни» можно сделать из дерева, а можно использовать баночки из-под гуталина.

Разделите каток на две половины. Игроки также разделяются на две команды и метают «камни» в гнезда. Команда, набравшая первой 21 очко, выигрывает. Посмотрите внимательно на рисунок.

Вика Жукова

город Дмитров, Московской области.
Вика — вожатая октябрят.
Чем бы ни была она занята,
всегда помнит, что ее ждут
тридцать маленьких друзей.

Наш отряд шефствует над октябрятами 2-го «А». На новогодней елке мы помогали им провести игру КВН. Знаете ли вы, сколько зубов у муравья? Что растет верхушкой вниз? Почему в ракушке шумит море? Чего не хватает зайцам? Если не знаете, то спросите у своих «противников» во время КВН.

В дни каникул мы играли с малышами в школьном дворе. Витя Климов придумал для них веселую эстафету на санках. Октябрята разделяются на две команды. По сигналу игроки с санками и седоками бегут до флажка. Потом, кто вез, садится на санки, кто ехал, возвращается с санками к своей команде.

Наш разговор закончился тем, что мы решили открыть

ОТДЕЛ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Ты тоже можешь принять участие в его работе. Пиши нам, как ты провел или мечтаешь провести свои зимние каникулы.

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

Редакция «Пионера» и его читатели сердечно поздравляют Эдуардаса Межелайтиса с присвоением ему звания Героя Социалистического Труда.

Жить я учусь у реки:
Бегу, спешу,
Всегда чего-то ищу,
Как речная вода.

Терпеть учусь у земли:
Топчут меня, буравят,
А я молчу, как земля.

Быть сильным у солнца учусь,
Ночь преграждает мне путь,
Вцепляется в волосы дождь,
Тучи меня хоронят.
Я одною рукой разрушаю
Стену тьмы. Я одним
Дуновением иссушаю дождь.
И одним прыжком
выскакиваю
Из черной могилы туч. Я
Опять белозубо смеюсь
И кружу в лазури,
Как солнечный диск.

Упорству у ветра учусь.
Никто меня тут не ждал,
Я сам заявился. Беру
За крыло, точно птаху,
Старый ветряк и кручу,
И размалываю для вас
Зерно. Хватаю
За жирную грудь
Этот прогнивший пень
И—трах!—выворачиваю
С корнями. Я накреняю
Хрупкую чашу цветка
Яблони, вишни, груши,
Вытряхиваю пыльцу
На свою голубую ладонь
И разбрасываю по саду,
Чтобы вы срывали плоды
И, надкусывая, улыбались.
Прелые листья каштана
Я швыряю в лицо тому,
Кто упивается грустью,
Видя осеннюю смерть
Сада. Я закидываю сизаря
К звездам, чтобы оттуда
Щепотку мира принес
Полной раздоров земле.
Меня не ждали. Сюда
Я сам заявился. Я упрям,
Как ветер.

Меня не согнете: из рук
Выскользну, как река,
Буду молчать, как земля.
Укачусь в вышину,
Как солнечный диск,
И взъерошусь,
Как ветер...

Кольчуга

Черепахе не жалко времени:
Влезши в панцирь стальной,
Ползет, надрываясь от бремени,
Бесконечной тропой...

Но платьем с ней обменяться
Порою не прочь и я.
Истинное богатство —
Твердая эта броня.

Конечно, мучение сущее
К цели вот так ползти.
Но быть раздавленным
лучше ли?
Даже в конце пути?

Лежит наподобье ореха.
Мчится мимо тропа.
Но чьим зубам не помеха —
Крепкая скорлупа?..

Тронулась медленно-медленно.
Ничего, не беда.
Врастают колос и дерево
Не быстрей в небеса.

Рисунки В. КОЧКИНА.

Алмаз

Пожалуй,
Уже почти обо всем,
Что можно увидеть на свете,
Сложил я стихи.
Пожалуй,
Об одной только вещи
Ничего еще не сказал.

Ребенком я любил наблюдать,
Как наш очкастый сосед
Удивительно ровно
Нарезает стекло для окон.

А ведь оконные стекла
Нужны для того,
Чтобы в дом попадало солнце
И разгоняло унылые тени
В монашеских ризах.
И только в окне
Можно увидеть,
Как взмыленный конь горизонта
Тащит вперед
Нагруженный воз дома.

Человеку необходимо окно.

— Покажи,—говорю я однажды
соседу,—
То, чем ты нарезаешь оконные
стекла.
Это, должно быть, что-то
большое...
— А вот и нисколько...
И курносый старик
Качает своей некрасивой
Сократовой головой.
— Маленькое,
С маковое зерно.

— Ну да...
Я верчу в руках
Деревянную дощечку,
В которую вделан
Сверкающий шарик.
— И вправду—
С маковое зерно...

— Малая кочка,—
Смеется Сократ,—
Большой воз опрокидывает.

— Каким же,—я говорю,—
Он должен быть твердым,
Если режет такую твердую
вещь,
Как стекло...

Светозарный кристалл
Ловит за руку
Бегущего мимо дружка моего,
И мы уже вместе
Разглядываем
Диковинную вещицу.
Светящееся зернышко
В деревянной дощечке —
Словно светило
Из нашей любимой сказки
О Солнечном Городе...

— Должно быть,—
Говорю я очкастому Сократу,—
Кучу денег он стоит.
— Еще бы,—
Кивает курносый стекольщик,—
Алмаз...

Теперь я знаю: только алмазом
И можно резать стекло для окна,
В которое смотрит солнце
Спокойным отцовским взглядом,
В котором сестринскою фатой
Блещет звездное небо.

(А взмыленный конь горизонта
Тащит вперед воз моего дома...)
Зерно твердое, точно кремень.
Острое, точно боль
Или мысль...

Алмаз.

Перевел с литовского Л. Миль.

«САЛЮТ, ПОБЕДА!»

РАССКАЗЫВАЕТ
свердловский морской
при редакции

Сережа Амосов пришел на линейку с медалью «Зарницы». Медаль была красивая, и Сережа гордо посматривал на остальных ребят, у которых на форменных рубашках были приколоты обыкновенные значки.

— Слушай, откуда это у тебя? — заметили ребята. — Такие медали перед строем вручают, в награду... Где ты ее взял?

— Выменял! — гордо сказал Сережка. — На осводовский значок и на три значка со спартакиадой!

Ребята притихли. Вот, оказывается, как бывает: дали кому-то медаль — за храбрость, за находчивость, а он ее на четыре значка сменял... И Сережка тоже хорош. Хоть ему и девять лет всего, и в отряде он только три месяца, все равно мог бы сообразить: чужую награду даже просто так, для красоты, надевать не стоит.

— Ты когда-нибудь настоящие ордена видел? — спросил Сережку на совете отряда Павел Орлов. — Видел, как их фронтовики берегут?

— Ну, откуда ему их видеть? — рассудительно заметил Саша Шильников. — Война же

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

«КАРАВЕЛЛА»,

и юнкоровский отряд журнала «Пионер»

вон как давно была... Я, например, тоже не видел. Я даже и не встречал никого, чтобы орденом награжден был...

— Да откуда ты знаешь встречал или не встречал? — вмешался Алешка Усов. — На них же не написано! Просто они свои награды каждый день не носят, берегут. Да и стесняются, наверное. Не то что некоторые: даже чужие готовы нацепить! — И он сурово покосился на грустного, пристыженного Сережку.

— А у нас дедушка — Герой Советского Союза... Только он далеко живет, в Смоленске,— негромко сказал Сергей Языков.

— Дважды Герой,— солидно уточнил его младший брат, Максим.

— И у меня дядя — Герой,— сказал Костя Субботко.— Он летчиком был. И погиб за несколько дней до конца войны.

— А помните, у нас Максим в отряде был? Смешной такой мальчишка, ему еще наша дисциплина не понравилась, и он ушел? Так он рассказывал, как его дед, когда была объявлена капитуляция, настоящего фашистского адмирала разоружал.

— А мне дядя рассказывал, как они в тылу у гитлеровцев склад боеприпасов взорвали. Он за эту операцию орден Боевого Красного Знамени получил,— гордо сообщил Андрей Котов, — и я этот орден видел! Он мне его показывал. И медали тоже. Он от Сталинграда до Берлина дошел!

— А мой отец умер в позапрошлом году. От ран. Он был в войну летчиком,— тихо сказал Вовка Боченин.

И в кают-компании стало тихо. Совсем недавно, прямо несколько минут назад, казалось, что война, беда, тревога — все это где-то очень-очень далеко, позади. А вот оказалось: близко...

— Знаете что,— предложил вдруг Павел Орлов.— Нельзя же в самом деле, чтобы в наших семьях хранились боевые ордена и медали, а мы думали, что никогда настоящих героев не видели! Журнал «Пионер» хорошее дело предложил нам: пусть каждый у себя дома узнает, какие награды в его семье хранят. А потом мы все эти истории соберем вместе.

— Правильно! — согласились все ребята.

Так начали мы участвовать во всесоюзном сборе-поиске «Орден в твоем доме», который объявил журнал «Пионер». Истории, которые публикуются ниже, результат долгого и упорного труда наших ребят.

ПАПИН САМОЛЕТ

«Сегодня мы провожаем в запас инженер-майора Боченина Юрия Николаевича. Окончив в 1941 году аэроклуб, 18-летним юношей он ушел в летную школу, успешно окончил ее и был отправлен на фронт.

Летчик Боченин Ю. Н., совершив 37 бое-

вых вылетов на штурмовку и разведку, лично уничтожил десятки автомашин, орудий и другой техники противника. На его счету десятки уничтоженных солдат фашистской армии.

На все боевые задания летал смело и уверенно, в боях проявлял находчивость и инициативу. Участие в Великой Отечественной войне закончил Берлинской операцией.

За смелость, находчивость и инициативу в боях, за добросовестную службу в рядах Советской Армии тов. Боченин награжден 12 правительственными наградами, имеет 12 благодарностей Верховного Главнокомандующего».

(Из приказа № 62 по войсковой части п/п 18038 об увольнении в запас инженер-майора Боченина Ю. Н.)

РАССКАЗЫВАЕТ ВОЛОДЯ БОЧЕНИН

У моего отца есть орден Боевого Красного Знамени. Папа получил его за один из вылетов, когда воевал на Первом Белорусском фронте.

Он и его товарищи вылетели на разведку, чтобы узнать расположение вражеских аэродромов. Их было четверо: командир эскадрильи, командир звена, мой отец и еще один летчик.

Фашисты их заметили и стали стрелять из зениток. Но они полет не прекратили, потому что должны были выполнить задание. И только когда все нужные сведения нанесли на карту, повернули на свой аэродром. Папа говорил, что это был один из самых длительных и трудных вылетов. И очень опасный. На аэродроме их уже ждали товарищи, которые очень волновались. Летчики часто не возвращаются с заданий...

Когда они сели, мой папа стал осматривать самолет и обнаружил в борту пробоину, в которую легко мог пролезть человек. Папа даже через много лет удивлялся, как это им так повезло, что вражеский снаряд не попал в мотор. Пробоина была в нескольких сантиметрах от него!

В тот день он только вспомнил, как во время полета самолет вдруг сильно вздрогнул. Наверное, тогда самолет и получил пробоину.

ВЕРА

РАССКАЗ СВОЕЙ БАБУШКИ ЗАПИСАЛ ВОЛОДЯ СОКОЛКОВ

В войну у меня каждый день две смены было: одна — обычная, на работе (я в «Энергосбыте» работала), а вторая — дежурство в госпитале. Мы с подругами ходили туда каждый день. Помогали раненым учиться ходить, читали им книжки, писали под их диктовку письма родным.

Помню, лежал там один контуженный. Во время боя рядом с ним разорвался снаряд. Осколков в него попало несколько, но от удара он память потерял. И вот как ни приду я в их палату, он все смотрит, смотрит, будто что-то вспоминает. Я уж все дела у них переделаю: приберу, подмету, газету почитаю вслух,— а он все смотрит. И вот однажды захожу я в их палату, он посмотрел на меня и как вдруг крикнет:

— Вера!

А какая же я Вера? Я даже испугалась сперва. Глажу его по руке, успокаиваю: «Обознался, милый, обознался...» А потом обрадовалась: видать, он кого-то из родных вспомнил! Возвращается, значит, память-то понемногу...

А еще во время войны я кровь сдавала. Очень уж хотелось помочь нашим солдатам, которые столько ее на фронте проливали... И еще почему-то все о детях думалось, которые сильно от войны страдали: от бомбежек, от голода, от болезней. Вот и пошла я... Сперва страшно было, но я о своем страхе даже думать не хотела. Взяли у меня 200 граммов крови и тут же, при мне, перелили какому-то раненому. Потом я еще часто сдавала кровь. Иногда ее отправляли во фронтовые госпитали. А в 1945 году меня вызвали в военкомат и вручили награду — значок «Почетный донор СССР». И ёще я получила медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.».

МОЙ ДЕДУШКА — РАЗВЕДЧИК

РАССКАЗЫВАЕТ ГАЛЯ ЦВЕТКОВА

Однажды мой дед ушел в разведку далеко в тыл врага. Это было в Белоруссии, где очень много болот и очень часто идут противные, мелкие дожди. Дед нанес на карту данные о расположении вражеской обороны на одном из участков, где планировалось наше наступление, и уже возвращался обратно, когда его вдруг заметили. Он был ранен в грудь, но все-таки сумел переплыть небольшое озеро и спрятался там в камышах. Кругом шныряли фашистские патрули, искали советского разведчика. В холодном и липком болоте ему пришлось сидеть два дня. А ведь он был ранен! Потом, когда гитлеровцы уже отчаялись его найти, он выбрался в лес и там в разных местах спрятал разорванную на пять частей карту с данными разведки. Он сделал это потому, что не знал, как добраться до своих и сумеет ли он дойти. Когда он разведал дорогу, то вернулся за картой и благополучно перешел линию фронта. За эту операцию Цветков Василий Петрович, мой дедушка, был награжден орденом Красной Звезды.

ЗА ОТВАГУ!..

РАССКАЗЫВАЕТ АЛЕША УСОВ

Она лежит у меня на ладони, дедушкина медаль, которой почти 30 лет. Она никогда не висела у него на шинели. Он был награжден посмертно.

...Был февраль сорок третьего года. Наши войска наступали, но фашисты всячески старались задержать наступление наших войск. Нужно было срочно восстановить мост около деревни Блиново, что под Москвой. Они ушли поздно вечером, их было девять человек. Мост они восстановили, но утром фашисты их обнаружили...

Их похоронили связисты.

А вскоре в часть пришло известие, что всех девятерых наградили. Посмертно...

Я никогда не знал своего дедушку. Я видел его только на фотографиях. Он, как все. Обыкновенный. Но мне кажется, что он был очень добрый, с теплыми, сильными руками. И еще он был смелый. Иначе не было бы на его медали слов: «За отвагу».

ПИСЬМА ИЗ ОТРЯДОВ И ДРУЖИН...

Меня зовут Сиденко Вова. Я начальник школьного штаба красных следопытов. Сообщаю вам: прочитав сентябрьский номер «Пионера», все наши ребята решили участвовать во всесоюзном сборе-поиске «Орден в твоем доме». Подготавливая такой сбор в своей дружине, мы узнали много нового о фронтовиках нашего села, о своих родных и близких. Мы хотим создать музей Боевой славы наших дедов и отцов, бабушек и мам, всех наших старших товарищей.

Я написал о медали своей мамы.

С пионерским приветом Вова.

СВОДНЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ

Удостоверение № 132162. Пожелтевшая карточка. Короткие строки: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». За этими строками — человеческая судьба, жизнь моей мамы.

...Тысяча девятьсот сорок первый год. Война. Комсомольский отряд 10-го «Б» роет вблизи города Уссурийска оборонительные рвы. Холод. Камни не поддаются кирке. Но с каждым днем рвы становятся все глубже и глубже.

В городе срочно формируются боевые отряды: мужчины уходят на фронт. Мальчишки-десятиклассники идут в военные училища. А девочки... Комсомольский отряд 10-го «Б» состоит теперь из одних девочек. После занятий по пять-шесть часов они работают на сахарном заводе.

Окончена школа. На заводе девочки стали работать по десять часов, а потом еще шесть-семь часов ночных дежурств на оборонительных постах.

Осенью и весной комсомольский отряд работает в подшефном совхозе: сажает сою и свеклу, а потом убирает урожай. Подъем в пять утра, отбой в двенадцать ночи. Приморские осенние дожди заливают поля. Комбайны и тракторы вязнут в грязи. Но надо, обязательно надо, убрать сою и свеклу— хлеба не всегда хватает... И девочки-комсомолки, увязая по колено в грязи, вручную, серпами жнут сою. Связывают ее в снопы, выносят их на дорогу и на лошадях увозят на ток. Работают день и ночь. Закончили уборку, начали молотьбу — масложиркомбинат получил тонны сои вовремя.

Известие о нашей победе застало девчонок в поле. Они снова сеяли сою. Было солнечное майское утро. На поле прискакал на коне бригадир — инвалид Великой Отечественной войны, крикнул: «Девчонки, ура! Победа! Все — на митинг!..»

Все девочки-комсомолки получили медали за доблестный труд в военные годы. Среди них была и моя мама.

Вова Сиденко,
Хабаровский край,
Смидовический район, станция Аур.

ИМЕЮТ БОЕВЫЕ ОРДЕНА И МЕДАЛИ

У нас в школе есть отряд красных следопытов. Обычно ребята из этого отряда разыскивали погибших или без вести пропавших героев. Но вот мы прочли девятый номер «Пионера», и почти все ученики школы, а у нас учится более 900 ребят, захотели участвовать в сборе-поиске «Орден в твоем доме». И с интересом взялись за это. Узнали много нового о военных годах в биографии своих матерей, отцов и дедов. Разыскали старого чекиста, а наши соседи, которые всегда считались обыкновенными людьми, оказались героями. Многие из них имеют боевые ордена и медали.

Совет дружины школы № 4,
г. Светловодск, Кировоградской обл.

ВНИМАНИЕ! ВСЕМ, КТО УЧАСТВУЕТ ВО ВСЕСОЮЗНОМ СБОРЕ-ПОИСКЕ «ОРДЕН В ТВОЕМ ДОМЕ», ДАЕТ ЗАДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР

15 июля 1944 года. Прибалтийский фронт. Фашисты прорвали линию фронта неподалеку от деревни Онихшты. На проселочной дороге показались танки, за ними цепочками бежали немецкие автоматчики. Фашисты приближались к подразделению, которое охраняло знамя.

Три вражеские атаки отбиты. В бою ранило ассистентов знаменосца — Юдина и Фетисова. Знаменосец полка Анатолий Шагалов подполз к сержанту Юдину и снял с него знамя, обмотал красное полотнище вокруг себя, спрятал под гимнастерку.

Началась четвертая атака. Вражеский снаряд попал прямо в знаменосца. Шагалов погиб. Но знамя полка было спасено.

О храбрых воинах Шагалове, Юдине, Фетисове известно мало.

Красные следопыты! Музей ждет вашей помощи. Соберите материал о героях-комсомольцах и пришлите его в музей.

Расскажите нам о подвигах знакомых вам людей, спасавших знамя во время войны. Мы ждем ваших донесений.

ХОРОШО И ЧУТЬ ХУЖЕ

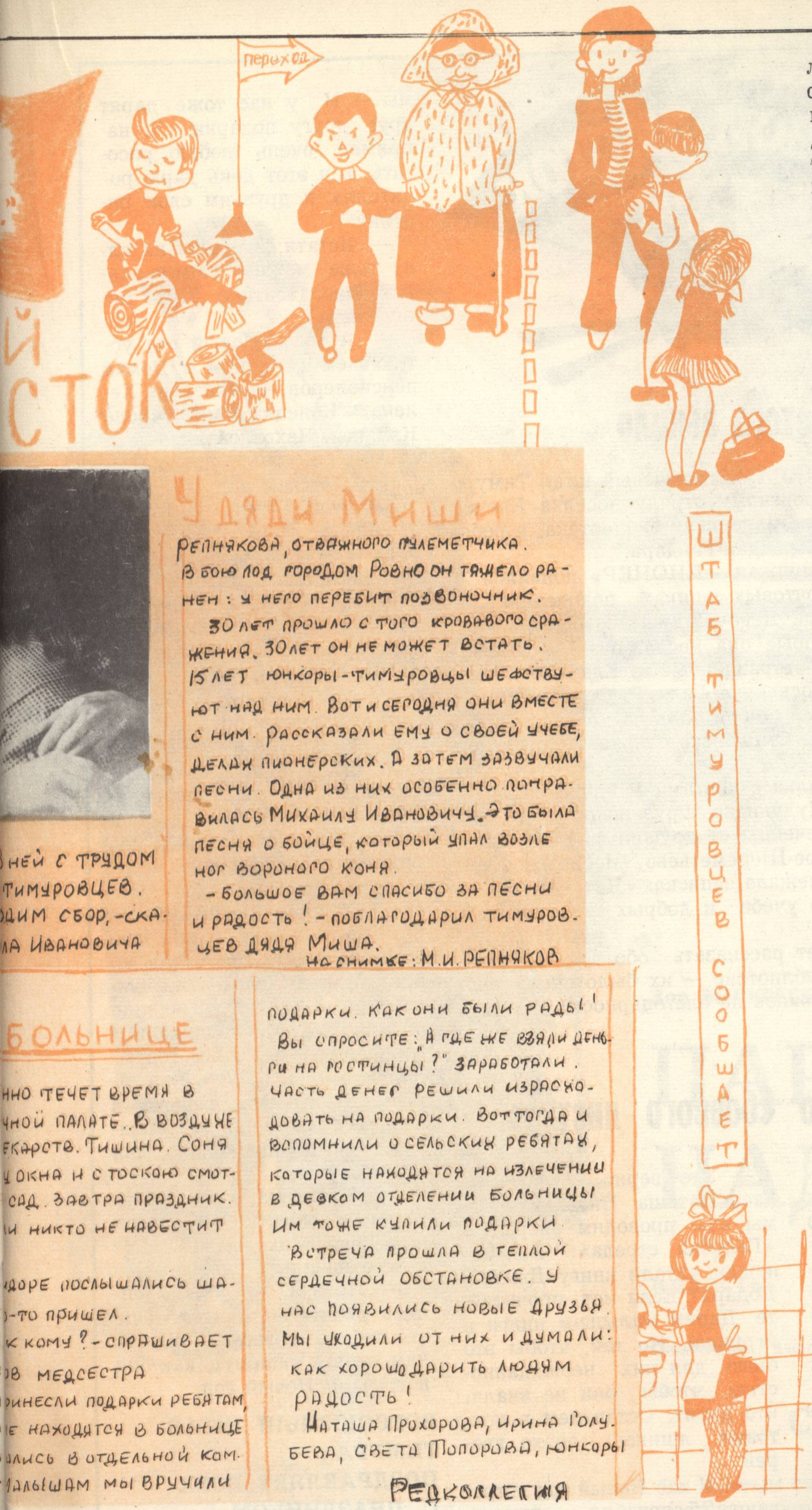
Несколько месяцев назад «Пионер» объявил конкурс «боевых листков». Мы подводим итоги конкурса. Перед вами «боевой листок», который нам всем понравился. Прислали его ребята из города Санчурска, Кировской области. В нем хорошая фотография, неплохие рисунки, он написан хорошим, простым языком. Все конкретно, все ясно. Молодцы юнкоры Наташа Прохорова, Ира Голубева, Света Топорова, молодец и художник Таня Попова. И все-таки хочется пожелать вам, девочки: старайтесь сделать свою газету более насыщенной. Жаль, что не нашлось в ней места для коротких сообщений о каких-то важных событиях, для юмора. Или, может быть, стоило затеять на страницах «листка» интересный (пусть и короткий) спор-диспут. Разве не возникают у вас вопросы, которые хочется обсудить всем вместе?..

Конечно, «боевой листок» бумажный, а не резиновый— его не растянешь. И все-таки давайте бороться за то, чтобы не было в наших «боевых листках» ни пустых заметок, ни пустого места!

Много интересных газет пришло на конкурс. Но много и неинтересных, тусклых, безликих. В некоторых, как яд сквозь кожуру колдовского яблока, проступают самоуверенность, самоуспокоенность, большая и искренняя любовь... к самим себе.

Многие тимуровские листки (хоть и имеют названия боевые — «Сигнал», «Трубач», «Старт», «Искра» и т. д.) почему-то превратились в обычные стенгазеты. С удивлением читали мы там заметки о КВН и вечерах отдыха, о спортивных соревнованиях, о любимой книжке: «Мне очень понравился роман Майн Рида «Квартеронка». Роман действитель-

У дяди Миши

Репнякова, отважного пулеметчика.
В бою под городом Ровно он тяжело ранен: у него перебит позвоночник.
30 лет прошло с того кровавого сражения. 30 лет он не может встать. 15 лет юнкоры-тимуровцы шефствуют над ним. Вот и сегодня они вместе с ним. Рассказали ему о своей учебе, делах пионерских. А затем зазвучали песни. Одна из них особенно понравилась Михаилу Ивановичу. Это была песня о бойце, который упал возле ног вороного коня.
— Большое вам спасибо за песни и радость! — поблагодарил тимуровцев дядя Миша.

На снимке: М. И. РЕПНЯКОВ

...ней с трудом
...тимуровцев.
...дим сбор, — ска-
...ла Ивановича

ШТАБ ТИМУРОВЦЕВ СООБЩАЕТ

...больнице

...нно течет время в
...чной палате. В воздухе
...екарств. Тишина. Соня
...у окна и с тоскою смот-
...сад. Завтра праздник.
...и никто не навестит

...доре послышались ша-
...-то пришел.
...к кому? — спрашивает
...в медсестра
...ринесли подарки ребятам,
...е находятся в больнице
...ались в отдельной ком-
...малышам мы вручили

подарки. Как они были рады!
Вы спросите: „А где же взяли деньги на гостинцы?" Заработали. Часть денег решили израсходовать на подарки. Вот тогда и вспомнили о сельских ребятах, которые находятся на излечении в детском отделении больницы. Им тоже купили подарки.
Встреча прошла в теплой сердечной обстановке. У нас появились новые друзья. Мы уходили от них и думали: как хорошо дарить людям радость!

Наташа Прохорова, Ирина Голубева, Света Попорова, юнкоры

Редколлегия

но недурен. Но при чем тут «боевой листок»?

В таких «небоевых листках» днем с огнем не сыщешь смелой — веселой и боевой — критики.

Пионерская дружина села Братовщина, Московской области, прислала объемистый свиток «боевых листков» (по классам), посвященных семидесятилетию со дня рождения А. П. Гайдара. Что же, идея хорошая — Гайдар всегда на нашем тимуровском знамени. Жаль только: материал газет очень уж известен. Может быть, не стоило пересказывать факты биографии Гайдара и сюжеты его произведений, а поискать что-то свое, своеобычное. Ну, скажем: «Гайдар в нашем классе», «Гайдар помог» или «Каким теперь был бы Тимур, каким был бы Квакин?».

Если Гайдар вам действительно нужен, так зачем повторять о нем усталые, затертые, известные всем слова. Не пора ли сесть да «пошевелить мозгами», как стать настоящими тимуровцами.

Есть на свете такой человек — Василий Теркин. Вот на кого, нам кажется, должен быть похож настоящий «боевой листок». Теркин — человек веселый, но и серьезный. Он обо всем говорит вроде бы с шуткой, да в ней намек — добрым молодцам урок. Кажется, Теркина занимают только дела его отделения (читай: класса), а глянешь повнимательней, слова его и о судьбе боя, и о судьбе фронта, и о судьбе целой войны. Этих же черт характера хочется пожелать и «боевым листкам»: пусть они будут веселыми, но не зубоскалят попусту, пусть будут серьезными, но не занудными, пусть живут заботами отряда, но не забывают об интересах всего тимуровского движения.

Теперь о газетах-лауреатах. Выделить мы решили две:

— «боевой листок» Санчурской средней школы Кировской области,

— «бсевой листок» Вельского городского штаба пионеров и школьников Архангельской области.

Редколлегии этих газет получают поощрительную премию «Пионера»: книгу «Будь готов!».

Что из этого вышло

В 10-м номере «ПИОНЕРА» Всесоюзный штаб Тимура предложил помочь тимуровскому отряду поселка Елечей Якутской АССР: в поселке маленькая библиотека, и ребята не могли достать книг Аркадия Гайдара.

В тот же день, когда журнал «ПИОНЕР» появился в московских киосках и почтовых ящиках подписчиков, в редакцию пришла девочка. Девочка была совсем маленькая, а стопки книг, которые она несла, очень большие. Это были первые книги, отправленные в Елечей. Самой оперативной оказалась москвичка Галя Рыбальченко.

Потом посылки в Елечей пошли одна за другой.

Из 16-й средней школы Смоленска отправили в Елечей две посылки с книгами.

Пришла в Елечей посылка с книгами Гайдара из тимуровского штаба города Цулукидзе, Грузинской ССР.

150 книг получили елечейцы от дружины имени Лизы Чайкиной села Покровское-Шереметьево, Московской области. А еще в посылке лежала записка: «Читайте на здоровье! Желаем успехов в учебе и добрых тимуровских дел!»

Конечно, штаб не может рассказать обо всех ребятах, помогавших маленькой библиотеке, — их было очень много. Но главное для тимуровцев не благодарности, правда?

Интервью «боевого листка»

В подмосковный пионерский лагерь имени Аркадия Гайдара приехали ребята из Франции, Японии, Чехословакии. Однажды собрались они вместе, и зашла речь о Новом годе: как его встречают в разных странах? Как сделать так, чтобы праздник запомнился?

— Во-первых, что это за Новый год без елки? — сказал Володя Михайлов. — Нужно заранее договориться с лесничеством и доставить елки на дом тем, кто не сможет их достать.

— Это верно, — согласилась Наташа Витлина. — А мы еще проводим операцию «Голубая стрела». Вы, конечно, читали книгу Джанни Родари? Если нет, прочитайте. Дарим малышам книги и игрушки. Но так, чтобы это было для них неожиданностью, чтобы они не знали, кто дарит. Оставляем в почтовых ящиках, около дверей...

— У нас Новый год встречают 25 декабря, — вмешалась маленькая Акика из японского города Иокогамы. — И у нас тоже дарят друг другу подарки. Я, например, очень люблю рисовать, и в этот день дарю родителям и друзьям свои рисунки.

— Кстати, игрушки на елку тоже можно самим сделать, — подхватила Ира Денисова.

— А мы на Новый год устраиваем концерты в Домах пенсионеров, — сказала Хелена Конецка из города Кладно, Чехословакия, — и ставим спектакли для малышей в детском саду.

— Новый год, — рассказывает Бертран Безен из города Облона, Франция, — самый веселый праздник. Устраивают балы, маскарады, обмениваются подарками. А дети наутро в своем чулке находят подарки. Они думают, что их принес Пэр Ноёль — французский Дед Мороз. А если и заметили, что подарок в чулок положили родители, то все равно делают вид, что не догадались... Какой же Новый год без волшебства?

— В Коллине, где я живу, — говорит Вера Виткова из Чехословакии, — мы стараемся сделать так, чтобы ни один старый человек не чувствовал себя на празднике одиноким. Мы приходим поздравлять с Новым годом, дарим торт, купленный на заработанные нами деньги, и читаем стихи — их мы сочиняем сами специально для этого случая.

— А письма и поздравительные открытки? — вспомнил Дима Михельсон. — Вот с чего начинать надо!

— Правда, — согласились ребята. — Может, еще что-нибудь позабыли? Пусть нам ребята напишут, как они встречали Новый год.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА ПОЗДРАВЛЯЕТ ВСЕХ С ПРАЗДНИКОМ. ДО ВСТРЕЧИ В НОВОМ ГОДУ!

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ПАРОЛЬ — НАДЕЖДА

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 7.

СВИДАНИЕ

За толстым стеклом витрины не спеша покачивается огромный, словно луна, маятник напольных часов, с веселых расписных ходиков свешиваются продолговатые гири, тоненькой золотистой струйкой течет время в песочных часах; на черном бархате затейливые музыкаль-

ные шкатулки, будильники, брегеты, крохотные дамские часики...

Надю интересовали не часы, а время. Какие же идут правильно?

Позвякивал колокольчик на дверях, и из магазина доносился перезвон часов.

Неподвижно, замерев, отстаивали свое время часовые стрелки, опадали или устало поднимались вверх по крутым ступенькам времени минутные, и только длинноногие секундные бежали без устали, без остановки. Это они тянули за собой минутные стрелки, это они сдвигали с места короткие, толстые часовые.

Вот бы суметь, как секундная стрелка, так же деятельно, стремительно, не останавливаясь, не мешкая, идти все вперед, все время вперед.

Ильич так умеет. А она? Надя усмехнулась и пожала плечами: пожалуй, нет. Иногда останавливается в нерешительности, а потом спешит, спешит.

Пять месяцев разлуки тянулись, как пять долгих лет. Очень медленно двигалась для Нади секундная стрелка. Но вот уже двадцать два дня, как Владимир Ильич вернулся из-за границы в Россию, дал весточку, что границу «проскочил» благополучно. А сейчас где-то ездит, с кем-то встречается, что-то организует. И вот на днях получила из Москвы условную открытку. Сидела, расшифровывала, высчитывала количество букв в первой строчке, умножала, делила... Смеялась — ну и хитрый же шифр придумали, еле сама разобралась. Владимир Ильич назначил свидание у часового магазина на четыре часа. А здесь все часы показывают разное время. Это нужно хозяину, чтобы непрерывный перезвон часов привлекал внимание прохожих, зазывал покупателей. За стеклом то ухает удар колокола, то прокукует кукушка, то несколько музыкальных шкатулок вызванивают каждая свою мелодию.

На зеркальном стекле отражается жизнь улицы, мелькают лица прохожих. Чужие, равнодушные лица. Возникают, проплывают мимо и исчезают.

И вдруг Надя увидела глаза. Веселые карие глаза. В них нескрываемая радость. И нежность. И восхищение.

Надя смотрела в стекло, не решаясь повернуться. Рядом увидела свое отражение, свою растерянную и счастливую улыбку. И обернулась. Встретилась лицом к лицу с Владимиром Ильичем.

— Здравствуйте, Надежда Константиновна!

Как много может вместить в себя простое слово «Здравствуйте!», прозвучавшее как монолог.

— Здравствуйте, Владимир Ильич! — сказала очень тихо, но проходивший мимо пожилой человек взглянул на них сквозь очки и понимающе улыбнулся.

— Ну, вот, — развел руками Владимир Ильич, — ничего не поделаешь!

Надя поняла. Действительно, ничего не поделаешь, не справишься с сердцем, когда оно любит. А секундные стрелки на всех часах бегут, и их обгоняет вихрь невысказанных слов, таких понятных им двоим.

Они шли молча, оба взволнованные, не видя ни людей, ни притуманенного осеннего питерского дня. Шли, все убыстряя шаг, изредка взглядывая друг на друга.

— Куда мы так спешим? — остановилась, запыхавшись, Надя.

— В наше будущее, — весело и задорно ответил Владимир Ильич и взял ее под руку. — В наше будущее, — повторил он. — Я очень верю в него. Оно прекрасно!

Стало легко и празднично. Оба понимали, что тайна, которую каждый носил в себе, стала явью.

Дул холодный ветер. Было пасмурно. Облака низко летели над Невой, под ногами шуршали пожухлые листья, но для них было солнечно, ясно и по-молодому весело.

— Вы сегодня не торопитесь? — спросил Владимир Ильич. — Мне так много надо вам рассказать. Расспросить обо всем. Посоветоваться с вами.

— Нет, не тороплюсь. У меня свободный вечер. Маму предупредила, хозяйке сказала, что вернусь поздно.

— Отлично! Я сегодня тоже вольный человек. Приехал в Петербург чистенький, без «хвоста», сыщики меня давно потеряли, а я пока нигде не прописан. Хожу как в шапке-невидимке.

— Вы хорошо выглядите, поправились.

Владимир Ильич рассмеялся.

— Поправился за счет нелегальщины; за пазухой и в карманах у меня полно литературы.

— Это рискованно. Куда вы ее денете?

— Передам наследнику. — Владимир Ильич хитровато скосил глаза на спутницу. — У наследника есть столик с толстой ножкой, на котором, надеюсь, по-прежнему стоит самовар.

— Да. Но столик переполнен материалами, которые мы для вас собрали. Литературу я спрячу у мамы. У нее огромная квартира и место найдется. Ну, расскажите же, как вы съездили, с кем виделись? Довольны результатами?

— Очень! Поездка была полезная. Встречи интересные. Я каждый вечер ловил себя на мысли, что мне позарез необходимо написать вам, получить от вас весточку. И, знаете, — признался вдруг Владимир Ильич, — писал! Писал и сжигал. Не мог ставить вас под удар. Ведь каждое письмо из-за границы охранка берет на особый учет, даже если оно весьма и весьма личное. Считайте, что вы получили от меня много писем.

— В таком случае я послала вам столько же в ответ, — пошутила Надя. — А в общем, я счастлива, что вы благополучно вернулись. Плеханова видели? Понравился?

— Плеханов великолепен,— с жаром воскликнул Владимир Ильич,— это поистине лучший знаток марксизма, энциклопедически образован. Но, видно, пятнадцать лет отрыва от России дают себя знать. Он не очень-то верит в силу и талант русского рабочего класса. Вот Лафарг видит в рабочем классе самостоятельную революционную силу.

— Так вы были в Париже, виделись с зятем Маркса и Лаурой? — ахнула Надя. — Ну расскажите же о них.

Владимир Ильич с восторгом рассказывал о докторе Лафарге и его жене Лауре.

— Поль Лафарг — талантливейший из учеников Маркса и пропагандист марксизма. Это два великих труженика — Поль и Лаура, очень красивые, хотя уже пожилые люди, влюбленные друг в друга и отдающие себя делу революции.

Надя слушала, и перед ее глазами возникала высокая, стройная фигура доктора Лафарга с белоснежной шевелюрой и рядом с ним живая черноглазая Лаура.

Увлеченный разговором Владимир Ильич не забывал обходить места, где мог бы натолкнуться на шпиков, время от времени проверял, не подцепили ли «хвост». Вышли на Большой Самсониевский проспект, присели на скамейку. Улица была пустынна. В редких окнах горели огни.

— Когда я смотрел на Лафаргов, мне вспомнился брат, Саша,— продолжал Владимир Ильич. — Перед отъездом в Петербург, как я теперь понимаю, он переживал свою первую юношескую любовь. Об этом знали мама и Аня. Маруся была нашей дальней родственницей, славная девушка. Но Саша отошел от нее, когда понял, что у нее нет общественных интересов и что она не сможет стать его настоящей подругой в жизни.

Владимир Ильич встал, подтянулся и сорвал с дерева гроздь рябины, казавшейся совершенно черной в этот ночной час.

Надя вздрогнула, осторожным движением забрала у Владимира Ильича рябину и незаметно бросила ее в кусты.

— Пойдемте отсюда, здесь очень холодно, чего доброго простудитесь. — Страх, страх вдруг обуял ее, страх за него, Владимира. «Саша... Рябина обыкновенная...» — мелькало в мозгу. И эта гроздь рябины в руках Ильича.

Владимир Ильич по-своему понял ее. Он снял с себя пальто и накинул на плечи Нади.

— Я вовсе не чувствую холода, — сказал он,— и я в костюме, а на вас совсем легкое пальто.

И как ни возражала Надя, он заставил идти в его пальто.

— Рассказывайте, рассказывайте, где вы еще были? — допытывалась Надя, стараясь справиться с собой.

— Два месяца провел в Берлине, работал в библиотеке, прочитал уйму марксистской литературы. Очень хотел я поехать в Лондон, повидаться с Фридрихом Энгельсом. Но, увы, 24 июля газеты сообщили горестную весть — Энгельс скончался. Он очень верил в русский народ, в его будущее. «Великий и высокоодаренный народ»,— говорил он.

— Да, эта весть потрясла здесь многих. Иван Васильевич Бабушкин организовал собрание рабочих в лесу, рассказал о жизни Маркса и Энгельса. Рабочие хотели послать венок, но не знали, как это сделать,— сказала Надя.

— Ну, а что вам удалось сделать? — спросил Владимир Ильич.

— У нас успехи небольшие. Занимались сбором материалов по вашему вопроснику. Только месяц как начала работать школа после каникул, но новостей много. Настроение на фабриках боевое.

— Ах, какую мы работу сейчас развернем, как много надо успеть сделать! — воскликнул Владимир Ильич. — Успеть! Чудес на свете не бывает. Наша активность вызовет ответную реакцию полиции... Война есть война.

Владимир Ильич понимал, что поездка за границу даром для него не пройдет, понимал, что начнется бешеная слежка, хотя и не знал, что уже в мае департамент полиции занес его как руководителя под номером один в список лиц, занимающихся революционной пропагандой среди рабочих.

— Но что бы ни случилось, давайте условимся, что в книгах самого невинного содержания, которыми мы будем обмениваться, на седьмой странице на предпоследней строчке будет знак, с какой страницы начинается письмо. А письмо будем накалывать по буквам или писать между строчек молоком или лимонной кислотой. Особо важные места шифровать, как ранее условились. Личные письма тоже тайнописью между строк. Боюсь чужого прикосновения, — проникновенно сказал Владимир Ильич.

... Уже светлело на востоке небо, а они ходили по Петербургу, не чувствуя усталости. Присаживались на скамейках, мечтали, строили планы. Нелегальная литература из карманов Владимира Ильича переместилась в объемистый ридикюль Надежды Константиновны.

Расстались на углу Знаменской площади, когда уже совсем развиднелось, прошли первые конки, затарахтели по мостовой ломовые извозчики, открывались ставни булочных, бакалейных лавочек.

— Я пойду сейчас в общежитие рабочих, что на Невском у Лавры. Посмотрю, как живут они, с каким настроением идут на работу, что их волнует. Потом отправлюсь снимать себе комнату. Когда пропишусь — сразу начнется слежка. Берегите себя, — Владимир Ильич задержал руку Нади в своей, поднес ее к губам и горячо поцеловал. — Берегите себя. В добрый час!

— В добрый час!

На углу Лиговской улицы Надя оглянулась. Владимир Ильич, видно, ждал этого: улыбнулся, прикоснулся пальцами к полям шляпы и зашагал по Гончарной.

...Два дня Надя находилась в приподнятом состоянии. Все спорилось, все ладилось, уроки проходили интересно. Вот и сейчас Надя перелистывает сочинения учеников на тему «Моя жизнь». Владимир Ильич страсть как любит читать эти сочинения, бесхитростные, откровенные, большей частью горестные. Эти тетради надо суметь передать ему. Все, что теперь делает Надя, она делает для него. Это нужно Ильичу... Это заинтересует его... Это ему понравится... Это ему пригодится... А ему — значит делу. Владимир Ильич умеет из множества фактов выбрать главное, объединить большой мыслью. И Надя учится у него. Хорошо, что он есть на свете.

Стук в дверь прервал ее мысли.

Пришла Лена. Надя повисла у нее на шее.

— Лена, Ленка, милый Ленок, как же давно мы с тобой не виделись.

Лена — двоюродная сестра Нади. В детстве встречались часто, ходили друг к другу в гости, оставались ночевать, по ночам рассказывали одна другой страшные истории, играли в индейцев, строили из подушек крепости. А теперь так редко видятся. Надя поглощена работой. У Лены своя жизнь. Она зарабатывает нелегкий хлеб в адресном бюро и готовится стать актрисой.

— Надюшка, я к тебе на минутку.

Только сейчас Надя заметила, что у Лены встревоженное лицо.

— Что-нибудь случилось? Как мама?

— Мама здорова. А я пришла по интересующему тебя делу. Как-то ты меня познакомила с молодым человеком. Владимиром Ульяновым. Мне показалось, что он тебе дорог. А вот сегодня...

— Что? Что произошло сегодня? — Краска медленно сползала с Надиных щек.

— Пока ничего страшного. Ты, пожалуйста, не волнуйся. На тебе лица нет. Успокойся. Сегодня ночью я дежурила в адресном столе. Сидела и нанизывала на дужки карточки с новыми адресами. Под утро явился чиновник из жандармского управления и принялся сам перекидывать карточки на дугах. Я хотела ему помочь, а он цыкнул на меня: «Сам справлюсь. Ищем важного государственного преступника. Отойдите!» Я села за свой столик. Он перебирал карточки на букву «У». Потом спросил, есть ли новые, неразложенные. Я-то их как раз и сортировала. «Ищите, — приказал он мне. — Ульянов Владимир Ильич, родом из Симбирска, 25 лет».

Надя умоляюще смотрела на кузину: скорее, скорее, что же дальше?

— Я стала перебирать карточки, — продолжала Лена, — хотела незаметно спрятать, но он следил за каждым моим движением и когда увидел фамилию «Ульянов», схватил карточку, засмеялся. «Прибыл, значит, в Петербург. Наконец-то! Брата его повесили, и этот теперь от нас не уйдет!» Он записал адрес и сказал, чтобы я никому не смела говорить, кого он искал. Я сменилась с дежурства и сразу к тебе.

— Спасибо, Леночка, спасибо, дорогая. «Важный государственный преступник... Теперь не уйдет...» — повторяла Надя. — Больше он ничего не сказал?

— Нет. Это все.

— Я спешу в школу, — спохватилась Надя. — Давай как-нибудь встретимся.

— Давай. Я ухожу из адресного бюро, меня берут в театр. Не знаю, что получится, но мечта моя, кажется, осуществится. Мама не очень одобряет мой выбор.

Надя не слушала Лену. Мысли ее летели вихрем. Как предупредить Ильича? К нему идти нельзя — запретил категорически. Рассеянно попрощалась с кузиной и побежала на паровую конку.

Сидя в конке, обдумывала план действий. В женской школе разыскала Фросю.

— Фрося, милая, ты мне очень нужна.

Прозвенел звонок, приглашающий на урок. Опустели коридоры, захлопнулись двери в классные комнаты. Надежда Константиновна сидела с Фросей на подоконнике и растолковывала, как проехать к Таирову переулку, что сказать.

— Не беспокойся, Кстинна, все сделаю, как нельзя лучше. Мигом слетаю и к большой перемене вернусь обратно.

— А если там полицейская засада и тебя спросят, зачем приходила? Что скажешь?

Фрося пожала плечами.

— Скажу: приходила за бельем в стирку, я ведь прирабатываю этим. Не беспокойся, теперь я грамотная. «Капитал» стала изучать. Небось, не забыла, как ты мне про счастье-то говорила.

Надя опоздала на свой урок. Такого с ней еще не случалось. Извинилась, сказала, что приболела. Вид у нее и впрямь был нездоровый. Ученики сидели тихо и старались отвечать так, чтобы вызвать улыбку одобрения любимой учительницы.

На большой перемене пришла Фрося. Еще издали весело подмигнула — мол, все в порядке.

— Поклон просил передать и чтоб не беспокоилась. А мне спасибо сказал.

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

Это был необычный, торжественный вечер. Вечер 8 декабря 1895 года.

На квартире Елизаветы Васильевны собралось руководство Петербургской организации социал-демократов.

Собрались, чтобы отредактировать и смонтировать первый номер газеты «Рабочее дело», первой нелегальной марксистской газеты в России. Еще день-два, и сотни пахнущих свежей типографской краской листков разойдутся по фабрикам и заводам.

Ждали Запорожца, у которого хранился весь материал для газеты. А он запаздывал.

Елизавета Васильевна отпустила ужины своим нахлебникам и теперь была на вахте.

— Все спокойно, — шепнула она Наде, вернувшись с улицы. — Мороз страшнейший, ни один шпик не выдержит.

— Черный ход открыт? Дверь на чердак тоже? — спросила Надя.

— Да, да, все, как условились.

Надя зашла в комнату, обвела взглядом сияющие лица товарищей, а на сердце было неспокойно, тревожно.

Владимир Ильич ходил по комнате и, потирая руки, говорил:

— Мы хорошо с вами поработали. Подумать только: год назад мы выпустили первую листовку по поводу бунта на Семянниковском заводе. Написали от руки, в четырех экземплярах. А теперь — газета!

— И счет мы теперь ведем на тысячи, — заметил Ванеев. — Ваша брошюра, Владимир Ильич, «Объяснение закона о штрафах» уже печатается. Обещают оттиснуть три тысячи.

— Отлично! А газету?

— Тысяч десять хватит?

Все дружно рассмеялись. Об этом недавно и мечтать не могли.

— Великое спасибо надо сказать Лидии Михайловне, это она нам устроила типографию, — с сердечной теплотой сказал Владимир Ильич и обратился к Наде: — А сколько нелегальных квартир для хранения литературы мы сейчас имеем?

— Двенадцать, — ответила Надя, — и еще проверяем несколько адресов.

— Очень хорошо. Но будьте архиосторожны. Министр внутренних дел Дурново решил заняться вечерне-воскресными школами. — Владимир Ильич вынул из нагрудного кармана листок бумаги. — Нам удалось добыть секретное письмо Дурново обер-прокурору святейшего Синода Победоносцеву. Министр считает безвозмездную работу учителей одним из средств борьбы с существующим в России государственным порядком. А, каково?

— Дурново, как видно, не дурак. Понимает, что к чему, — заметил Кржижановский.

— Да, да. Он считает, что нужно заняться тщательной проверкой лиц, допускаемых к занятиям в школу, поскольку, мол, это все бывшие студенты да курсистки, а ему, вероятно, хотелось, чтобы преподавателями были бывшие унтеры. Я тут подготовил комментарии к этому письму.

— Воображаю, как будет дурно Дурново, когда он узнает, что его секретное письмо попало в наши руки, — сострил Старков.

Владимир Ильич незаметно взглянул на часы, и Надя поняла, что его беспокоит опоздание Запорожца, хотя он и не показывает виду.

Запорожец явился весь заснеженный, расстегивая негнущимися от мороза пальцами шубу.

— Прошу прощения.

— Отрывали «хвост»? — с беспокойством спросил Владимир Ильич.

— Нет, пришел, как алмаз чистой воды, но задержался с перепиской.

Владимир Ильич пожал плечами. Все зашумели.

— Мы тут бог знает что передумали, а он «задержался с перепиской», — налетел на Петра Кржижановский.

— Надя тебе уж передачу в тюрьму готовила, спрашивала нас, любишь ли ты вареники в сметане. — Ванеев пытался шутить, но яркие пятна на щеках выдавали, как он переволновался.

— Я обдумывал план твоего побега из тюрьмы, а ты... — ворчал Старков, помогая Запорожцу освободиться от шубы, у того руки зашлись от холода и не справлялись с крючками.

Все провели этот час в большом напряжении, но каждый щадил нервы товарищей.

— Чур, братцы, чур, — отмахивался Запорожец, — смените гнев на милость. Я переписал все статьи Владимира Ильича. А если бы меня и впрямь схватили с этими рукописями и полиция по почерку установила бы авторство Ильича? У меня почерк, правда, корявый, но переписал все внятно. А о тюрьме бросьте. Боюсь я неволи.

— Не следовало этого делать, — тихо и растроганно сказал Владимир Ильич.

Глеб крепко обнял Запорожца.

— Прости меня, окаянного, Петруша. Ты правильно поступил. За это тебе отпускаются все твои грехи.

Владимир Ильич раскладывал на столе материалы газеты, произнося «гм... гм...», что выдавало его крайнее волнение.

Надя с нежностью посмотрела на Запорожца, решившего своей грудью прикрыть Ильича. Вот оно, подлинное братство и дружба. Что может быть прекраснее!

— Итак, приступим. — Владимир Ильич начал читать передовую, написанную им. Это была программная статья, которая разъясняла необходимость создания самостоятельной революционной партии рабочего класса и борьбы за политическую свободу.

Статьи прочитаны, обдумана и обсуждена каждая строчка. Что-то надо поправить, переписать. Это берет на себя Ванеев. Он же должен к утру подготовить заголовок газеты.

— Второй экземпляр останется у Надежды Константиновны, — решил Владимир Ильич.

Условились, что утром Надежда Константиновна заберет у Ванеева материал и передаст его Книпович.

— У нас будет газета... у нас будет партия, — мечтательно произнес Владимир Ильич.

Глеб вполголоса запел:

— Вставай, поднимайся, рабочий народ!

Все подхватили; пели шепотом:

— Вставай на врага, люд голодный!

Все ближе подались к Владимиру Ильичу.

Раздайся клич мести народной:
Вперед! Вперед!
Вперед!
Вперед!
Вперед!

В комнату заглянула Елизавета Васильевна, верный часовой. Оглядела всех, ставших ей такими близкими, родными. Улыбнулась.

— Дорогие гости, не пора ли по домам?

— Спасибо, дорогая Елизавета Васильевна, за напоминание. А то мы тут размечтались.

— Спасибо вам за все. — Владимир Ильич встал. — Кому прикажете идти через черный ход, кому через парадный?

...Рано утром Надя вышла от матери. Дворники расчищали снег, выпавший за ночь. Мглистая дымка висела над городом. Надя забежала к себе домой, спрятала второй экземпляр статей в заветное «дупло» столика и отправилась к Ванееву. Светлое, радостное чувство не покидало ее. Уж очень хорош и значителен был вечер, проведенный накануне. «Газета выйдет дня через два. Надо привлечь к распространению ее Егорушку, — обдумывала Надя, — он рвется к делу. За пять лет стал ладным мастеровым. На моих глазах произошло превращение неграмотного крестьянского паренька в сознательного рабочего. И Настя может быть хорошим помощником. Фрося стала настоящим вожаком. И из новеньких можно подобрать несколько человек».

Вот и 1-я рота Измайловского полка. Дом 22. Надя взбежала по ступенькам и позвонила два раза. Дверь откроет сам Анатолий и передаст готовый пакет. Чего же он медлит? Позвонила еще раз.

— Кто там? — послышался женский голос из-за двери.

— Откройте, пожалуйста. Я к Анатолию Александровичу.

Заспанная кухарка открыла дверь. Вид у нее был перепуганный.

— Нет его. Съехал он. Нет его, нет его, — повторяла она и махала рукой — уходите, мол, уходите.

Дверь захлопнулась.

«Съехал... Но всего восемь часов назад мы с ним распрощались. Неужели арестован? Если Анатолий арестован, значит, и Ильич?»

Еще не зная, что предпринять, поехала на работу в Управление железных дорог.

Сидела, ударяла одним пальцем по клавишам разбитой машинки, буквы расплывались, как в тумане. Было зябко и страшно. Просто невмоготу оставаться в неведении. Сославшись на головную боль, Надежда Константиновна отпросилась домой.

Вспомнила: «Если я вдруг исчезну, — справляйтесь у Чеботаревых».

Владимир Ильич приходил к Чеботаревым обедать ежедневно ровно в два часа дня. И это была не только пунктуальность, которой отличался Владимир Ильич, но и непременное условие: если не пришел обедать — значит, что-то стряслось. Никаких конспиративных встреч здесь Владимир Ильич не проводил, нелегальную литературу не хранил.

Был уже четвертый час. Какая-то слабенькая, как паутинка, надежда трепетала в сердце, когда она нажала на звонок.

— Владимир Ильич обедать сегодня не пришел, — сказала Чеботарева.

Паутинка порвалась.

Надя вышла с Верейской на Загородный проспект, свернула в Большой Казачий переулок. На углу, перед входом в дом, где жил Владимир Ильич, снег был вытоптан, кругом виднелись следы лошадей, глубокие колеи от полозьев.

Шла по улице, как по высоко висящей жердочке — кругом было пусто, зыбко. Надя вдруг почувствовала, что потеряла уверенность, лишилась опоры. Что делать дальше?

У школы ждал Бабушкин. Повел ее через черный ход под лестницу.

— Арестованы Ульянов, Кржижановский, Старков, Ванеев, Шелгунов, Запорожец, многие рабочие из марксистских кружков. Видна рука провокатора. Подозреваем, — как в тяжелом сне слышала Надя, — зубного врача Михайлова... Шум идет по заводам, — шептал Бабушкин, — полиция заслала провокаторов, говорят, что политических преступников арестовали. Надо разъяснить, что социал-демократы не преступники, а защитники рабочих. Вот я тут листовку написал. Напечатать надо. Сможете? Мы распространим. Действовать надо.

— Да, Иван Васильевич, обязательно напечатаем.

«Действовать надо». Надя словно очнулась. Она должна действовать. Дать знать в Москву родственникам Ильича. Бедная Мария Александровна! Полгода назад они вместе боролись за жизнь Владимира Ильича, когда он тяжело болел. И снова беда... Куда девать второй экземпляр материалов для газеты? Уничтожить? Но там статьи Ильича. Статьи, которые переписал Запорожец своей рукой и теперь будет за них отвечать. Петр действительно прикрыл собой Ильича. Решила отнести Нине Герд, своей гимназической подруге. Нина собирается замуж за Петра Струве, а тому ничего не грозит — он легальный марксист, безопасный для правительства.

«СОЮЗ БОРЬБЫ» ДЕЙСТВУЕТ

В Управлении железных дорог закончились присутственные часы. Надежда Константиновна уложила папки с бумагами в большой деревянный шкаф, закрыла блестящим железным колпаком новенькую пишущую машинку «Ремингтон» и с вожделением посмотрела на старую, накрытую потертым клеенчатым чехлом. И вдруг решилась. Вышла в коридор, постучала в дверь к своему начальнику.

— О, Надежда Константиновна, я вас вчера не видел. С Новым годом, с новым счастьем, с новым здоровьем! — приветствовал ее начальник отделения.

— Взаимно и вас, Василий Васильевич!

— Как вам понравилась новая пишущая ма-

шинка? Из Северо-Американских Соединенных Штатов! Я дал распоряжение, чтобы ее выдали вам. Очень ценю ваше усердие.

— Сердечно благодарю, Василий Васильевич. Но я печатаю очень медленно. Нельзя ли мне взять домой старую машинку и попрактиковаться на ней?

Чиновник нерешительно пожал плечами.

— Казенное имущество. А, впрочем, возьмите. Если хозяйственная часть потребует, немедленно верните.

— Разумеется.

Надя вышла из кабинета сияющая. Давно они мечтали приобрести машинку, чтобы печатать листовки. Пишущая машинка и восковая бумага — это же целая типография. Спускаясь по лестнице, Надежда Константиновна увидела внизу в вестибюле Чеботарева. В гардеробной было уже пусто.

— Я вас жду, Надежда Константиновна, — сказал он, целуя ей руку. — Вы просили билеты в консерваторию, вот, пожалуйста, два билета на сегодняшний концерт.

Никаких билетов она не просила, но, привыкшая ко всяким неожиданностям, не растерялась, взяла конверт — ого, какой увесистый, сунула его в муфту.

— Мерси, — улыбнулась она. — Очень мило с вашей стороны. Соскучилась по музыке.

— Приятно вам, барышня, провести вечер, — сказал швейцар, подавая Надежде Константиновне пальто.

— Привет вашей матушке, — попрощался с ней Чеботарев.

Надежда Константиновна шла, ощупывая пальцами конверт. Что это могло быть? Не терпелось скорее посмотреть. Окликнула извозчика:

— На Знаменскую!

Дома у себя в комнате накинула крючок на дверь, вынула из муфты конверт и ахнула. Его почерк. «Санкт-Петербург. Верейская улица, дом № 12, А. К. Чеботаревой».

Извлекла из конверта объемистое письмо. Вверху дата: «2.1.96». Без обращения.

«У меня есть план, который меня сильно занимает со времени моего ареста и чем дальше, тем сильнее, — читала Надежда Константиновна. — ...Литературные занятия заключенным разрешаются... ограничений в числе пропускаемых книг нет... книги разрешается возвращать обратно... Книг нужно много... Список прилагаю длинный... Цитируя по памяти, я, кажется, перепутываю кое-что в заглавиях и ставлю в этом случае «?». — Надежда Константиновна читала, смеялась и плакала. Читала и искала второй смысл в словах. Все понятно! Владимир Ильич решил писать давно задуманную книгу «Развитие капитализма в России». «Скоро сказка сказывается...» — пишет дальше Владимир Ильич. Надо понимать — засел надолго, необходимы выдержка и терпение. «Обмен книг — и по условиям работы и по условиям выдачи из библиотеки — потребует, конечно, правильности и аккуратности, так что это необходимо наладить». Это — требование считаться с условиями тюремного режима, накалывать и шифровать письма в книгах аккуратно, наладить регулярную переписку.

Читала длинный перечень нужных Владимиру Ильичу книг и поражалась его остроумной выдумке. Он спрашивает книгу Брема «О мелких грызунах» и ставит знак вопроса. Это Ильич имеет в виду «Суслика» — Глеба Кржижановского. Далее в списке книга В. В. «Судьбы капитализма в России» — интересуется судьбой В. В. Старкова. А вот название книги дано по-английски: Mayne Rid «The Minoga» — «Минога». Это о ней, Надежде, спрашивает Ильич. Нужна ему книга какого-то неизвестного французского автора под мудреным названием goutchioule. Надя долго вчитывается и хохочет: так это же «Гуцул», это о Запорожце.

«Может быть, — пишет Владимир Ильич, — Вы сочтете небесполезным передать это письмо кому-нибудь, посоветоваться, а я буду ждать ответа». И Чеботарева поняла, кому надо передать.

Надя прижала письмо к губам. Спрятала его в ножку столика и побежала в книжный магазин.

Ночью сидела и накалывала в толстом томе «Историко-статистического обзора промышленности России» буквы. Накалывала тонкой иглой. Сообщала Ильичу, кто арестован. Сообщала, что на шестой день после его ареста напечатали и распространили листовку о том, что «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» продолжает свое дело... Брошюра Ильича «О штрафах» напечатана. Распространяется. Успех огромный. Спрашивала совета, что делать дальше.

На следующий день Чеботарева передала в тюремное окошко надзирателю для Ульянова пачку книг и среди них толстый том «Историко-статистического обзора промышленности России».

А через три дня Надежда Константиновна с болью в сердце накалывала сообщение Ильичу о том, что 5 января арестованы Бабушкин, Мартов, много рабочих.

В организацию вступали новые люди, не искушенные в борьбе, многие из них пытались ограничить работу «Союза» чисто экономическими вопросами, боялись ставить острые политические проблемы. Из «стариков» на свободе оставались Степан Радченко с женой, Михаил Сильвин и девушки: Н. К. Крупская, сестры Невзоровы, А. А. Якубова и Л. М. Книпович.

— Вы теперь как солдатки, — грустно пошутила Елизавета Васильевна, когда к Наде собрались ее подруги по «Союзу».

Мать видела, как духовно окрепла и возмужала Надя. Собралась как тугая пружина, работает с предельным напряжением. Каждую среду и субботу готовила она Владимиру Ильичу письмо с новостями и в те же дни получала от него, и в каждом письме он давал советы, просил подыскать «невест» для заключенных товарищей, каждое письмо заканчивалось большим списком

книг. «Книгоношей» для Ильича стала Анна Ильинична, которая переехала в Петербург.

После первого допроса в тюрьме 21 января Владимир Ильич попросил Надежду Константиновну немедленно поехать в Москву, купить желтый чемодан и передать его матери. Если к Марии Александровне явится полиция и будет спрашивать, с каким чемоданом вернулся Ульянов из-за границы — предъявить его, чтобы полиция убедилась, что никакого второго дна в чемодане нет и не могло быть. Долго искали они с Анной Ильиничной подходящий чемодан. Принесли домой, терли его наждачной бумагой, чтобы придать подержанный вид.

А в Петербурге Надежду Константиновну ждали новые поручения.

Ее поражала работоспособность Владимира Ильича. В тюремных условиях, находясь все время под наблюдением «глазка» надзирателя, он умудрялся накалывать или писать молоком между строчек в книгах обширные письма, большая часть которых к тому же была зашифрована.

Приближался праздник 1 Мая, который в России приходился на 19 апреля, и Владимир Ильич присылал текст первомайской листовки.

Надежда Константиновна сообщала о росте забастовочных настроений среди рабочих, и Владимир Ильич пишет подробное руководство, как организовывать и проводить на предприятиях стачки.

Расшифровывая «молочный» текст и переписывая его на машинке, Надежда Константиновна сама постигала науку организации стачек.

Не успела Надежда Константиновна переписать брошюру и сдать ее Лидии Михайловне для печатания в типографии, как стала получать от Ильича разделы проекта программы социал-демократической партии.

Владимир Ильич настаивал на созыве съезда партии, чтобы объединить разрозненные социал-демократические кружки всей России в единую организацию.

Первомайская листовка была напечатана в двух тысячах экземпляров и распространена на сорока фабриках и заводах. Это была боевая листовка, призывающая к борьбе. Заканчивалась она словами: «И поднимется наша мускулистая рука, и падут позорные цепи неволи, поднимется на Руси рабочий народ, и затрепещут сердца капиталистов и правительства, которое всегда им служит и помогает».

По поручению Владимира Ильича Надежда Константиновна едет на Украину, чтобы договориться с украинскими социал-демократами о созыве первого съезда партии. Перед отъездом сообщает Владимиру Ильичу о том, что первомайская листовка взбудоражила рабочих, заводы и фабрики бурлят. «Союз борьбы» действует.

В Полтаве Надежда Константиновна получила условную телеграмму с вызовом в Петербург: рабочие петербургских бумагопрядилен поднимались на борьбу.

ПЕРВЫЙ УСПЕХ

На фабрике кончился рабочий день. Женщины толпились в гардеробной, стягивая с себя мокрые от пота ситцевые «размахайки», обряжались в юбки, миткалевые кофты. Пух от пряжи из цехов проникал в гардеробную, щекотал ноздри, уши, набивался в рот, глаза, налипал на потное тело, раздражал и без того измотанные нервы, ошалевшие от грохота машин головы.

Дверь распахнулась, и вместе с вечерней прохладой в гардеробную влетела Фрося. Сдвинув энергичным движением платок на затылок, крикнула:

— А ну-ка, бабоньки, послухайте, что я вам скажу.

Женщины притихли и расселись вокруг Фроси. Она была их сверстницей, но чем-то старше, в чем-то мудрее, сильнее. Может быть, потому, что умела стойко преодолевать горе. Два года выхаживала она своего Степана, облитого жандармами ледяной водой во время бунта на Семянниковском. Родила мертвого ребенка и вскоре похоронила Степана. И не ожесточилась, не стала сварливой, завистливой, а отдала всю свою неистраченную бабью и материнскую нежность, свою молодую тоску им — бабам, и в женском бараке была их главным советчиком и судьей. Фросе можно было излить душу до самого донышка и знать, что она никогда не злоупотребит доверием.

Что-то сегодня она хочет сказать? Видно, не зря пришла.

— Слухайте, бабоньки, — повторила Фрося, — слухайте меня внимательно. Мужики решили бастовать. И мы должны вместе с ними.

— Пущай себе бастуют, — отозвалась старая ткачиха Ферапонтовна.

— Незачем детей на голод обрекать, — возразила другая.

— Не спешите, не спешите. — Фрося миролюбиво погладила старуху по плечу. — Мы потребуем, чтобы нам за два коронационных дня заплатили. Царь взошел на престол, а нам что — зубы на полку? Да? Коли он там решил царские дни праздновать, пусть и уплатит за них. Это раз. — Фрося загнула палец.

Пальцы ее от ссучивания пряжи утончились, ногти росли в длину, а не вширь, как от деревенской работы, и вся Фрося стала городская — бледная, усохшая, быстрая. Ее ничем не приметное лицо и серые глаза в карюю крапинку вдруг становились привлекательными, когда лицо освещала широкая белозубая улыбка.

— Еще мы потребуем, чтобы рабочий день был установлен в десять с половиной часов...

— Ишь, чего захотела! — снова заворчала Ферапонтовна. И другие женщины тоже засомневались.

— Правильно Фроська говорит, — выступила вперед Лукерья.

— Ну уж ты-то помолчала бы лучше, — огрызнулась старуха.

Лукерья славилась своим бесстыжим нравом, задиралась с мужиками, но была добра к бабам и в каждой красоту искала, даже в старой рябой Ферапонтовне. «Каждую бабу бог пригожей сотворил, — говорила она, — только слезы ту красоту смывают да окаянная работа сушит».

— Заработок пусть нам платят два раза в месяц, а не тогда, когда хозяину вздумается, — уже мечтательно продолжала Фрося.

— Чтобы штрафы по-честному, по закону брали, — вставил кто-то.

— Чтобы мастерам руки пообкорнали, — добавила Лукерья.

— Тухлятиной в лавке чтоб не торговали!

— Мужиков в кутузку не сажали!

Работницы наступали на Фросю, выставляя все новые и новые требования.

Фрося записывала что-то в тетрадку. Женщины с уважением следили, как двигался по бумаге карандаш в Фросиной руке. В прошлом году в бараке она одна была грамотная, а сейчас десятка два пошли учиться в школу, даже Лукерья.

— А кто слушать-то нас будет? — допытывалась Ферапонтовна.

— Пусть Фроська от всего бабьего мира говорит!

— Нет, хорошие мои, мужского и женского мира здесь нет, а есть мир рабочий. Вместе с мужиками будем дела наши решать, вместе голосовать будем.

— Это что ж, мужики вместе с нами голосить будут? — съязвила Ферапонтовна.

Раздались смешки.

— Не голосить, а го-ло-со-вать, — раздельно произнесла Фрося и старалась вспомнить доподлинные слова, которыми ее вразумляла Надежда Константиновна. Сама Фрося тоже раньше думала, что голосовать — значит брать голосом, кричать, буянить.

— Нет, бабоньки, руками, вот этими руками голосовать будем. — Фрося подняла вверх руку.

— Кто же это руками голосит? — удивилась старая ткачиха.

— А ну тебя, старая, не мешай, — отмахивались от нее женщины и все теснее окружали Фросю.

— Мы молча поднимем руку ладонью к хозяину, чтобы видели, что в этой руке власть громадная.

Фрося, волнуясь, заправила выбившиеся волосы под платок. Как бы передать мысли Надежды Константиновны, которые стали теперь и ее мыслями, и нужно, чтобы они стали думами всех этих женщин.

— Понимаете, бабочки дорогие, если один человек поднимет руку или, скажем, обе — это значит, мол, сдаюсь, вяжите меня, казните меня. А вот если рабочие по одной правой руке поднимут и все разом, это значит, что стоят они за правое дело, и тогда власть в этой руке несокрушимая. Поднятые руки рабочих — они для хозяев страшнее штыков. Понимать надо!

Женщины слушали молча, искоса поглядывая на свои руки, словно желая убедиться в их власти и силе.

— Полиции страсть как хочется, чтобы мы бунт учинили, кричать стали да драться полезли. А мы даже бровью не поведем. — И Фрося вздернула свою соболиную бровь. — Не мы одни, все бумагопрядильни Петербурга бастовать собираются. Завтра все как один явимся на фабричный двор, а на работу не встанем. Родион Захарович зачитает хозяину наши требования, и мы за них проголосуем. Согласны?

— Согласные, согласные. Ты только рядом будь, подскажешь.

— Куда мне от вас деваться-то, я завсегда с вами...

...Надежда Константиновна шла по Шлиссельбургскому тракту. Нева после половодья еще не вошла в свои берега, и ее воды плескались у самой дороги. Проклюнулись первые почки на деревьях. За пять лет работы в школе Надежда Константиновна знает здесь каждый камень, каждое дерево, а главное, знает людей. И сегодня решающий день. Что-то он принесет?

Готовились к этому дню основательно. Давно готовились. Три года напряженного труда Ильича потребовалось, чтобы сколотить организацию, наладить агитационную работу, разбудить, раскачать рабочий класс.

Листовки сейчас печатаются каждый день и делают свое дело. Не просто и не легко было объединить сотни и тысячи обид и жалоб рабочих на притеснения, обман и прямой грабеж со стороны хозяев в единые, четко сформулированные требования, удовлетворяющие все группы рабочих. Не раз собирались представители рабочих от фабрик и заводов, чтобы сообща выработать эти требования.

И как трудно без Ильича. Его совет, его помощь требуются каждый час, каждую минуту, а нужно ждать среды или субботы. Да разве напишешь обо всем?

Страшит ответственность. Все ли предусмотрели? Сработает ли организация, с таким трудом создаваемая в эти дни? Сумеет ли приехать Сильвин из Новгорода и Аполлинария из Вологды? Послала им вызов.

Тридцать тысяч рабочих текстильной промышленности поднялись на борьбу. Такого еще не было. И им надо помочь. Подсказать.

По воле рабочих должны замереть около миллиона веретен, остановиться девять с половиной тысяч ткацких станков. Нужно позаботиться о том, чтобы семьи забастовщиков не голодали, а забастовочный фонд ничтожный: всего немногим больше шестисот рублей. Надо раздобыть средства. Досадно, что не успели напечатать брошюру Ильича «О стачках», как бы сейчас пригодилась.

По тракту идут толпами рабочие. Надежда Константиновна всматривается в их лица, старается угадать, все ли готовы принять участие в забастовке. Судя по отрывочным фразам, настроение боевое.

Надежда Константиновна одета, как работница: на ней широкая сборчатая юбка, кофточка навыпуск, на голове ситцевый платок. Не впервой ей ходить по рабочим общежитиям и заводским дворам. И еще никто не заподозрил в ней переодетую учительницу, а если и встречались ученики — делали вид, что незнакомы.

Замешавшись в толпе, Надежда Константиновна вошла во двор фабрики, переполненный рабочими.

Управляющий-англичанин стоял на крыльце, как перед судилищем. Он старался сохранить независимый вид, сбивал тросточкой пыль с ботинок и с улыбкой слушал переводчика. Только на скулах у него нервно двигались желваки. Наконец он оторвал взгляд от ботинок и оглядел двор. Толпа стояла молча. Настроение мирное, а требования, которые зачитывает старый ткач Михеев, возмутительные. Вместо четырнадцатичасового рабочего дня требуют десять с половиной. С ума сошли. Бессовестно лезут в его карман, разорить хотят. Хотя бы кулаки подняли, машины начали ломать, тогда бы он позвонил градоначальнику: «Бунт!». Так нет же, стоят спокойно. И вот эта дьявольская девка с синими глазами. Как портят ее воспаленные веки и дряненькие сережки в ушах. Красивая ведьма и дерзкая. А вот та, маленькая, некрасивая, а в движениях грация, и властность во взгляде. Видно, вожак среди работниц... «Отметьте, выясните фамилию», — указал он переводчику на Фросю.

Захар Родионович продолжал читать требования. «Дерзкий старик», — отметил управляющий. Раньше бы в пояс кланялся, а сейчас разговаривает на равных. Видно, тоже лидер. Так в Англии даже тред-юнионисты не разговаривают. А здесь, в России, профсоюзов нет. Дикари. Почти все неграмотны. Но какие-то изменения произошли в поведении рабочих. Откуда это достоинство, эти ясные и грамотные формулировки требований? Ясно, что у них появился сильный и умный руководитель, какая-то тайная организация. Чего же полиция смотрит?

Надежда Константиновна из-под платка наблюдает за управляющим и понимает ход его мыслей.

Захар Родионович кончил читать, передал бумагу переводчику, разгладил усы и обратился к рабочим:

— Все слыхали? Все! Теперь давайте голосовать, чтобы господин управляющий видел, что мы все и каждый в отдельности согласны с этими требованиями, и пока они не будут выполнены, мы к работе не приступим. Встанем за станки, когда все наши законные жалобы будут рассмотрены и удовлетворены. Поднимите руки, кто согласен с тем, что я прочитал?

В наступившей тишине поднимались руки. Поднимались медленно. Многие не справлялись с этой новой и трудной задачей. Руку заносили куда-то вбок. Иные поднимали кисть руки боязливо, чуть выше плеча. А Лукерья вышла вперед и, встав перед управляющим, высоко вскинула руку, обращенную ладонью к нему, рукав сполз и обнажил нежную женскую руку с маленькой огрубевшей ладонью. Лукерья перехватила ухмылку управляющего и сердито одернула рукав.

Стройный лес рук — мужских и женских — вырос перед управляющим. Его пальцы нервно перебирали брелоки на животе. В его руке не было власти. Она сейчас ничего не могла. Ничего! И это поняли рабочие, поняли поражение хозяина.

Надежда Константиновна стояла в толпе и видела, как похорошели люди: в их сердце заглянула радость и гордость за свое человеческое достоинство.

Все это надо запомнить, думала она, запомнить и написать Ильичу.

Долго, без устали, держали женщины поднятые вверх руки. Фрося, освещенная косыми лучами поднимающегося солнца, приложила левую ладонь козырьком над глазами и оглядывала свое бабье воинство и радовалась, что Надежда Константиновна видит все это и счастлива не меньше ее.

— Видали? — значительно спросил управляющего Захар Родионович. — Вот наше рабочее слово. На том стоим.

— Скажите им, что они прежде подохнут с голоду. Требований их я не признаю, они незаконны.

Переводчик перевел.

Женщины зашумели.

Фрося сдвинула брови.

— Тише, бабоньки, уважение к себе не теряйте. Спокойно!

Управляющий, хлопнув себя тросточкой вдоль ноги, повернулся и пошел. Шел нарочито медленно, знал, что за его походкой, за его состоянием следят сотни глаз и что он уходит, потерпев поражение.

Как только управляющий скрылся за дверью, Фрося сдернула с себя платок в черную горошину и высоко взмахнула им.

— Бабоньки, дадим знать соседям, что мы начали забастовку, пусть присоединяются.

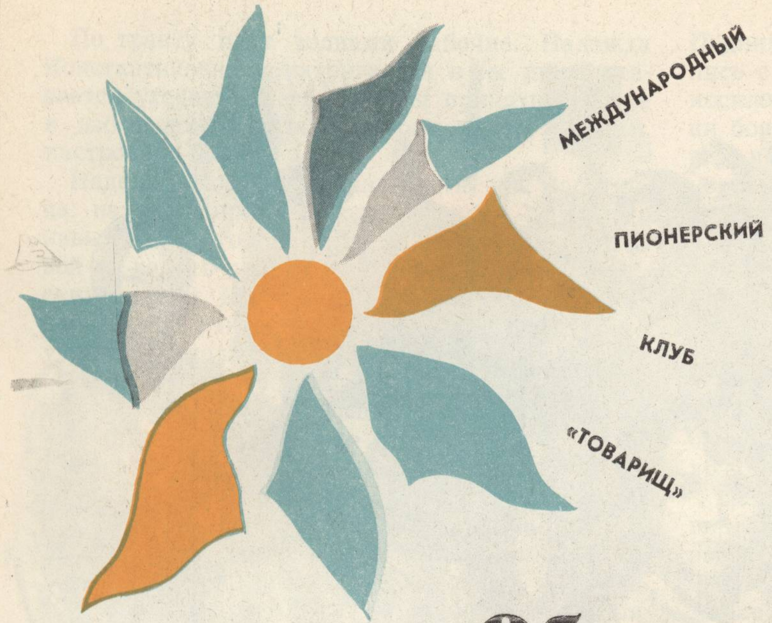
Женщины одна за другой срывали с себя платки, даже Ферапонтовна стянула с себя платок, не постеснялась стоять перед всем миром простоволосой.

Концы разноцветных платков взлетали выше забора. Мужчины, взобравшись на железные фермы, махали картузами. Из-за стены соседней фабрики язычками пламени тоже взвились платки.

Надежда Константиновна торопилась домой: скорее написать Ильичу, обрадовать его. Тридцать тысяч рабочих Петербурга поднялись на борьбу. Три года напряженного, вдохновенного труда Ильича вложено в это дело. И это первый успех.

Стройный лес рук — мужских и женских — вырос перед управляющим.

Помнишь книгу «Последний дюйм»? Книгу о силе, мужестве, стойкости человека. Написал ее английский писатель ДЖЕЙМС ОЛДРИДЖ. Он — лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Эта премия была учреждена четверть века назад, 20 декабря 1949 года. В своих книгах, статьях, пьесах и фильмах писатель выступает против войны, за мир.

Об этом надо петь в песнях...

Джеймс ОЛДРИДЖ

Мое детство прошло в Австралии. Тогда шла первая мировая война, открылось много фронтов, и австралийскую армию послали воевать в Турцию. Нам, мальчишкам, каждый солдат казался тогда героем. Мы затаив дыхание смотрели, как они маршировали на парадах. В школе для нас не было интереснее рассказов, чем рассказы о подвигах солдат. Мы играли в войну, читали о войне, смотрели о ней фильмы, учили наизусть стихи, пели военные песни.

Со временем я узнал, что такое война на самом деле, что такое империализм. Мой детский восторг исчез, и меня охватил ужас. Мне было больно, что столько хороших людей погибло зря в этой никчемной войне. Было преступлением посылать австралийских солдат воевать против хорошо подготовленной турецкой армии: Турция не ссорилась с Австралией и ничем ей не угрожала. Наши солдаты умирали зря. Храбрецов использовали как пушечное мясо. Обо всем этом нам ничего не говорили в школе.

Конечно, войны бывают разные. Справедливые — когда люди защищают свободу, когда они борются против фашизма. Но есть войны, которые ведутся ради наживы.

Слово «мир» никогда не пользовалось у капиталистов популярностью. Его, правда, часто произносят по радио, о нем пишут газеты. Но о каком мире идет речь?

Во время «холодной войны» считалось, что у нас был мир. Но какой? Гитлер тоже много говорил о мире, а сам готовил разбойничью войну. По его лживым словам, мир был его единственным желанием. В пятидесятые годы

Пионер Ли учится в четвертом классе. У них скоро начнут преподавать русский язык, но он уже выучил русское слово «дружба».

Запад готовился сбросить на социалистические страны атомную бомбу — тоже... во имя мира.

Есть люди, которые вообще против всяких войн. Их называют пацифистами. Если бы перед второй мировой войной мы послушались этих людей, нами бы сейчас правил Гитлер. Наши пацифисты искренне хотели мира, но они хотели получить его без борьбы, без всяких усилий. Но мало только хотеть мира, сохранить его гораздо труднее.

Во время Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве мы увидели, как много людей по-настоящему борется за мир. И всех этих людей, приехавших из разных стран, беспокоило, что молодежи проповедуют войну «в скрытой форме» вместо того, чтобы открыто прививать ей любовь к миру.

А молодежи ненавистна всякая мысль о войне. Во время «холодной войны» юноши и девушки выходили на улицы с плакатами в знак протеста против испытаний ядерного оружия. Высшей точкой таких выступлений был Марш Мира в Олдермастоне. Сейчас молодежь борется против расизма и фашистских организаций.

До войны была в Лондоне фашистская партия. Сейчас есть организация «Национальный фронт». По своим взглядам эта организация близка к фашистской партии. Однажды «Национальный фронт» собрался в Лондоне. И тогда антифашистские организации решили провести демонстрацию протеста. На площади Ред Лайон, где проходила демонстрация, появилась полиция. Полицейские стали разгонять студентов. Один из них был убит. Юноша отдал жизнь за дело мира во всем мире. Такое произошло в Англии впервые.

Национальный союз студентов принял решение: запретить говорить на собраниях и митингах от имени студентов тем, кто поддерживает политику «Национального фронта», политику расизма. Все английские газеты стали нападать на студентов. Они писали, что человек может открыто высказать свое мнение, даже если он расист. Но студенты твердо стоят на своем.

Мы на Западе живем в мире, в котором капитализм приближается к кризису. Жизнь становится все дороже, все больше и больше безработных. Цель капиталистов — нажить как можно больше денег, неважно какими средствами. Капитализм чувствует, что ему приходит конец, и он хочет спасти себя всеми силами. В этом капиталистам помогают реакционные силы. Капитализм в своем развитии достиг такой точки, когда готов для того, чтобы выжить, поставить на карту жизнь всего человечества. Они готовы на все, лишь бы удержать в своих руках власть и силу. Но народ не хочет, чтобы его обманывали. Он не хочет жить под угрозой войны!

Нам нужен мир, а не война!

Об этом мы должны написать в школьных учебниках, это высечь на мемориальных плитах. Об этом надо петь в песнях!

Рыболов.

Леонид ВЛАДИМИРСКИЙ

Для дружбы нет расстояний

В ханойском зоопарке по дорожкам бродит большой коричневый слон. Никто его не боится. Вокруг него всегда многолюдно, толчея, шутки, смех.

Там же, в зоопарке, на небольшой поляне лежит «он». Люди молча и с ненавистью смотрят на металлическое чудовище и так же молча отходят.

Он — американский бомбардировщик «Б-52», «летающая сверхкрепость», вернее, то, что от него осталось после меткого залпа вьетнамских зенитчиков. Это — напоминание о войне. Несколько лет назад он нес вьетнамцам смерть и разрушение. Бомбардировщики сбросили двадцать миллионов бомб. По одной бомбе на каждого жителя! Много людей погибло, многие остались калеками. Но мужественный народ не сдался. И победил!

В путешествии по стране нас сопровождал товарищ Фам Ван Кон. Мы с ним подружились, и я нарисовал его портрет. Суровая у Фам Ван Кона была жизнь. Половину ее, как и большинство его сверстников, он воевал. За героизм президент ДРВ Хо Ши Мин наградил его «Орденом сопротивления».

Ярко-зеленые долины, засеянные рисом. Горы, поросшие непроходимыми джунглями. Это провинция Хоабинь.

ма на сваях в рост человека, чтобы не забрались змеи, скорпионы, пиявки. Потрогал я рукою такую сваю. Она гладкая, отполированная, по ней не взберешься.

Мы побывали в одном из сельскохозяйственных кооперативов. Днем все на работе. А вечером для советских гостей девушки устроили концерт самодеятельности. Особенно хорошо пела девушка Оань, по-вьетнамски «птичка». Вот она перед вами.

Шляпа и повязка защищают лицо девушки от палящего солнца.

Война окончилась. Уже засыпаны входы в бомбоубежища. Уже нет воронок от бомб на дорогах, восстановлены мосты, уже дали ток разрушенные электростанции; строятся на заводах новые цехи, открывают двери новые школы. Вьетнам живет.

Вьетнам — страна удивительно красивая, но впечатление от провинции Хоабинь превзошло все мои ожидания. Представьте себе ярко-зеленые долины, засеянные рисом. Они окружены горами, поросшими непроходимыми джунглями. В джунглях растут пальмы, дикие бананы, тростник, бамбук. Все это перевито лианами. Поражают заросли травы в рост человека. Она называется тигровой. Едешь на машине по шоссе, и кажется, что сейчас из травы выйдет на дорогу тигр...

Но навстречу нам едут одни велосипедисты. Мужчины — в шлемах из пальмовых листьев, женщины — в конусообразных шляпах из рисовой соломки. На велосипедах везут кирпич и цемент на стройку, кокосовые орехи, поросят и кур на базар. А какие здесь живописные деревни! Дома, крытые соломой. Стены сплетены из пальмовых листьев. Стоят до-

Как-то я рисовал на берегу очень красивого залива Халонг. В голубой дымке вырисовывались причудливые очертания скал. Между ними скользили рыбачьи лодки-джонки с золотистыми ребристыми парусами. Фам Ван Кон рассматривал мой пейзаж и улыбался. Пейзаж ему понравился. И мне захотелось нарисовать Кона таким, какой он сейчас. Но Кон запротестовал.

— Нарисуйте лучше кого-нибудь из этих ребят (вокруг нас, как обычно, толпились любопытные). Я военное прошлое, а они мирное будущее Вьетнама, — сказал он.

Пионер по имени Ле, который вызвался мне позировать, рассказал, что учится он в четвертом классе и что

Советский корабль «Брянский рабочий» привез в порт Хайфон станки.

у них скоро начнут преподавать русский язык. Но он уже выучил важное слово: «Друж-ба!»

— Когда я закончу школу,— продолжал Ле,— я поеду в Советский Союз. Там уже учится мой старший брат. Он скоро станет врачом. А я хочу строить новые города.

Я подарил этому хорошему парню значок. И опять мой герой оказался на высоте. Он произнес:

— Ле-нин!

Ле приколол значок к куртке и потребовал, чтобы я нарисовал значок и на портрете. Кон объяснил мне, что мальчик очень гордится своим именем. Он назван Ле в честь Владимира Ильича Ленина.

Слово «дружба» имеет во Вьетнаме особый смысл. Социалистические страны помогали ДРВ во время войны, помогают и сейчас. В большом портовом городе Хайфоне я видел на рейде корабли под флагами ГДР, Польши и Кубы. И наш теплоход «Брянский рабочий». Его капитан В. Дядик рассказал, что они прошли Черное и Средиземное моря, Атлантический океан, обогнули Африку и пересекли Индийский океан, чтобы доставить из Одессы в Хайфон машины и станки для восстановленных заводов.

Для дружбы нет расстояний!

Острова в заливе Халонг.

Там, где падали бомбы

Олег СПАССКИЙ

Мы приехали в освобожденный район провинции Куангчи. У входа в школу красно-синие флаги с золотистыми звездами, флаги Республики Южный Вьетнам.

Школа — это несколько небольших строений из бамбука, покрытых рисовой соломой или сухой травой. Ряды парт и черная доска. Парт не хватает. В классе стоят чернильницы «непроливайки», старые добрые знакомые, друзья нашего послевоенного детства.

Во время воздушных тревог и артобстрелов

Центр Ханоя. Берег озера «Возвращенного меча». Уже завален вход в бомбоубежище...

ребята прятались в траншеях и окопах. Сейчас окопы понемногу зарастают травой и обваливаются. А рядом — воронки от бомб, затянутые красновато-бурой водой.

Стеной класса служит громадный металлический лист. В нескольких местах он пробит осколками снаряда или бомбы, и сквозь пробоины на черную классную доску, где выстроилась длинная цепочка уравнений с иксами и игреками, рвутся тонкие лучики солнца.

У доски стоит мальчик. Он пишет на доске левой рукой, рукав правой засунут в карман куртки. След войны. Многие ребята получили ожоги от напалмовых бомб, были ранены осколками, потеряли родителей.

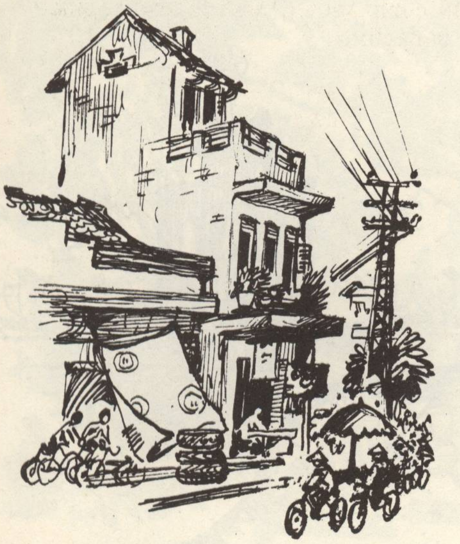
Мы были в освобожденных районах весной, накануне пятой годовщины Республики Южный Вьетнам. Пять лет — срок совсем небольшой. Но и за это короткое время почти все дети в освобожденных районах стали учиться. В каждой общине, а община обычно объединяет несколько деревень, создана школа первой ступени (четырехклассная), в каждом уезде обязательно открыта школа второй ступени (семи-

летка), в провинции Куангчи, где мы побывали, есть школа и третьей ступени (средняя).

Директор школы второй ступени познакомил нас с учениками, с преподавателями. Угостил крепким зеленым чаем, а потом, отвечая на вопросы, стал рассказывать:

— У нас сейчас занимаются двести пятьдесят учеников. Учатся все, кто достиг школьного возраста. Мы недавно завоевали свободу. В этих местах долгое время хозяйничали колонизаторы, а затем сайгонские марионетки, и стоит ли удивляться, что люди не умели ни писать, ни читать.

Конечно, нам приходится тяжело. Не хватает парт, столов, стульев, глобусов, карт, приборов. Трудно с учебниками и тетрадями. Но мы понемногу становимся на ноги. Вот видите, местные жители помогли нам построить классы.

Ханойская улица.

Тринадцатилетняя Там, ученица четвертого класса, заместитель председателя совета отряда, как внимательная хозяйка, осматривает стол. Говорит по-русски: «Чай, чай». Без чая здесь и вправду трудно. Чай помогает переносить немыслимую жару. Чаем здесь начинается любой разговор, чаем заканчивается.

Там говорит:

— Наши учителя — замечательные люди. Они участвовали в войне Сопротивления. Учителя всегда рядом с нами, и сейчас и в дни сражений с врагом...

Там показала нам огромные дыры в стене класса.

— Расскажите советским ребятам, что нашу общину два раза занимали враги, но армия освобождения прогоняла их.

До приезда в школу мы уже побывали в нескольких уездах. Мы знаем, что здесь были ожесточенные бои. В Куангчи многим общинам присвоили звание «Героическая». Недалеко от реки Бенхай сайгонские марионетки и их заокеанские покровители пытались создать неприступный пояс обороны. Потом, когда патриоты разорвали и уничтожили эту линию военных баз, аэродромов, укрепленных сооружений, они решили превратить район в мертвую зону. Варварские бомбардировки следовали одна за другой. Кругом все было сожжено и уничтожено, заминировано, взорвано. И сейчас еще земля Вьетнама опасна: остались невзорвавшиеся снаряды, бомбы. И сейчас еще взрываются люди на минах. Вот почему мы видели мальчика, который пишет левой рукой. Вот почему мимо нас медленно прошла девочка на костылях...

Во дворе школы девочки лет восьми-девяти, второклассницы и третьеклассницы, исполнили для нас прелестный вьетнамский танец с веерами. Девочки серьезны, даже строги: сейчас они похожи на огромных волшебных бабочек-шоколадниц, которые вот-вот сядут на приглянувшиеся им цветы.

Мы аплодируем, а девочки рассказывают о том, как теперь отдыхают школьники освобожденных районов Южного Вьетнама.

Там говорит:

— Недавно в нашей провинции проходил смотр талантов. Организовали свой конкурс и мы. Мальчики и девочки пели, танцевали, играли. И все были счастливы, даже те, кто не стал победителем.

Девочки поют хорошо. Мы с удовольствием аплодировали двенадцатилетней Май Тхи Тхуи из четвертого класса, которая сначала исполнила песню «Кто любит дядю Хо Ши Мина», а затем «Песню о красном галстуке», о галстуке, вобравшем в себя кровь защитников страны, ее освободителей, тех, кто принес свободу ребятам Южного Вьетнама.

В освобожденных районах жизнь, конечно, пока еще нелегка. Очень нелегка. Во многих школах занимаются в три смены. Ребята не всегда сыты, и если мама стирает рубашку, то мальчик ходит раздетым — другой у него нет. Трудно и с жильем, и с одеждой, и с продовольствием: только недавно закончилась война. Ужасная, разрушительная война. Но народ трудится самоотверженно, героически. Республике Южный Вьетнам помогают и Демократическая Республика Вьетнам и социалистические страны, прогрессивные силы всего мира.

Вы, конечно, знаете, что значительная часть населения Южного Вьетнама еще не обрела свободы, что люди томятся под гнетом врага.

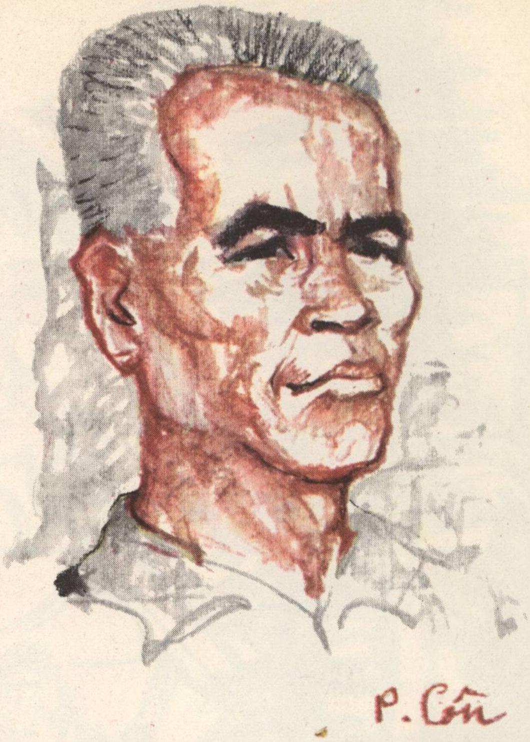
Сайгонский режим жесток. Весь мир был возмущен диким преступлением сайгонского режима, совершенным 9 марта 1974 года. В этот день марионеточные войска сбросили бомбы на начальную школу Кайлэй в провинции Митхо. Двадцать школьников погибли, сорок ребят и их учительница ранены.

Но какие бы провокации ни совершала клика Тхиеу, патриоты Южного Вьетнама непременно победят!

И тогда во всех уездах, во всех провинциях мальчишки и девчонки будут беззаботно, не опасаясь замаскированных «прыгающих» мин, бегать по тропинкам, купаться в реках, будут учиться, будут петь песни о свободной родине.

Вечером в одном из кооперативов девушки устроили концерт. Особенно хорошо пела Оань, по-вьетнамски «птичка». Вот она перед вами.

В путешествии по стране нас сопровождал товарищ Фам Ван Кон. Мы с ним подружились, и я нарисовал его портрет.

Залив Халонг. В голубой дымке вырисовываются причудливые очертания скал. Между ними скользят рыбачьи джонки с золотистыми ребристыми парусами.

Сергей ИВАНОВ

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

БАМ, бамовцы

Окончание. Начало в № 11.

Удивленный лось

По тайге шел лось. Кругом была тишина, и лось шел почти неслышно, перешагивал сухими крепкими ногами через подозрительные валежины или стволы старых упавших деревьев. Лишь когда он срывал на ходу молодую осиновую ветку, шелест листьев вспыхивал на секунду, но тотчас пропадал, растворялся в неподвижном озере таежной тишины.

Но вот деревья стали редеть, отступили назад. Лось вышел на берег реки и спокойно огляделся. Здесь кончались его владения и начиналось открытое пространство: далекие болотистые луга, закатным огнем светились три реки — две маленькие и одна большая. По бокам стояли скалистые сопки. Прошла минута, две, три... Солнце опустилось на землю у того края лугов и, словно ударившись обо что-то, чуть сплющилось, начало медленно тонуть в болоте. Лось опустил голову, напился. Затем громко и глубоко вздохнул, глянул налево, направо. С бороды его в реку падали длинные огнистые капли. Лось любил это место: свежий ветерок с лугов отгонял комарье, и родной безопасный лес был совсем рядом, за спиною.

Следующий день и еще несколько дней лось был занят делами на другом конце своих владений. Наконец ему опять захо-

Бамовцы отдыхают, а художник Игорь Красулин работает...

телось свежего ветерка. Он пошел к лугам, однако, не доходя еще до того места, остановился. Остановили его какие-то странные и пугающие звуки. Гром грохочет не так, и горящий лес стонет не так, и разлившиеся после дождей реки ревут тоже не так. Лось постоял немного и ушел от этих незнакомых звуков.

Прошло еще несколько дней. И пугающие звуки стали ему привычны. И тогда лось решился: все-таки это была граница его владений. Медленно, напряженно, шаг за шагом он вышел на свое знакомое место. И не узнал его!

Он увидел множество зеленоватых невысоких холмов (это были палатки) и увидел бегущих на колесах и ползущих на гусеницах живых и все-таки неживых зверей. И еще он увидел людей. Он и раньше изредка видел людей, встречался с ними в тайге. А здесь их было много-много! Они ходили, стояли, что-то делали и совсем не замечали его, лося. И он скорее даже не испугался, а больше удивился: может, ноги его что-то напутали и пришли не туда?.. И вдруг совсем рядом он услышал человеческий голос.

— Смотри,— шепнула девушка.— Смотри на том берегу. Это лось!

— А как близко,— сказала другая,— будто в зоопарке...

Лось повернулся и ушел в лес...

Вот такая история произошла на берегу реки Окукихты. Были здесь края глухие, нетронутые, диковатые. А стали громкие, «бамовские». И стали они такими не за год, не за полгода, даже не за месяц, а за неполных две недели. Да, именно за двенадцать дней вырос поселок Магистральный: три улицы палаток, чистенькие дощатые тротуары — идешь, под каблуками чечетка. И за те же двенадцать дней построены и хлебопекарня, и прачечная, и склады, и столовая. Даже футбольное поле есть — с настоящими воротами и флагами по углам. И все за двенадцать дней... Быть этого не может!.. Не может, а все-таки это есть.

Поселок Магистральный построили ребята, приехавшие из Иркутска, Братска, Ангарска, приехавшие из деревень и сел Иркутской области.

И про лося здесь тоже правда. Здешние бамовцы рассказывают, что если вечером прийти на берег Окукихты и подождать сколько-то времени, то можно увидеть, как из тайги тихо выходит громадный лось. Но к реке он уже не идет. Стоит меж редких деревьев и смотрит.

Закон сохранения БАМа

Несколько дней над Магистральным, над окрестными сопками идут тяжелые тучи, одна армада сменяет другую. И дождь, дождь, дождь затяжными бомбежками падает на землю. Невеселые дела. Футбольное поле стало непроходимой трясиной, в поселке под деревянными тротуарами чмокает и булькает стоячая болотная вода. Палатки обвисли, поскучнели. Внутри, правда, сухо — двойной брезент держит. Но на улице!..

Нынешней ночью дождь опять шебаршил по чуткой палаточной крыше, и утром он не угомонился. Но бамовцы, надев сапоги, надев прорезиненные куртки, штурмовки — словом, у кого что есть непромокаемого, шагают к реке умыться, потом спешно в столовую и потом на работу.

На БАМе ко многому привыкаешь. Привыкаешь к огромным просторам и могучей красоте этого края. Привыкаешь к тому, что люди здесь трудности и невзгоды считают чуть ли не нормой своей жизни. А вот теперь еще одно: идут под дождем, будут целый день работать под дождем, будут мокнуть до костей. Но дождю этому все-таки... ну, не буду говорить, что очень уж рады. Однако воспринимают его, так сказать, с удовлетворением.

В чем же тут дело? Нет, не в дутой романтике, «чтобы было потом что вспоминать». Дело в понимании своей цели и своего места на БАМе.

Попробую расшифровать эти слова. Помните, «Пионер» в одном из прошлых номеров рассказывал о зимнике, который пробили от Усть-Кута (от железной дороги) до того места, где должен быть поселок Звездный? По этому зимнику завезли бревна, доски, другие стройматериалы, машины, инструменты, инвентарь, продовольствие. Весною зимник растаял, но Звездному это было уже не страшно, он стал быстро расти, отстраиваться, потому что все (или почти все) необходимое было у бамовцев под руками.

Иное дело Магистральный. Зимник из Усть-Кута, вы помните, там железная дорога и там своеобразный бамовский перевалочный пункт, туда не пробьешь—очень уж далеко. Поэтому возник другой план: забросить сюда все необходимое в конце весны по большой воде, по разлившимся паводковым рекам.

В начале июня по реке Лене и притоку ее Киренге в будущий Магистральный ушла первая многотонная баржа. И с тех пор началась в Магистральном очень спешная и очень напряженная работа. Хорошая вода в Киренге держится недолго: иной сезон месяц с хвостиком, а иной всего дней двадцать.

В Звездном база создавалась без особой спешки, худо-бедно, а все-таки времени было верных полгода. Бамовцы Магистрального, если они собирались остаться здесь на зиму, должны были работать в шесть-семь раз быстрее. Что это такое, представить, наверное, нетрудно. Идет контрольная по алгебре, у тебя задача и два примера. И вдруг тебе говорят: «Нет, надо решить шесть задач и двенадцать примеров!» Невозможно. Однако на то они и бамовцы — лучшие из лучших, твердые из твердых... Проклятущий дождь зарядил. Но оказывается, это хорошо, это на руку БАМу: значит, еще прибавится воды в Киренге, значит, еще несколько лишних дней продержится паводок!

Конечно, были б они какие-нибудь там «временные работники», обязательно остались бы в палатках — курить, решать шахматные задачи... Нет такого закона, чтобы человек под дождем с утра до вечера мок.

Однако есть иной закон — человеческой чести, твердого комсомольского слова. Здесь, на гигантской стройке, это основной закон жизни. Без него, думается, вообще никакого БАМа не было бы!

Порт

Идут в Магистральный баржи — медленно, осторожно. Глубоко осели в воду — много везут груза. Счет уже не на сотни и не на тысячи — на миллионы тонн. Главная профессия в Магистральном на время большой

воды — грузчик, главное место действия — порт.

Дорогу туда найти легко. Вернее сказать, ее просто невозможно не найти. Здесь что ни дорога, то и в порт!

И вот шагаем по одной из них... Не шагаем, а ползем, не то плывем. Разорванная гусеницами тракторов, взбитая каменными шинами тяжелых грузовиков болотистая сырая земля превратилась в густое черно-коричневое море. Нас предупреждают: «Осторожнее. Здесь сапогом этой грязи черпануть, что половником, — ничего не стоит!»

Так бредем, утопаем... И вдруг — словно ноги в пять раз легче стали. Наступаешь на что-то твердое, прочное. Грязи, правда, по щиколотку примерно, но это уже ерунда. Кто здесь на такие мелочи обращает внимание? Мимо лихо пробегают грузовики.

«Тихо! Идет запись!» И молчат ребята. Молчит тайга за полотняной стеною палатки.

А удивительная и такая надежная твердь под ногами — это лежневка, трехкилометровая дорога, которую построили бамовцы Магистрального. Кстати, за две недели.

Лежневку делают так. Прямо в растаявшую топь и грязь укладывают несколькими слоями только что срубленные молодые березки, елки. А сверху сыплют битый камень, щебенку, песок. Вот и готова лежневка — мост через мерзлоту. Пройдет время, и мерзлота не спеша, аккуратно потопит, растворит в себе дорогу. Но тогда уж Магистральному не нужны будут ни временный порт, ни временная дорога. А пока за лежневкой следят. То и дело видишь, как «ЗИЛ» опрокидывает кузов щебня на подозрительное место, где зыбкая жижа успела уже расправиться с твердостью. Бульдозер, что целый день тарахтит по лежневке, тотчас принимается разравнивать каменную горку. Появляется на черном полотне дороги белая заплатка.

Порт виден издалека.

Он чуть в низинке — его можно охватить одним взглядом... В сущности говоря, порта в привычном смысле слова никакого нет. Просто есть берег — низкий, зеленый. Прямо к этому берегу пришвартованы три длинные самоходные баржи. Все кругом на целые гектары заставлено оборудованием, контейнерами, жилыми вагончиками, частями разобранных домов. Грохот тучами испуганных грачей летит под небеса — это работают погрузчики (в данном случае—разгрузчики), стальными своими пальцами, каждый из которых толщиною с бревно, они хватают сразу пяток стен. Высоко поднимают свою ношу над «головой»—над кабинкой,—словно штангист штангу, и так несут ее в сторону от барж на свободное место. А по лежневке идут и идут машины: полные—в поселок, пустые—в порт.

Над бурливой мутно-коричневой рекою Киренгой на том берегу стоят, чуть прикрытые завесой дождя, скалистые сопки. Сопки неописуемой грозной красоты с темными гривами сосен поверху. Стоят, удивляются, ловят летящий из порта гром и грохот, бросают его назад десятикратно повторенным эхом.

Порт Магистрального. Здесь легко проследить географию бамовских поставок. Кто строит магистраль? Бамовцы. А помогает вся страна!

Бродишь по этому огромному складу, у которого единственная крыша над головой — сибирские небеса, бродишь путаными его закоулками меж бочек, ящиков, вагонов, еще не разбуженных машин и диву даешься, что за магнит стянул сюда, в безлюдный этот край, вещи из самых разных, из самых иной раз далеких уголков нашей земли.

Судите сами: трактора идут из Челябинска и Алтайска, автомобили из Москвы, Минска, Миасса, разборные дома из Братска, передвижная хлебопекарня из Бийска, энергопоезд (компактная ТЭЦ на колесах) из Брянска, экскаваторы из Свердловска и Воронежа, трелевщики из Кирова, кирпич из Тайшета, холодильные установки из Орла... А первые, самые свежие, самые румяные яблоки — из Ферганы!

Над Киренгой, над сопками, над огромным портом вдруг проносится ветер — длинный и быстрый, словно поезд будущего БАМа. Монолиты туч у нас над головою лопаются,

расползаются. Дождь становится тише, тише. Синева прямо с неба падает в воду. Красиво!..

Вечер в палатке

Пока светло, пока можно работать, бамовцы Магистрального в порту. Ну, а стемнело, значит, пора домой, рабочий день окончен. Шагают по лежневке, потом, чтоб сократить путь,— по раскисшей мерзлоте, потом уже по мокрым доскам деревянных тротуаров.

У входа в палатку легкий затор. Ребята снимают сапоги, переобуваются в тапочки, в кеды. Шутят: «Чистота — залог здоровья!» Но кажется мне, дело не только в простой чистоте, опрятности, а в чем-то поважнее...

Палатки — временное жилье бамовцев. К зиме строители переберутся в теплые вагончики, в рубленые и щитовые дома. И однако же брезентовые «казенные» стены палатки обтянуты тканью — немудрящим каким-то там ситчиком... Откуда это? Оказывается, «скинулись», купили материи, сами обтянули стены... И сразу домом запахло!..

Кто-то скажет, что все это пустяки: не топать в грязных сапожищах по полу, соорудить домашние «обои». Но, думается, не пустяки это, потому что сразу видно: люди приехали сюда надолго и всерьез!

Временное жилище... А если разобраться, то на лето, наверное, лучше ничего и не придумаешь. И с палаток, между прочим, начинались все новые наши города — Комсомольск-на-Амуре, Магнитогорск, Братск... А теперь вот и бамовские поселки.

В палатке как бы тесно. Койки, койки, койки в два ряда. Посредине только узкий проход, а в нем еще стол и лавки... И однако же никто здесь никому не мешает, каждый занят своим делом.

У растапливающейся печи, сделанной из железной бочки, несколько ребят обсуждают достоинства топоров. Все они только временно грузчики, а скоро станут лесорубами, плотниками: хороший топор — первое дело! Тут верховодит Володя Митин-Егоров, красивый плечистый парень. Он токарь высокого класса. В металле, конечно, разбирается. Вот он берет топор, тихонько щелкает по лезвию ногтем, слушает, как звенит сталь. Кругом внимание полнейшее. Володька для верности щелкает еще раз...

— Ну чего ты тянешь?!

— Нормальный топор,— наконец заявляет великодушный Володька.

А у противоположной стены студия звукозаписи. Их трое — два гитариста и оператор. Обычной в таких случаях таблички «Тихо! Идет запись!» тут, конечно, нет. Но всякому, кто приближается к «студии», показывают крепкий кулак: мол, сидеть сиди, но ни звука. А всем интересно. Болельщиков хоть отбавляй! Пришли из других палаток, пришли девчонки. И спокойная «студийная запись» превращается в выступление. Петя, веселый, уверенный парень с быстрыми густо-синими глазами, играет чуть небрежно, ловко. Тут же по ходу дела подмигивает и улыбается зрителям (зрительницам). А вот другой гитарист, Женя, нет-нет да и собьется. Тогда он краснеет, мотает головой. «Вот же не везет!» Запись начинается заново...

А между тем вокруг гитаристов уже скапливается серьезная толпа:

— Ну скоро вы, мальчики?!

Дело в том, что запись эта делается не просто так, а для танцев: приятно под собственный бамовский ансамбль поплясать... Но неумолим «звукооператор» Виктор Мирошниченко:

— Пока до блеска не сделаем, ничего не будет!..

Я спрашиваю, откуда эта «аппаратура» (проигрыватель, магнитофонная приставка, немного пленок, пластинок). Оказывается, тоже купили вскладчину... Они действительно надолго сюда собрались, все постарались предусмотреть, продумать — сибиряки!

За столом сражаются в шахматы два Володи. Володя-инженер и Володя — комсомольский секретарь. Верх берет секретарь. Белый ферзь его уже прорвался в стан противника, а там и ладья... Тяжело и грозно нацелились они на черного короля. Володя-инженер, склонив седую голову, оглядывает свое Ватерлоо... И здесь, конечно, тоже свои болельщики.

— Ну чего, Прокопыч? Дело—табак, сдаваться пора!..

И вдруг все пришло в движение—это Петя с Женей записались наконец. Теперь танцы, танцы будут! Две минуты, и палатка пустеет... Только Володя-инженер сидит одиноко за шахматной доской... Вдруг говорит:

— А ведь нашел, представляете! Нашел ничью-то!.. Жаль, что я рано сдался.

Володя... Владимир Прокопьевич Чачин. Он из Алма-Аты, работал в конструкторском бюро. У него две девочки примерно такого же возраста, как ты, читатель «Пионера». Но то же неистребимое молодое чувство подхватило его, понесло через всю страну.

— Как же вы семью решились оставить, Володя?

— Приедут. Комнату получу, и приедут... А сюда, между прочим, на БАМ, вся наша группа собирается. Я просто первый, на разведку...

Бамовцы. Их представляешь себе веселыми, двадцатилетними. Но среди бамовцев немало людей зрелых, взрослых, прошедших большую жизненную и партийную школу. Когда мы говорим, что БАМ строит вся страна, то в это надо вкладывать и такой еще смысл: БАМ строят люди самых

разных поколений, в стройке одинаково заинтересованы все...

Первым с танцев приходит комсомольский секретарь Володя Цветков:

— Я не большой любитель этого дела. Посмотрел только — все нормально, я и назад...

Володя достает из-под подушки учебник математики, тетрадь. Он заканчивает электромеханический техникум. А вот для занятий времени не очень много. Цветков одновременно и секретарь комсомольской организации и комиссар отряда. Сейчас его главное дело — помочь ребятам поступить в техникумы, в институты — желающих много!.. Поступить — значит сдать вступительные экзамены. Для этого надо ехать в Иркутск, Братск. А кто-то в красноярские вузы собирается... Как же быть? БАМ тоже не бросишь!

Неизвестно, сколько это сил стоило Володе Цветкову, но добился он того, что экзаменаторы сами приедут в Магистральный.

Потихонечку собираются ребята. Володя-инженер заваривает чаек, открывают банки с тушенкой. Еще алма-атинские — жена в дорогу дала. Володя улыбается:

— Надо ребят подкормить малость...

И вот уже тесно за столом — лишний раз поужинать тут никто не откажется. Седоголовый Володя сидит среди ребят. И Володя Цветков тут же — водит ложкой мимо тарелки, а глаза его ползут по строчкам учебника.

Последними приходят Петька и Женя — счастливые, за стол не идут, сыты своим успехом. Их прямо-таки распирает, словно глубоководных рыб на суше!..

Первым поднимается из-за стола Витя Мирошниченко — высокий, аккуратный, подтянутый. Ушел в угол к своей аппаратуре. Теперь его не трогай...

Постепенно все разбредаются по своим койкам. Один Женя сидит за столом — читает письмо. Из дому? Спросить неудобно... Женя прочитает его, подумает минуту и снова читает.

Ребята ложатся. Володька Митин-Егоров, дневальный, закладывает в печку-бочку последнюю порцию дров. Сидим с ним на чурбаках, глядим в огонь, говорим о том да о сем...

И вот, наконец, потрескивание дров становится самым громким звуком. А потом наступает тишина.

От зари до зари движется, грохочет, работает порт Магистрального.

Овсей ДРИЗ

ПЕСЕНКА О ГЛИНЕ

Я люблю
комочек глины
Разминать в ладони
И при этом напевать:
Кони мои, кони...

О далеком детстве
Вспоминать люблю я:
Вот опять из глины
Скакуна леплю я.
Ласточек люблю я
Быстрых и пугливых,
Потому что лепят
Домики из глины.

Ой ты, глина красная!
Домик над рекой!
Глиняные крынки...
Глиняные кони...

КТО КАК ПИШЕТ

Каменщик пишет
Строкой необычной,
Строятся строчки
Стеною кирпичной.

Пишет сапожник
Гвоздями по коже,
Строчки его
На дороги похожи.

Портниха по ситцу
Ведет свои строчки —
И вот уже платье
Готово для дочки.

Стихи, что чеканит
Кузнец молотком,
Кузнечик у речки
Прочтет нам потом.

КИРПИЧНОЕ ПИСЬМО

Мой дядя строит дом
И в вёдро и в ненастье.
Кирпичное письмо
Как будто пишет мастер.

Кладет за рядом ряд —
Ведет за строчкой строчку,
Последним кирпичом
Вверху он ставит точку.

Кирпичное письмо
Расскажет нам о том,
В каком году и кем
Построен этот дом.

Стекольщик и столяр
Оставят нам теперь
Две подписи внизу:
Окно
И дверь.

Рисунки О. САХАРОВОЙ.

СИНЯЯ СКАЗКА

Надергав листков
Из тетради своей,
Мальчик пускал
Из окна голубей.

Ко мне на балкон
Опустился один.
Что он принес нам,
Давай поглядим.

Бумажную птицу
Отнес я на стол
И синюю сказку
На крыльях прочел.

НЕ ТАК ПРОСТО

Купил я медную трубу
И дул что было силы.
А музыки — ни тпру, ни ну!
Вот как со мною было...

Себе я туфли заказал
Из самой лучшей кожи.
А танцевать — ни тпру, ни ну!
И так бывало тоже...

Я взял иголку, и канву,
И нитки, и наперсток.
А вышивать — ни тпру, ни ну!
Не так все это просто...

ВОСПОМИНАНИЕ

Сегодня же вечером,
Только луна
В окне засияет, как встарь,
С неба сниму
Эту свечу
И вставлю в ржавый фонарь.

Я пойду тропой,
Где растет виноград
И зреют синие фиги.
И через год
Я приду наугад
К своей ненаписанной книге.

Я постучусь
В глухой переплет.
Кто-то вздохнет сладко.
Откинет застежки
И дверь отопрет
Выцветшая Закладка.

Кто я таков,
Ей понятно без слов.
— Входите сюда на страницу.
Старинные буквы.
Фонарь озарит —
Какую-то быль-небылицу.
Поведать истории
Сказочных лет
Я попрошу Закладку.
Она завернется в клетчатый плед,
Приляжет на кожаный переплет
И начнет рассказ по порядку...

Перевел с еврейского Г. САПГИР.

Вадим ЧЕРНЫШЕВ

МУХА

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ В «ПИОНЕРЕ»

Рисунки Б. ПОЛЯНСКОГО.

Муха была из тех собак, которых принято называть дворняжками. Она не умела делать красивых стоек по дичи, которыми славятся охотничьи подружейные собаки, и не проходила науки караульной службы. Может быть, в ее роду и были славные имена, но люди не знали их, потому что за родословной дворняжек никто не следит.

Муха была черной масти, невелика ростом и неказиста. У нее было крутобокое, широкогрудое туловище на толстых и кривых передних лапах с нависшими коленями, лобастая голова, выпуклые темные глаза и большие, стоящие торчком и чуть в сторону уши.

Муха родилась в шумном морском порту. Ни дома, ни хозяина у нее не было. В людном порту Муху знали почти все, но одни не обращали на нее внимания, а другие относились не всегда одинаково: они

то ласкали ее и давали что-нибудь вкусное, то вдруг кричали и отгоняли ее, чтоб не путалась под ногами.

Весь день в порту шумел и кричал народ, сигналили грузовики и автопогрузчики, ловко укладывавшие всевозможные тюки и ящики, громыхали якорными цепями швартующиеся к причалам большие корабли. Высоко над трюмами кораблей поворачивались неторопливые стрелы кранов, а внизу мимо складов шли с тяжелыми чемоданами пассажиры. Иногда вместе с людьми приплывала, сходила с парохода собака. Ее вели на поводке. Выхоленная, натосковавшаяся на пароходе по земле, собака натягивала поводок, тянулась понюхаться с Мухой, но Муха не обращала на нее внимания.

К ночи порт затихал, и приходил сторож Сафонов. Это были лучшие часы Мухи. Оттерев от сторожа его пса Уголька, она садилась подле Сафонова. Привалившись спиной к стене пакгауза, сторож курил и поглаживал заскорузлой ладонью Мухину голову. Мухе это было невыразимо приятно, но она не показывала виду и сидела, мечтательно глядя увлажнившимися глазами на бухту. От воды несло холодком, наплывал туман. Пахло обнажившимися в отлив водорослями. Где-то на пароходе говорило радио, далеко разносилось по тихим сопкам и глади бухты.

— Эх вы, собаки, собаки! — говорил сторож, когда ему наскучивало сидеть молча.—Хоть и бессловесные вы создания, а все же с вами веселее!

Сафонов тушил окурок и запахивался в просторный брезентовый плащ. Тихо проносся в темноте мачтовые огни, пошумливая машиной, в бухту входили суда. Их встречал верткий, обвешанный старыми автопокрышками портовый катер-буксир, подводил к причалам и помогал швартоваться.

— Вишь, сухогруз подошел... — замечал Сафонов.— А вон, видать, «рыбак» пошел по рыбу... Тяжелая у него работа, ни днем, ни ночью нет отдыха, когда рыба ловится... Мы хоть тоже не спим, да на берегу. Только наша профессия, видать, отмирающая — не будет, должно, скоро сторожей: от кого сторожить-то? И отношение сейчас к сторожам такое, словно это и не работник...

И Сафонов вспоминал далекое прошлое, когда он жил в селе под Тамбовом и караулил сады. Звездными августовскими ночами падали, глухо стукались о землю яблоки, и в саду, в не остывшем еще от дневного солнца шалаше стоял яблочный дух. В сопровождении широкоспинных, медлительных и злобных псов он обходил белевшие стволами деревья, прислушивался к звукам дальней гармоники, к частушкам девчат, а над головой у него чертили светлым, сгорая на лету, сорвавшиеся с теплого небосвода звезды.

— А собаки были разве такие, как вы, тявки? — вспоминал Сафонов. — Львы были, а не собаки!

Сторож трепал меж ушей Муху, и Уголек снова лез, ревнуя старика, юлил и искал ласку.

За полночь сторож задремывал. Засыпали и собаки, свернувшись тугими калачами. Муха зябко вздрагивала и видела во сне то, чего не имела наяву: собственную миску с теплой похлебкой и своего хозяина, похожего на Сафонова.

Но изменения, которые вскоре наступили в Мухиной жизни, не могли привидеться ей и во сне.

Однажды к причалу подошел большой плавучий кран. Мотористы с крана отправились на склад получать оборудование. Они ходили между широких стеллажей с кладовщицей Зиной и неожиданно увидели Муху. Узнав от Зины, что Муха ничья, мотористы решили взять ее к себе на кран.

Муха ни разу в жизни не посмела укусить человека, хотя люди иногда и причиняли ей обиды. Поэтому, когда моторист поймал ее, она лишь беззвучно оскалилась и ткнулась зубами в схватившую ее руку, но тут же ужаснулась своего поступка и прижала уши.

— Глупая,— засмеялся моторист,— тебе же у нас лучше будет!

Муху никогда никто не брал на руки, и ей было очень неловко чувствовать себя так далеко от земли. Муха извивалась под рукой моториста, стремясь принять привычное положение.

Моторист с собакой на руках прошел мимо знакомых пакгаузов и по узенькому трапику-сходне поднялся на кран. С бухты набегали волны, и кран плавно покачивался. Очутившись на палубе, Муха растерялась: широко расставив лапы, она боялась сдвинуться с места и старалась сообразить, почему пол под ногами качается и уходит вниз. Она сделала несколько шагов — ее мотнуло вбок, и она пошла не туда, куда хотела. Стараясь сохранить направление, Муха устремилась в противоположную сторону, но тут ее качнуло назад, и ей пришлось почти побежать, увернувшись от столкновения с какими-то ящиками.

Матросы засмеялись:

— Походочка-то у нее морская!

Муха поняла, что смеются над ней, сконфузилась и села, темными умоляющи-

ми глазами глядя на окруживших ее людей.

Так Муха начала свою новую жизнь на большом плавучем кране. Природным умом и сообразительностью, выработавшейся у нее жизнью в порту, она скоро определила отношение к людям и место среди них. К одним она привязалась, к другим была равнодушна, третьих избегала, но со всеми старалась быть одинаковой: она понимала, что это необходимо, если ей привелось жить среди многочисленной команды крана. Но только одного в команде она считала своим хозяином — кранмейстера Николая Николаевича. Он обращал на Муху внимания не больше других, но всегда был с ней ровен и ласков; о хозяйском его положении говорило и уважительное отношение к нему людей на судне, и Муха очень хорошо почувствовала это сразу после своего появления на судне.

Вечерами, когда стихало в кубриках, Муха направлялась, стуча когтяшками лап, по коридорному линолеуму, к каюте кранмейстера. В открытую дверь был виден Николай Николаевич: сидя за столом, он увлеченно писал. Затененная черным колпаком лампа освещала бумагу, руки и кусок стола со стоявшей на нем фотографией женщины с детьми.

Потоптавшись в дверях, Муха заходила в каюту и ложилась на мягкой ковровой дорожке. Кранмейстер писал, не оборачиваясь, словно не замечал собаку.

Было тихо, лишь постукивали судовые часы, глухо шумел в машинном отделении дизель-генератор, освещавший кран; через толстую мягкую дорожку чувствовалось легкое содрогание от его работы. Муха лежала, смотрела на кранмейстера и испытывала чувство любви к этому человеку. Николай Николаевич вдруг распрямлялся, откидывался в кресле и смотрел куда-то задумчиво поверх письма, мимо лампы, мимо висевших на стене барометра и карты бухты. Муха в надежде поднимала голову, подбирала передние лапы, но он не звал ее, и собака ждала, поблескивая в сумраке влажными темными глазами. Наконец Николай Николаевич складывал авторучку — этот звук собака уже знала — и поворачивался к Мухе:

— Ну, что, Муханский, пришла?

Пряча радость, она подходила, поднималась на задних ногах и клала Николаю Николаевичу на колени передние лапы и голову. Кранмейстер ласково трепал собаке шею и гладил между ушей. Задние ноги у Мухи уставали, но она старалась как можно дольше удержаться на коленях, заглядывала Николаю Николаевичу в лицо и вздыхала, всхрапнув.

— Что вздыхаешь? Скучаешь? Ах ты, Муха-цокотуха, позолоченное брюхо! Ничего, приедет Коляка, будет тебе веселье. Пойдешь жить на берег.

Из всей команды Муха не любила только строповщика Лобуса. Как все собаки, она долго не забывала причиненное ей зло и старалась избегать встреч с этим человеком.

Первую обиду Лобус нанес Мухе вскоре после ее появления на кране. Муха стояла на палубе и смотрела на вечернюю бухту. Было тихо, от идущих далеко стороной пароходов набегали на кран ленивые, казавшиеся шелковистыми волны. В них мигали, гасли и вновь зажигались отражения красных, зеленых, белых огней, блуждающий луч прожектора на берегу. Муха, прищурившись, смотрела в подернутую свинцово-серыми сумерками даль, раздувала ноздри, ловила запахи в легких дуновениях ветра — запахи земли и гнилых водорослей, смолы и краски, чего-то съестного на камбузе. Она не заметила, как сзади подошел Лобус, подхватил собаку, бросил в стоящую на палубе шлюпку и завалил ее брезентом. Очутившись в темноте под тяжелым душным чехлом, Муха перепугалась, стала биться, пытаясь выбраться из-под навалившейся тяжести. Когда ей удалось наконец освободиться, она выпрыгнула из шлюпки, но не рассчитала высоты и ударилась с размаху о палубу носом. Муха взвизгнула и пустилась наутек, чтобы не слышать громкого и злорадного смеха строповщика.

В другой раз он поймал Муху и посадил высоко на трап, ведущий в кабину крана. Кран покачивало на волне, и собака с трудом сохраняла равновесие на узенькой ступеньке. Муха качалась, тоскуя на высоте, а Лобус стоял под ней, смеялся, и ей страшно было близко видеть его недобрые глаза. Выручил ее тогда вышедший на палубу Николай Николаевич. Он отругал Лобуса и снял Муху, осторожно поставив на палубу. Пережив страх и не сумевши даже обрадоваться избавлению, она тихо поплелась прочь, мучаясь от подступившей к горлу тошноты.

Лобуса Муха невзлюбила и стала бояться. При встрече с ним Муха жалась к людям: она заметила, что при людях Лобус к ней не приставал.

Но такие случаи были редкими. Команда хорошо относилась и к Мухе и к коту Гошке, делившим с людьми все радости и тяготы судовой жизни, все штормы и пурги, которыми так щедра Камчатка. Никогда еще у Мухи не было своего угла, своей подстилки и своей миски, в которой она трижды в день получала вместе со всеми еду. Муха поправилась, шерсть у нее стала лосниться, глаза повеселели. Собака тоже старалась услужить людям. Когда кто-нибудь из команды сходил на берег, она всегда сопровождала его и бежала впереди, задорно закинув на

спину баранку хвоста. В судоремонтных мастерских она шла вместе с хозяевами в цехи, семенила по проходу между тесно стоявших станков, поминутно оглядываясь и стараясь не показать виду, что ей страшно среди грохочущих машин. На улице матросы иногда шутливо науськивали Муху на встречную собаку или на кого-нибудь из своих знакомых, и она, ероша шерсть, разыгрывала нападение на «противника», потешно отталкиваясь всеми четырьмя лапами. После этого, переваливаясь на кривых ногах, она тут же возвращалась к своим, очень довольная выполненным заданием. На кране Муха нашла серьезное и полезное для всех дело. Заметив, как матросы ставили капканы-крысоловки — за каждую пойманную крысу, по принятому на кране порядку, поймавшему полагался внеочередной выходной день,— они тоже приспособились вместе с Гошкой ловить крыс, с которыми у Мухи были старые счеты со времени житья в портовых пакгаузах. Как только в помещении появлялась крыса, охоту за ней начинал Гошка, а Муха занимала пост около крысиной лазейки. Обычно крыса увертывалась от Гошки и мчалась в убежище, но тут ее встречала Муха. Гремя мебелью и посудой, она сбивала крысу и душила ее, стараясь избежать болезненных крысиных укусов. Охота велась вдвоем, но крыса становилась трофеем только Мухи. Она брала ее в зубы и тащила показать кому-нибудь из людей, беззлобно рыча на Гошку, если он пытался к ней приблизиться.

В один из штормовых дней кран был срочно вызван к судоремонтным мастерским. С бухты дул жесткий ветер, тяжелые волны били в набережную, взрываясь каскадом белых брызг. Кран качало, в натянутых на стреле тросах гудело. Обычно в такую погоду работы не производятся, но на этот раз грозила авария: волны разбили набережную, и берег заливала вода. Нужно было переставить краном стоявший на берегу в ремонте катер. Встревоженный Николай Николаевич, стараясь перекричать ветер, отдавал приказания. Под порывами ветра кран наваливался на причал, в щепки мочалил деревянные прокладки-кранцы. Муха тоже вышла на палубу. Она видела, как строповщики торопливо заводили под катер тросы, как раскачивался на стреле тяжелый гак. Тревога людей передалась и собаке, она бегала, суетилась на мокрой, уходившей из-под ног палубе. Наконец катер был подготовлен к подъему, но случилось непредвиденное: на раскачивавшейся стреле крана с блока сошел трос. Медлить было нельзя. Кранмейстер послал завести трос Лобуса, но тот отрицательно покачал головой.

— Кто же полезет? — сердито спросил Николай Николаевич.— Почему должен лезть кто-то, если это твоя работа?!

— Кран должен работать при волнении не

более трех баллов, а при таком штормяге пусть лезет кто хочет!

Тогда кранмейстер полез на стрелу сам. Собака с тоской смотрела, как Николай Николаевич, немолодой уже человек, карабкался наверх в паутине стальных конструкций стрелы, гудящих от штормового ветра, металась у трапа и пыталась лезть вслед. Но на помощь Николаю Николаевичу уже поднимались два матроса. Втроем они быстро устранили неполадки и спустились вниз, закоченевшие на ветру, с посиневшими, негнущимися руками.

Через несколько дней после этого случая Лобус собрал свой рундук и, не простившись, ушел с крана. О нем не жалели.

Без Лобуса Муха почувствовала себя на кране свободнее.

И опять потянулись трудовые дни. Кран ходил по бухте и поспевал всюду, где нужно было поднять или перенести тяжести: и в порту, и на строительстве нового причала, и в судоремонтных мастерских.

Погожим вечером боцман Гаврилыч занялся после работы рыбной ловлей. Рыба почти не клевала, лишь изредка попадались на Гошкино счастье головастые, с растопорщенными плавниками бычки. Гошка и Муха сидели рядом и наблюдали за ловлей: Муха—на палубе, а кот—на сложенных ящиках. С бухты бежал свежий бриз, в борт крана пошлепывали волнишки. Слегка покачивало, и швартовый трос, поскрипывая, терся о ящики. Вдруг верхние ящики поползли, рассыпались с грохотом, и Гошка не успел глазом моргнуть, как очутился за бортом. Он отчаянно забарахтался в воде и стал тонуть. Муха заметалась по палубе, растерянно и тоненько заскулила, затужила и вдруг — будто подтолкнул ее кто-то — прыгнула за борт.

Но недаром говорят, что один подвиг рождает другой: увидев Гошку в воде, Гаврилыч отбросил удочку и, скинув лишь бушлат, тоже прыгнул за борт. Схватив за шиворот кота, он выкинул его на палубу, а затем подал выбежавшим матросам и Муху.

Гаврилыч после холодного купания отправился в горячий душ, а Гошку обтерли старым одеялом и уложили в теплую сушилку рабочей одежды.

В этот вечер Муха и Гошка забыли об охоте на крыс. Они лежали на куче грязных спецовок, и Муха облизывала мокрого Гошку. Шерсть на нем слиплась, и ошейник из медной проволоки, надетый, как у всех корабель-

ных кошек, для защиты от действия вредного судового электричества, ранее почти незаметный, болтался на шее. Вечером Муха даже не пошла проведать Николая Николаевича. Но, прослышав о происшествии, он пришел с Гаврилычем сам.

— Эх, ты, горе-рыболов, Гошка,—потрепал кранмейстер вздрагивавшего всем телом кота,—как же тебя угораздило? А ты молодец, Муханец, тебя хоть к медали «За спасение утопающих» представляй. Герой!

В один из солнечных июньских дней Николай Николаевич приехал в порт на своем «Москвиче», отдал на кране необходимые распоряжения и покатил на аэродром, захватив с собой Муху. Никогда в жизни ей не приходилось мчаться с такой скоростью. Она тянулась в приоткрытое окно, за которым неслись стремительно дома, машины и люди, и ветер сушил ей нос, кидал мимолетом дорожные запахи.

На аэродроме было просторно и чисто. На недавно политом бетоне высыхали лужицы воды. Николай Николаевич оставил Муху в машине и присоединился к ожидавшим. Встречавшие прогуливались в нетерпении подле здания аэровокзала, рассматривали небольшие, тихо стоявшие с чехлами на моторах самолеты местного сообщения. Наконец, металлический голос объявил о посадке самолета. Над Мухой с оглушительным шумом пронеслась серебристая машина, промчалась по бетонной дорожке и подрулила к вокзалу. Муха из кабины «Москвича» видела, как Николай Николаевич подбежал к самолету, несмотря на запрещения контролера, подхватил с высокого трапа жену, обнял и расцеловал детей: тоненькую высокую девочку лет десяти и коренастого темноволосого мальчика-дошкольника. На обратном пути жена Николая Николаевича сидела с ним рядом, а Муха с детьми—сзади. Николай Николаевич ехал небыстро и рассказывал о камчатской земле, о высоких, заросших лесом сопках и белых пирамидах вулканов, с которых не сошел еще снег. Его перебивали возбужденные голоса детей — «Москвич» звенел радостными возгласами и был наполнен счастьем встречи. Коляка вскакивал, смотрел в окно, обнимал за шею отца и угощал его и Муху московскими сладостями.

Мухе передалось это радостное, веселое возбуждение детей. Она топталась на заднем сиденье, ела из перепачканных шоколадом рук печенье и была необыкновенно, небывало счастлива.

В городе машина остановилась у подъезда недавно выстроенного дома. Нежилые новые комнаты пахли краской и цементом. Муха ходила по комнатам и обнюхивала свежевыкрашенные плинтусы, а Коляка бегал и вскрикивал, забавляясь звонким, дробным эхом.

— Вот тебе собака,— сказал ему Николай Николаевич.— Ухаживай, корми и заботься о

ней. Она жила в порту, ночуя где придется, жила у нас на плавкране и заслужила себе в свои годы более спокойное житье. Видишь, какая она маленькая? Ты не должен давать ее в обиду.

И Муха осталась жить в семье кранмейстера. Елена Викторовна — так звали жену Николая Николаевича — и Верочка не обижали Муху, но и не обращали на нее почти никакого внимания. Все время проводила она с Колякой, терпеливо снося его неугомонные ласки и выдумки. Из любви к Николаю Николаевичу, снисходя к маленькому Коляке, она не протестовала, когда мальчик запрягал ее в игрушечные автомобили, и сопровождала его во время катания на велосипеде. Вечером, когда ее новый хозяин ложился спать, она сидела на кухне и смотрела грустными глазами через открытую дверь в освещенную комнату на Верочку и Елену Викторовну. Муху обижало, что ей запрещалось входить туда, и она вспоминала кран, где пользовалась полной свободой. Здесь ей жилось спокойнее, чем на кране, у нее было отдельное место в углу и сытная еда, она была больше предоставлена себе, но Мухе как раз не хватало внимания людей, грубоватых ласк матросов. Сидя на кухне, она скучала о кране, о Николае Николаевиче, которого видела теперь гораздо реже, о Гошке.

В домашней обстановке Муха прожила недолго.

Как-то раз, когда Коляка лег спать и в доме притихло, собака услышала в прихожей шорох. Она поднялась, подошла как можно тише к порогу, осторожно переступая кривыми, узловатыми ногами, и послушала, повернув голову набок: где шуршит? В стоявшей на полу сумке, с которой ходили за хлебом, шелестела бумага. Муха подошла, сунула в сумку голову — и оттуда выскочила, кинулась к щели у плинтуса крыса. Загремев обувью, Муха опередила ее. Тогда крыса метнулась к батарее отопления, прыгнула на нее. Сорвалась, еще раз прыгнула, и тут ее настигла Муха. Покусанная крысой, но очень довольная, Муха взяла добычу в зубы и понесла показать свой трофей Елене Викторовне. Она положила крысу на ковер и посмотрела на

хозяйку. Муха была удовлетворена «охотой»: наконец-то и она может услужить новым хозяевам! Она помахивала хвостом, в глазах ее отражался свет лампы, они счастливо лучились. Но когда Елена Викторовна рассмотрела Мухин трофей, она вскрикнула, вскочила со стула, отпрянула и начала кричать на Муху:

— Пошла! Пошла вон! Тащишь всякую мерзость в комнату! — Она схватила веник, вышвырнула крысу в коридор и веником же шлепнула собаку. Это было не больно, но очень обидно. Муха сидела на лестничной клетке и недоумевала, за что хозяйка выгнала ее, почему ей не понравилась крыса — раньше за это Муху всегда хвалили...

Где-то приглушенно слышалась музыка. Этажом ниже стукнула дверь — кто-то спустился по лестнице и вышел на улицу. Мухе показалось, что за дверью послышались шаги. Она подошла и прислушалась — нет, дома было тихо. Тогда Муха, переваливаясь длинным туловищем на ступеньках лестницы, направилась на крыльцо. С улицы доносились шум автомобилей, говор и смех людей. Даже поздним вечером работал, жил неугомонной жизнью порт — оттуда слышался лязг цепей и грохот лебедок, голосок трудившегося портового буксира. Мухе вспомнились кран, веселые матросы, Николай Николаевич и добрая Анна Александровна, всегда готовая угостить чем-нибудь вкусным, вспомнила Гошку. Мухину грудь сдавило тоской. Муха спустилась с крыльца и вышла за угол. Со склона сопки далеко виднелась бухта, разноцветные огни судов. Набежавший ветерок дохнул солоноватым холодком. Собака стояла, щурилась и раздувала ноздри, принюхиваясь к струйкам воздуха. Потом она снова вернулась на крыльцо. Через открытую дверь подъезда видна была тускло освещенная лестница, вытекал запах убежавшего в чьей-то квартире, пригоревшего молока. Муха постояла, тоскуя и поскуливая. На лестнице было тихо.

И тогда она решилась: побежала вниз на улицу и, остерегаясь машин, направилась в порт. Меж темных пакгаузов она разыскала место, где обычно сидел сторож, но ни его, ни Уголька там не было. Не было в порту и крана. Муха постояла на пустом причале, под которым плескалась черная вода, и напрямую — через горы угля и щебня, через песок и раскатившиеся бревна — побежала к мастерским. Она добралась до них, когда начал брезжить рассвет. Смутно темневшую громадину стрелы, горящую на ее верхушке лампочку она увидела и узнала издалека. Муха вбежала по знакомому трапу на палубу, радостно обнюхала знакомые предметы.

— Муха? Ты откуда это взялась? — удивился вахтенный матрос.—Ах ты, псина, не забыла своих!—Он приласкал собаку и открыл ей дверь в теплый, мягко освещенный ночным дежурным светом коридор.—Ну, иди, иди, друг-то твой Гошка стосковался, поди...

До сих пор Муха живет на плавучем кране. Развлекая в часы досуга матросов, она скрашивает их нелегкую судовую службу на далекой Камчатке.

Летними вечерами далеко разносится над тихой водой бухты ее звонкий, беззлобный лай.

Елена САПАРИНА

Научи «марсианина» видеть

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

ТЫСЯЧА И ОДНА БУКВА «А»

Не верьте, если вам скажут, что научиться читать очень просто. Это только кажется, что отличить одну букву от другой совсем не сложно.

Уж на что, казалось бы, умные кибернетические машины. И считать, и станками управлять, даже стихи сочинять, и картинки рисовать — все умеют, а вот читать...

Поначалу, когда кибернетические машины только появились, инженеры как-то не подумали о том, что их надо первым делом грамоте обучить. Не до букваря было — машины сразу за математику взялись и день ото дня все более сложные задачи решали.

Одни инженеры им задания придумывают, другие эти задания на их машинный язык переводят, третьи ответ с машинного снова на наш человеческий язык перетолковывают. Совсем было инженеры с ног сбились. Да вовремя спохватились. Что же это получается? Дитя-то наше без нянек ничего толком не может. Как бы это его к самостоятельности приучить?

— А вы напишите задание на листке бумаги — и дело с концом, — посоветовали добрые люди, — пусть ваши умники сами прочтут, сами и выполнят его как сумеют.

— Выполнить-то выполнят, — вздохнули инженеры, — а как же они прочтут: они ведь... слепые. Мы им все задания дырками на ленте изображаем, как слепым. Машина же дырку от недырки только на ощупь и опознает.

— Так приделайте им какой-нибудь там электронный глаз и покажите, как буквы пишутся.

Нарисовали инженеры большую красивую букву «А» и стали машине показывать. Поглядела машина: домик не домик, треугольник не треугольник, так — две палочки вверху сходятся, перекладинка внизу. Запомнила. Тогда решили проверить и показали ей не печатную, а письменную букву «А». Уставилась машина на нее, не признала в этой кривой загогулине старую знакомую. Пришлось заново учиться.

Бились-бились инженеры: ничего не получается. Любой первоклассник, выучив по букварю, как пишется буква «А», легко узнает ее потом и на газетном листе, и на странице книги, и на светящейся вывеске, и в школьной стенгазете. А умная-преумная машина, которая и диспетчером, и бухгалтером, и инженером может работать, не умеет узнавать в нарисованной, напечатанной, написанной букве одну и ту же «А».

Как же так? Сложные проблемы умная машина решает, а читать не может. Да ладно бы читать... Машина-то, как оказалось, вообще видеть не умеет.

ВСЮ ЖИЗНЬ УЧИМСЯ ВИДЕТЬ

Попробуйте объяснить, как вы научились повсюду узнавать хоть ту же букву «А». Не можете? Вот то-то и оно. И никто не может. Как-то само собой получилось, и все. Мы даже и не задумывались об этом.

Самое любопытное, что и человек и многие животные родятся, уже умея кое-что узнавать. Только что вылупившийся из яйца цыпленок, никогда не видавший коршуна, моментально спрячется, как только его тень закроет двор. И не обратит ни малейшего внимания на тень других летящих птиц. Значит, силуэт опасного хищника знаком ему заранее?

В мозгу, по-видимому, существует что-то вроде картинной галереи, с картинами которой он сравнивает сообщения, полученные от глаз.

Вы спросите: откуда же они взялись, эти образцы для сравнения? Часть мы получаем в готовом виде, по наследству от дальних предков: люди смотрят на мир очень давно, и какие-то образы внешнего мира наш мозг запомнил крепко-накрепко.

Месячный щенок, у которого едва открылись глаза, познакомившись с одним каким-нибудь треугольником, тоже узнает потом любые треугольники — белый на черном фоне; вырезанный из красной бумаги; сделанный из фанеры; склепанный из металлических планок; перевернутый вершиной вниз... и ни за что не спутает их с квадратом или кругом. Умение в самых разных по внешнему обличью предметах видеть их общее и главное свойство — у щенка врожденное, как и у человека.

А вот рыбам не повезло: они каждый новый треугольник, подобно кибернетическим машинам, видят словно бы заново. Умения обобщать видимое у них нет и в помине. Выходит, чтобы видеть, нужны не только хорошие глаза, но и хорошо думающий мозг. Ни рыбы, ни вычислительные машины этим, как видно, похвалиться не могут.

Даже люди, оказывается, всю жизнь только и делают, что учатся видеть, вернее, понимать увиденное. Начинается эта учеба с самого раннего детства, еще до того, как мы сможем говорить и даже ходить. Пока мы с вами дорастем до взрослых, наш мозг соберет довольно внушительную картинную галерею.

Удалось подсчитать, что зрительный набор каждого взрослого человека состоит примерно из тысячи картинок. Таких, как «печь», «дом», «лицо», «чайник», «птица», «кошка», «собака» и т. п. Он совпадает с самым необходимым словарным запасом.

Это тот минимум слов-картинок, что постоянно находится в нашем обиходе. А вообще-то количество предметов, которые мы способны запомнить и потом узнать, несравнимо больше. Возможность постигать мир с помощью зрения поистине колоссальна. Надо только уметь ею пользоваться.

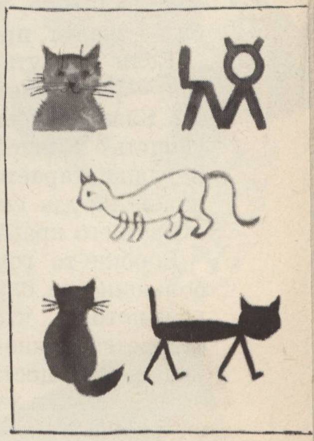
Ученые проделали любопытнейший опыт. Двух котят, как только у них открылись глаза, посадили в корзинки, соединенные вращающимся коромыслом. В одной корзинке была прорезь только для головы. В другой — для головы и лап. Поэтому один котенок мог перебирать лапами по полу и тем самым вращать «карусель». А его приятель был пассажиром и только глядел по сторонам. И хотя смотрели они оба на одно и то же, «пассажир» так и не научился осмысленно видеть. Выпущенный из корзинки, он натыкался на встречные предметы, не замечал кусочков мяса на полу и даже не мог отличить своих собратьев — кошек от «врагов» — собак.

Зато двигавшийся котенок, хоть и на глазок, умел определять расстояние до стены, не путал «своих» и «чужих». И уж, конечно, не проходил мимо лакомого куска. Его жизненный опыт оказался гораздо богаче.

От нас самих зависит, увидим мы жизнь лишь из окна вагона или примем в ней активное участие. Багаж впечатлений у «пассажира» будет намного меньше, чем у первооткрывателя.

Видите, какая это не простая штука — умение видеть. Оказывается, мало только внимательно смотреть вокруг.

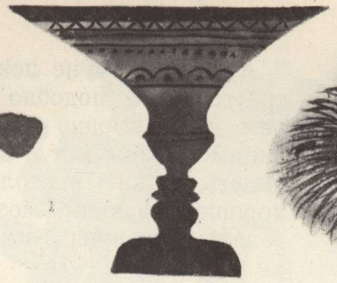
Никак не поймет умная машина, что здесь нарисовано пять кошек.

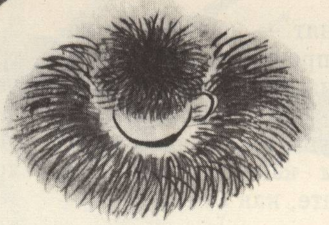

ГЛАЗ И МОЗГ ДЕРЖАТ ПАРИ

Как выяснилось, мозг видит гораздо больше, чем показывает глаз. Вспомните:

Вот какие загадочные картинки составлены учеными, чтобы понять, как же мы видим: клякса, фигурная ваза, образованная двумя профилями, нечто совсем невероятное — меховая чашка!

глядя на железную крышу, вы представляете, какая она жесткая, а кошка кажется вам, наоборот, мягкой. Но ведь глаз не мог рассказать об этом. Он и сам этого не знает. Зато это знают ваши руки, не раз гладившие пушистого котенка или касавшиеся твердого листа железа. Как же мозг сумел увидеть невидимое?

Оказывается, получая сообщения от глаз, он дополняет их, опрашивая другие органы чувств. Видеть мозгу помогают и уши, и нос, и руки...

Самое удивительное, что глаз в своих сообщениях мозгу не просто что-то недоговаривает. Он вроде бы загадочные картинки показывает. А мозг отгадывает, что на них изображено.

В это трудно поверить, потому что обычно мы не замечаем, что глаз и мозг в загадки играют. Но есть специально составленные учеными рисунки. Рассматривая их, в этом любопытном факте может убедиться каждый. Это картинки с двойным смыслом. Их можно понять так, а можно совсем иначе.

На одной из них мы видим поочередно то молодое красивое лицо, то сморщенную физиономию с громадным, уродливым носом. На другой — то узкую вазу фигурных очертаний, то два одинаковых светлых профиля, глядящих в упор друг на друга.

Но глаз-то показывает каждый раз одно и то же! Сочетание темных и светлых пятен. А мозг в затруднении. Он никак не может выбрать что-то одно и все гадает и гадает: видит в каждом рисунке то вазу, то лица, то молодую женщину, то старуху.

Ученые на сей раз поймали мозг в ловушку, как бы заставили его угадывать вслух. Обычно мозг проделывает эту работу про себя. И моментально дает однозначный ответ. Правда, бывает, что и не угадает правильно.

Глаз и мозг все время как бы держат пари. Если мозг угадал правильно, мы выиграли, — мы увидим то, что есть на самом деле. Ошибется, — значит, проиграли.

Если капнуть чернилами на тетрадный листок, — расплывется по нему бесформенная клякса. Казалось бы, ну что тут можно особенного увидеть? Клякса — она клякса и есть. А мозг нередко старается в этом чернильном пятне хоть какой-нибудь смысл уловить. Может, оно на ползущего краба похоже? Или на колючий шар?

Вообще-то говоря, мозг редко ошибается. В большинстве случаев он пари выигрывает. Как раз потому, что, играя с глазом в угадайку, старается такие предметы называть которые реально существуют.

По заданию ученых художники нарочно рисуют что-нибудь явно неправдоподобное. Скажем, утюг, утыканный иголками, или чашку с блюдцем... из меха. Такие невероятные рисунки мы рассматриваем особенно придирчиво, словно отыскиваем закравшуюся ошибку. И, не находя, мысленно отвергаем их, ведь мы точно знаем, что так не бывает. Откуда же взялись эти немыслимые, какие-то марсианские предметы? Мы не узнаем их.

Вот так же ничего «не узнают» наши кибернетические машины. Они словно марсиане, впервые попавшие на Землю. Ну, как научить их видеть?

«ЖАБИЙ ГЛАЗ» И ДРУГИЕ

Первые читающие машины узнавали только печатные буквы, и то если между ними достаточные промежутки. Потом они научились отличать простые геометрические фигуры — круг, прямоугольник. Теперь они могут читать и текст, написанный пером, лишь бы почерк был разборчивый.

Вам, наверное, приходилось, отправляя письмо, вырисовывать в углу конверта несколько цифр — номер вашего почтового отделения. Всегда старайтесь написать их ясно, четко, без поправок: помните, читать их будет машина, а ее зрение еще очень несовершенно.

Дело в том, что до настоящих читающих и вообще зрячих машин этим кибернетическим первоклассникам далеко. Видят-то они пока совсем не по-человечески. Какая-нибудь случайная черточка в изображении буквы или лишний хвостик могут стать для них настоящим камнем преткновения. При малейшей неточности они сбиваются, путаются в ответах. А догадаться по нескольким характерным штрихам, что за буква или цифра перед ними, или что-то самостоятельно домыслить, они и подавно не могут.

А сколько сил потратили ученые, чтобы этим «марсианам» самые простые земные истины втолковать! Показывают им, к примеру, портреты разных зверей. Машина должна их внимательно рассмотреть и сама составить описание каждого зверя. Но если случайно на фотографии кошка была снята около куста, то машина опишет ее так: у кошки четыре лапы, хвост, из уха растет ветка...

И когда они пытаются сами собирать, пусть и плохонькую, зрительную коллекцию, туда попадают не только изображения реальных предметов, но и всякие там утюги, утыканные иголками, или меховые чашки.

Вот почему, не сумев пока еще скопировать человеческое зрение, ученые взялись за живот-

ных. Глаза животных устроены проще. Для начала решили научить машину видеть хотя бы как... лягушка.

У лягушки основную работу делает глаз, а не мозг. Глаз самостоятельно разбирается в увиденном. И шлет в мозг совершенно конкретные сообщения, не оставляя возможности никакого двойного толкования. Это и понятно. Лягушка неповоротлива и беззащитна. И если она что-то видит, надо сразу действовать — прятаться от опасности или кидаться на добычу. Тут уж не до загадочных картинок. А то, пока будешь решать, что там такое изображено, либо тебя слопают, либо сама голодной насидишься.

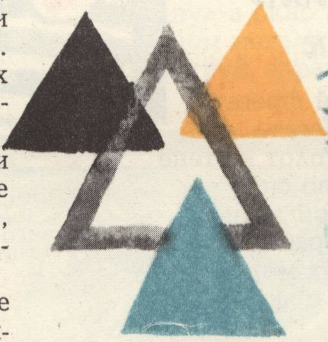
Больше того. Глаз лягушки вообще не видит ничего лишнего. Он настроен только на движущиеся предметы. Поэтому ни травы, ни листьев, среди которых она живет, лягушка не видит. Они ей не нужны. Любоваться пейзажами ей некогда. Видит она только то, что движется, — летящих мух, комаров, ползущую змею, идущего человека.

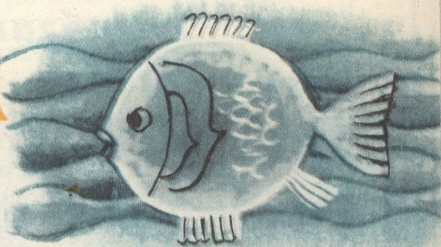
Ее глазу некогда рассматривать и подробности движущихся предметов. Она обращает внимание только на их величину и форму. Для нее важно, что от большого, длинного надо убегать, на маленький, круглый нападать.

«Жабий глаз», сделанный инженерами, тоже замечает только движущиеся предметы. Конечно, он не может ни читать, ни рассматривать фотографии. Но ему нашлась подходящая работа. Он следит, к примеру, за тем, чтобы не столкнулись заходящие на посадку и взлетающие самолеты.

И все-таки совершенно необходимы машины, созданные по нашему образу и подобию. Когда они наконец появятся, это будет настоящей революцией в технике, подобно той, которую вызвало появление самих кибернетических машин. Потому что это будут машины, умеющие... думать. Помните: видеть — это значит прежде всего понимать, на что смотришь.

Вот так и получилось, что хотели научить машины видеть, а приходится учить думать.

Море. И солнце. И кораблик. И два хороших человека — поэт и художник — авторы нашего журнала в журнале... Смелая, решительная рука у десятилетней москвички Оли Александровой. Такую нарисовала она эмблему «Кораблика».
Две другие картинки нарисовали тоже москвичи. «Корабль в бурном океане» — Лёня Иванов, а Катя Леонович — картинку к стихотворению Тани Минковой «Ледяные узоры».

Стихи про кораблик прислала в «Кораблик» **Лена ДЬЯКОВА.** Лене 12 лет, живет она в Москве.

Нарисованный кораблик

Прикован к бумаге белый фрегат
В его паруса не задует пассат.
Он кнопкою крепко приколот к стене
И море он видит только во сне.
Он видит, как в бирюзовой дали
Плывут белоснежные корабли.
В вантах их ветер соленых морей.
Ах, если бы сняться ему с якорей!

Таня МИНКОВА — болгарка. Она жила в Советском Союзе, знает русский язык, читает журнал «Пионер». Таня прислала в «Кораблик» свои стихи, написанные по-болгарски, а **Лена ГУЛЫГА,** поэт и переводчик, перевела их на русский.

Ледяные узоры

В зимнее утро окно мое стынет,
И вижу на нем я густые кусты,
Песчаные дюны и пальмы пустыни,
И ветки. На них распустились цветы.
Высокие горы, пушистые ели,
И кактус, и папоротник, и тростники.
Вот профиль оленя, веселой газели.
Вот розы, кристаллы и берег реки.
Узор небывалый, красивый и нежный.
Ветки, початки, цветы и листва...
А сплел его день, морозный и снежный.
На каждом окошке висят кружева.

«Я сочинил стихи. Не знаю, хорошие они или плохие. Они первые в мои 12 лет».
Володя БУРАЧИК
из города Донецка.

Родник

Зима пришла уже давно
И пред очами все бело,
Но все же есть пятно одно,
Хотя оно совсем мало.
Это ключ из-под земли
Смело вытекает,
Хоть края покрыты льдом,
Бьет, не замерзает!

Свете ДАДАШЕВОЙ 13 лет. Она учится в 7-м классе. У Светы есть собака по имени Лада. О том, как Лада появилась в доме, написаны эти стихи.

Лада

Птичий рынок. Семь утра.
Шум. Толпится детвора.
— Что здесь продают?
— Собак!
— Добрых, злых или кусак?
— Все породы, все тона!
Но мне нравится одна,
Та, с висячим ушами
И печальными глазами.
— Как зовут ее, скажите?
— Лада.
— Купим?
— Да!
Смотрите:
Грудка пестрая и лапы.
Вот обрадуется папа!
Наконец щенка купили!
Наконец щенок у нас!
Из-за бабушкиной шубы
Светится зеленый глаз.

Олегу **БРУСИЛОВСКОМУ** 12 лет. Он учится во французской спецшколе, занимается в акробатическом кружке, любит петь песни, сочинять и декламировать стихи.
В стихах Олега нет рифм.
Ритм в них не одинаковый
во всех строчках,
а зависит от содержания
и настроения каждой строки.
Такой стих
называется свободным.

Закарпатские чудеса

Жили мы в закарпатской деревне — Крива.
И правда — если смотреть на нее
С вершины большой горы,
То вся она кривая и извитая.
Как будто кто-то нарочно ее перекосил.
А рядом с деревней
Речка текла. Тиной она называлась.
Залезешь, бывало, в реку,
И понесет тебя быстрым теченьем
Холодной, прозрачной воды.
А над рекой и деревней,
Словно зеленые великаны,
Поросшие буковым лесом,
Карпатские горы стояли.
В горах этих спрятано было
Множество сказок, загадок и тайн.
Однажды тайну свою поведала нам гора
За то, что мы покорили ее,
Не испугались крутых обрывов,
Каменных осыпей
И колючих зарослей ежевичных:
На самой вершине
Вдруг перед нами вырос
Темно-серый валун громадный,
Яркими цветами лесной гвоздики
Оплетенный.

Лена ЗАЛЕСОВА (она живет в селе Кардышево, Смоленской области) написала нам: «После окончания школы я хочу стать учительницей русского языка и литературы. Знаю, что для того, чтобы сочинить стихотворение, надо приложить много труда и старания. Над этим маленьким стихотворением я долго трудилась». Стихотворение получилось вот какое.

Новый год

В хороводе из снежинок
Быстрый сказочный полет:
Опустился на планету
На ракете Новый год.
И, шагая по земле,
Заглянул в окно ко мне.
За окном метель поет...
Здравствуй, здравствуй, Новый год!

Зимние каникулы не за горами. Самое время лепить снеговиков, снежных баб, строить ледяные дворцы и снежные крепости... Вот какое «снежное сражение» описала **Ира ШАРАПОВА**, ученица Московской школы-интерната № 2.

Снежное сражение

Вчера выпал снег. Его было много, поэтому все деревья и кусты, вся земля и все дома были покрыты сверкающим покрывалом.

Днем на солнце снег стал липким, и мы взялись строить снежную крепость. Через час она была готова.

Вечером стены замерзли, стали как у настоящей крепости. Мы решили разыграть сражение. Разделились на две команды и приготовились к штурму. Я была в команде защитников. Нападающие окружили крепость со всех сторон, и скоро в нас полетели первые «снаряды». Затем из-за деревьев появились атакующие. Мы старались отбросить их назад, но они снова и снова наступали.

Запас снега в крепости был на исходе, и нам приходилось ловить вражеские снежки.

Однако снегу совсем не стало хватать, и наш командир предложил:

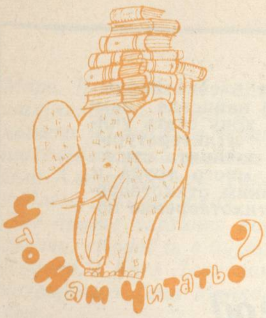
— Ребята, давайте сделаем так: пусть половина останется здесь, а с другой половиной я пойду за снегом.

Все согласились.

Нападающие заметили, что половина защитников вышла из крепости. Они запаслись снежками и упрямо побежали к крепости. Чтобы остановить их, нам приходилось отламывать кусочки снега от стен крепости.

Но вот за деревьями показался наш отряд с «боеприпасами». Однако они опоздали. Мы не выдержали. Атакующие проникли в крепость.

Они победили, но крепость ломать не стали.
Мы договорились завтра продолжить игру.

Однажды в детстве я прочитал книгу...

ВСТРЕЧИ С ГРИНОМ

Рисунок Н. МАРКОВОЙ.

Первая встреча произошла за десять лет до войны, когда я учился в шестом классе. Кто-то из ребят дал мне на один день зачитанный до дыр журнал «Всемирный следопыт», в котором печатался роман «Золотая цепь».

С фотографии, которая была тут же, на меня смотрело изнуренное лицо уже немолодого человека с мечтательными глазами. На плече его сидела птица с хищным клювом. Из подписи к портрету я узнал, что это автор романа Александр Грин. А ловчую птицу зовут Гуль.

Я погрузился в чтение романа. Увидел море, услышал шум прибоя и познакомился с героем романа юнгой Санди Пруэлем, таким же мальчишкой как и я, чуть постарше. Неважно жилось на шхуне «Эспаньола» «верному Санди», но вот в жизнь его вошло приключение, и жизнь стала волнующей, полной загадок...

«Продолжение следует»,— прочел я с огорчением. Очень хотелось узнать, чем же закончатся похождения храброго и честного Санди, но в библиотеке небольшого заводского поселка в Донбассе, где я жил, книг Грина не было, и журнала с продолжением романа найти не удалось.

И только через несколько лет мне удалось прочитать весь роман. Тогда-то я и узнал, что Санди не только благополучно преодолел все опасности и трудности, выпавшие на его долю, но и подружился с добрыми людьми, которые помогли бедному юнге получить образование, и он стал капитаном.

Прочитав «Золотую цепь», я взялся за другие книги Грина. Самое большое впечатление произвел на меня роман «Дорога никуда». Герой его, благородный юноша Тиррей Давенант, отважно вступивший в неравную схватку с богачами и продажными чиновниками, надолго стал для меня примером борца и человека. Я не раз мысленно прикидывал, как бы поступил в том или ином случае мой любимый герой.

Финал романа печален — Тиррей погибает. Но впечатление от романа все равно светлое. Рядом с такими, как Тиррей, люди становятся лучше, их помыслы чище, они совершают чудеса мужества и выносливости.

В студенческие годы я как бы заново открыл для себя романы Грина «Бегущая по волнам» и «Блистающий мир», смог в полной мере прочувствовать всю романтику и поэзию его замечательной феерии «Алые паруса».

Прошли годы. Судьба забросила меня в Старый Крым, тихий зеленый городок среди гор. Здесь Александр Грин провел свои последние годы. Здесь он закончил свою «Автобиографическую повесть», исповедь о годах скитаний по ночлежкам и царским тюрьмам. Здесь он и умер.

Скромен памятник писателю на старокрымском кладбище у подножия горы Агармыш, но всегда на могильной плите свежие цветы. Их приносят читатели, приезжающие сюда со всех концов страны.

Я побывал в домике, где жил Грин. В небольшой комнате с выбеленными стенами стоит узкая кровать. Перед ней на полу барсучья шкура — подарок друга-охотника. У изголовья столик с тяжелой мраморной доской. У окна письменный стол темного дерева — за ним Грин работал. Морская раковина на подоконнике, якорь в углу, чучело Гуля на стене...

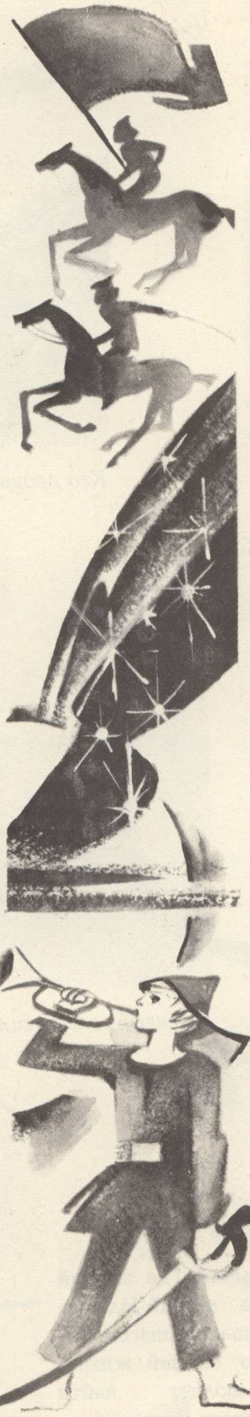
Все здесь — как было при жизни Грина. И чудится: вот откроется дверь, и он войдет, сядет в кресло и глубоко задумается, глядя на далекие горы. И перед его взором возникнут южные моря и далекие экзотические порты...

Не ищите на картах Лисс или Зурбаган. Не стройте догадок о колониальных странах и южных морях, где разворачивается действие гриновских книг. Если вы вчитаетесь поглубже, то перед вами проглянут знакомые очертания Ялты, Феодосии или Одессы. Только один раз был Грин в далеком плавании и дальше Александрии не плавал. Южные моря и экзотические страны Грина — не что иное, как море Черное и его побережье, расцвеченное волшебной кистью гриновского воображения. И герои писателя — жители Черноморья: рыбаки, охотники, моряки или портовики. Все они непременно люди мужественные, благородные, верные дружбе.

О море написано много, но не сыскать книг, на чьих страницах плескались бы такие лазурные и теплые моря, как на страницах Грина. В этих солнечных морях отражается его романтическое видение мира, преданность светлой мечте и глубокая вера в торжество добра. Этой верой проникнуты все его рассказы, повести и романы. И поэтому к ним так жадно тянутся читатели, особенно молодые.

Потому так много у нас в стране клубов «Алые паруса». Потому так быстро переходят из рук в руки книги Александра Степановича Грина и не меркнет добрая память о нем — рыцаре мечты.

Ю. КОТЛЯР

Наш Мальчиш-Кибальчиш

Все знают, кто такой Мальчиш-Кибальчиш, знают, что он из повести Гайдара «Военная тайна», вернее, из сказки, которую любил в этой повести славный Алька и которую так здорово рассказала октябрятам вожатая Натка. Сказочный гайдаровский герой храбро бился и погиб, не сломленный буржуинами.

А я знал и взаправдашнего Мальчиша-Кибальчиша. Впрочем, с ним было чуточку иначе.

Он собрал нас однажды и повел на военную игру. Решили провести ее на крепостной стене, а главную битву — в сумраке грозной башни. Это было в древнем русском городе Пскове, только что освобожденном от фашистов. Мы как раз стали тогда пионерами.

Наш Мальчиш-Кибальчиш хорошо задумал игру: сразу всем идти в бой. И вдруг отдал другой приказ — все отправляются в разведку, за крепостной вал: «Бегом! Марш!»

Мы побежали. А он остался. И в одиночку обезвредил красногалстучный наш командир мину, оставленную гитлеровцами. Он обнаружил ее первый.

Он был нашим ровесником, но уже успел отличиться на настоящей войне. Один во всем классе, он имел правительственную награду — медаль «Партизану Отечественной войны» 2-й степени.

Он очень любил, когда мы его звали Мальчишем-Кибальчишем.

Последний свой подвиг он совершил год спустя после истории с миной. Помню, как сейчас, стоял теплый весенний день. До начала каникул нам, шестиклассникам, оставалось меньше недели. Была большая перемена. Школьный двор переполнен.

Вдруг откуда ни возьмись летит вприпрыжку карапуз, держа кепку, полную найденных где-то взрывателей. Подбегает к таким же, как сам несмышленышам, чиркает спичкой... Я видел, как бросился к малышу Мальчиш-Кибальчиш, схватил кепку с взрывателями, прижал смертоносные игрушки к животу и упал на землю...

Он погиб, наш Мальчиш-Кибальчиш. Но больше никто не пострадал.

Гайдаровские традиции живут и в игре, и в жизни, и в искусстве. Я смотрел недавно новую картину производства Киностудии детских и юношеских фильмов имени Горького, называется она «Птицы над городом». Это о сегодняшних пионерах.

Посмотрите эту картину, и вы узнаете в ней себя, узнаете Мальчиша-Кибальчиша семидесятых годов, вспомните добрым словом Гайдара и его книгу «Военная тайна».

Виктор ДМИТРИЕВ

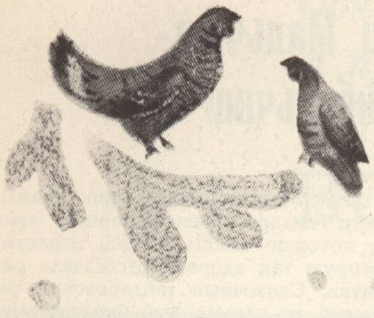
Пионерский компас

Много книг написано о юных ленинцах, и о первых пионерах, и о пионерах сегодняшних, о подвигах ребят в годы Великой Отечественной войны и в мирное время.

Как разобраться в этом множестве, как выбрать нужную тебе книгу?

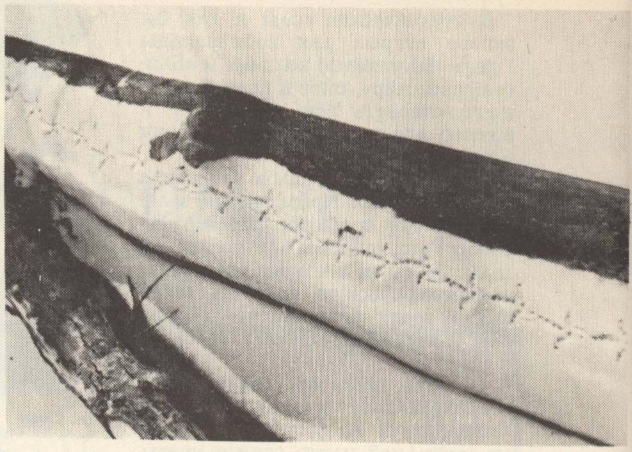
В издательстве «Книга» вышел указатель «Будь готов!». В нем коротко рассказано про все книги о пионерах. В нем четыре раздела: I. Твоя организация. II. Они были первыми. Строительство новой жизни. III. Юные мстители. IV. Славная эстафета в надежных руках.

Возьми указатель, и он поможет тебе найти много интересных книг. Авторы указателя Г. Красных и И. Лунина.

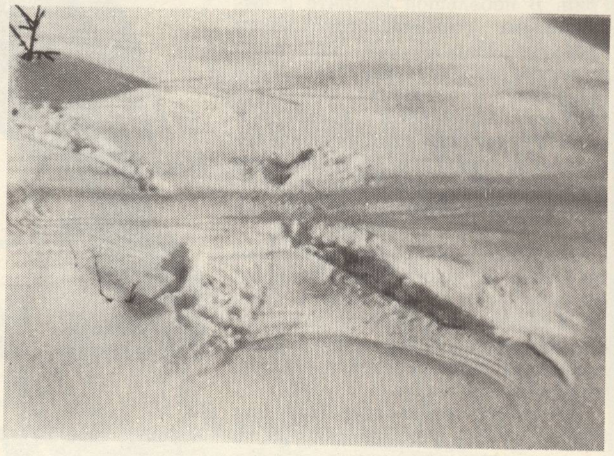

Письмена на снегу

Кто прошел здесь? .

На снегу—следы сильных крыльев...

Такой след часто встретишь в наших лесах.

На фотографиях, которые вы здесь видите,— следы. Обрывки тех бесконечно разнообразных и сложных записей, что покрывают снег повсюду: в лесу, поле, степи и безлесных горах. Никто не скроет своих следов — ни нападающий, ни спасающийся бегством. Прямые и извилистые, то похожие на пунктир, то сливающиеся в сплошные линии, строки следовых цепочек расшифровываются не сразу. Однако распутывание следов (тропление) — дело увлекательное!

Легко ли определить, например, сколько в лесу зайцев? Подсчет следов и тропление помогают ученым и охотникам в этом. Что и сколько ест зимой лось? Как «мышкует» лисица? Всегда ли удачна охота волков? Где зимний дом уссурийского тигра? Идя по следу зверя, мы шаг за шагом читаем события его зимней жизни. Тропление позволяет найти ошибки в некоторых сложившихся, казалось бы, представлениях о животных. Так, многие до последнего времени считали, что рысь очень любит лазить на деревья, откуда и нападает на добычу. Расшифровка следов показала обратное: на деревья рысь поднимается очень редко, в тех случаях, когда ее преследуют собаки, а добычу скрадывает на земле. Таких интересных подробностей при троплении можно узнать немало.

1. Кто прошел здесь, оставив ясную узорчатую строчку? Отпечатки лап — трехпалые, поэтому даже неопытный наблюдатель сразу догадается, что это след птицы. Действительно, перед нами след рябчика, лесной птицы из семейства тетеревиных.

2. Здесь на снег тяжело опустился красавец глухарь. Ударили по снегу сильные крылья, жесткие маховые перья прочертили

Кажется, тут прошел крупный зверь.

След самого замечательного зверя лесов нашей страны.

борозды. Глядя на такой след, живо представляешь себе огромную черную птицу, слетевшую на лесную поляну с высокой сухой сосны, и, кажется, видишь настороженно поднятую бородатую голову глухаря, ощущаешь степенность его шага...

3. А этот след — один из самых обычных в наших лесах, его можно встретить даже в городских парках. След напоминает перевернутую трапецию, он невелик — его можно закрыть школьной тетрадкой. Зверек передвигается прыжками на небольшие расстояния, от дерева к дереву. Наверное, вы и сами уже догадались, что это след белки.

4. На мягком снегу, присыпавшем ледяную корку, отпечатались широколапые следы зайца-беляка. Как и белка, заяц на бегу выносит задние лапы вперед, а маленькие, сравнительно узкие, передние лапы опускаются на снег сзади. Следы беляка, особенно, когда «разъезжаются» его пальцы, несоразмерно велики: может показаться, что тут прошел гораздо более крупный зверь. Объясняется это просто — широкие, густо опушенные лапы беляка позволяют ему как на лыжах легко бегать даже по глубокому, рыхлому снегу. Американского беляка так и называют: лыжный заяц. Есть такие лыжи и у некоторых других зверей, но у беляка относительно его веса они самые широкие.

5. Крупные кошачьи лапы. Характерные признаки следов всех кошачьих — округлые очертания лап, нет отпечатков втянутых когтей. Это след, пожалуй, самого замечательного зверя лесов нашей страны — амурского тигра. Тигры сохранились теперь только на Дальнем Востоке, хотя раньше жили и в Средней Азии. Сейчас в При-

Фотографии автора.
Рисунки А. ГРИШИНА.

На зернистом снегу — отпечаток копыта.

След в след идут волки...

морье и Приамурье этих зверей около ста пятидесяти. Они находятся под охраной закона, охотиться на тигров запрещено. Снимок сделан на лесной речке в Сихотэ-Алиньском заповеднике. Тигр прошел по влажному снегу, пропитанному выступившей из-подо льда водой. Мороз превратил эти отпечатки в ледяные, окрасил их в темно-голубой цвет.

6. Этот снимок сделан в высокогорье Западного Тянь-Шаня. На зернистом, обработанном ярким горным солнцем снегу — отпечаток копыта горного козла, или козерога, обладателя огромных серповидных рогов. Плотными короткими копытами козлы на пастбищах разгребают снег, добираясь до скрытой под ним сухой травы.

7. Следы волчьей стаи на огромном лесном болоте в Вологодской области. По такому рыхлому снегу волки предпочитают идти гуськом, ступая «след в след». Если охотнику удастся найти такой вот участок, где звери то разбредались, то топтались на одном месте, можно определить число волков в стае. Здесь их было пять. Пять отдельных строчек видно в нижней части кадра. Посередине точка, где они пересекаются. Вперед уходят только две цепочки — стая разбилась на две шеренги, в перспективе сходящиеся в одну. Совместная, групповая охота помогает хищникам быстрее овладевать добычей.

8. Для того чтобы узнать этот след, не нужно быть следопытом. Отпечаток огромной вытянутой ступни похож на босую человеческую ногу. Это бурый медведь. Тут он наступил на присыпанную снегом валежину. Следы медведя на снегу увидишь не часто — зимой медведи спят. Но прежде чем залечь в берлогу, да и весной, они некоторое время бродят по «белой тропе».

Ты спросишь, с чего начать тебе? Рассматривай следы хорошо знакомых животных, ищи сходство и различие между ними. Даже в окрестностях больших городов можно найти следы белки, зайцев — русака и беляка, лисицы. Прекрасным и пока единственным пособием тебе может служить книга профессора А. Н. Формозова «Спутник следопыта».

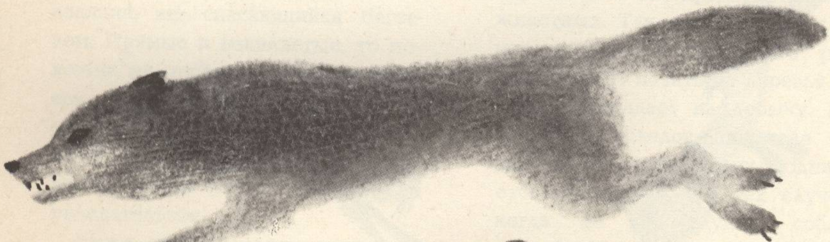
Как можно больше измеряй и зарисовывай. Рисунок, даже схематический, сохранит многие характерные особенности следа, которые трудно выразить словами. Стоит делать и фотографии следов, но получить четкий снимок удается далеко не всегда. Необходим яркий свет, контрастные тени; кроме того, важно отыскать особенно рельефный, «красивый» отпечаток или отрезок следовой дорожки. Главное же — найти правильную точку съемки, чтобы след хорошо помещался в кадре. Иногда для масштаба полезно положить рядом какой-то знакомый предмет (например, коробку спичек).

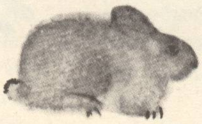
Е. МАТЮШКИН,
старший научный сотрудник Зоологического музея МГУ

Следы медведя на снегу увидишь не часто.

От редакции. Удалось тебе найти следы белки или зайца — напиши нам. Не забудь прислать рисунок или снимок. Так мы продолжим начатую прошлым летом «Красную тетрадку» («Пионер» № 7 за 1974 г.).

А. МУСАТОВ

Хорошо рожок играет...

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 11.

В полдень, пригнав телят на водопой, мы с Андреем обнаружили в стаде незнакомого нам рыжего бычка.

Был он шустрый, лобастый, крепенький, с умильной, лукавой мордашкой. Бычок по-хозяйски расхаживал среди стада, обнюхивал и задирал наших телят, а столкнувшись с Чернышом, затеял с ним веселую игру. Сначала они, как ошалелые, скакали по поляне, потом принялись меряться силами, бодаться, стараясь потеснить друг друга широкими лбами.

Мы разняли драчунов и сообщили старшему пастуху, что в нашем стаде появился чужой теленок.

— И впрямь приблудный, — согласился Авдей, оглядывая еще не остывшего после схватки бычка, и глаза его загорелись. — Хорош,

бестия, хорош. Стать-то какая, порода... Цены ему нет...

— Надо в правление колхоза сообщить, — сказал Андрейка. — Пусть оттуда соседям позвонят.

— Да, да, нынче же сообщу, — согласился Авдей и наказал нам позорче смотреть за приблудным бычком.

Но прошел день, другой, а за Лобаном, как мы прозвали бычка, никто не приходил.

Авдей частенько подходил к нему, гладил по шее, по спине, щупал колени, осматривал копыта.

— Чего-то он замышляет, — шепнул мне Андрей и спросил Авдея, почему до сих пор хозяева не забирают бычка, — может, из правления забыли позвонить по телефону?

— Вполне возможно, — согласился Авдей.

— А давайте мы с Петькой в Кузьминки сбегаем. И во Владычино, — предложил Андрей. — Про Лобана скажем.

— Нет уж, вы телят пасите, — подумав, сказал Авдей. — Сам схожу. Я ведь в округе всех пастухов знаю.

Он пропадал с утра до вечера, а когда вернулся, то сказал, что приблудный теленок совсем не из Кузьминок и не из Владычина, а из отдаленного Гадаевского колхоза.

— Нет уж, вы пасите, я сам схожу...

— Вот ведь куда махнул, паршивец. Почти за двадцать километров. Завтра за ним пастух придет.

И верно, на другой день, не успели мы еще телят на пастбище выгнать, как к нам в лагерь заявился гадаевский пастух. Был он приземист, одутловат, с бельмом на глазу, с густой щетиной на щеках и подбородке.

— Где тут беглец наш? — озабоченно обратился он к Авдею, наспех пожав ему руку. — Ну и морока с ним, окаянным... Третий раз уже убегает.

Авдей провел гадаевского пастуха в загон и указал на Лобана. Пастух накинул ему на шею веревку, завязал узлом и потянул бычка за собой. Но теленок заупрямился, подался назад.

— А вы покличьте, — посоветовал Андрей. — Как у вас в стаде его звали?

— Бес его знает... всех не упомнишь, — отмахнулся пастух. — У меня их поболе вашего будет.

Авдей стеганул Лобана хворостиной, подтолкнул его сзади, и тот наконец вышел из загона.

— Спасибо, Авдей Силыч... за присмотр, за все, — поблагодарил гадаевский пастух.

— Да уж как заведено... Пастух пастуха завсегда выручит... — И Авдей, сунув Митьке в руки хворостину, кивнул на бычка.

— Подгони-ка упрямца. Подмогни человеку.

— И далеко их провожать? — недовольно спросил Митька. — Мне же стадо выгонять надо.

— Шагай, шагай, там видно будет. А телят я сам попасу.

Мы проводили взглядом заарканенного бычка, который, то и дело оглядываясь и недовольно помыкивая, без особой охоты плелся за гадаевским пастухом. Сзади теленка подгонял Митька.

— А бычок-то не очень к пастуху тянется, — вслух подумал Андрей.

— Отвык, шалопут, — сказал Авдей и, посмотрев из-под ладони на солнце, приказал Вовке поднимать телят.

Мы с Андреем взяли косу, серп, пустые мешки и отправились «сенокосничать». По дороге встретили сына владычинского пастуха Леньку, того самого, который когда-то передал нам сбежавшего Черныша.

— Салют, пастухи! — приветствовал он нас и сообщил, что у них из стада отбился бычок.

— Какой он из себя? — чуть ли не в один голос спросили мы.

— Здоровяк, драчун, задирает всех. Вроде вашего Черныша. Только масть рыжая. Кличем: Лобан да Лобан.

— И мы его так прозвали, — вскрикнул я.

— Так он у вас, бродяжка! — обрадовался Ленька. — Третий день его ищем.

— А разве наш пастух не заходил к вам?

Ленька помотал головой. Нам стало все ясно. Андрей посмотрел на петляющую вдоль реки тропинку, по которой гадаевский пастух увел бычка, и вдруг махнул нам рукой:

— *Ну что ж, Митька, хочешь на честность, так давай на честность!* **Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.**

— Айда в погоню! Может, еще и успеем...

Мы со всех ног помчались по тропинке к бревенчатому мосту через Пружанку.

По дороге Андрей рассказал Леньке, что Авдей отдал Лобана гадаевскому пастуху.

Бежали мы как на пожар, не жалея сил, но в пастушачьей одежде и обуви нам вскоре стало невмоготу.

— А если напрямик рвануть, — предложил Андрей, — через реку?

После купания в холодной Пружанке бежалось легко, и минут через пятнадцать мы выбрались на взгорок, через который полевая дорога переваливала на Гадаево. Залегли в кустах и принялись наблюдать. Но дорога была пуста.

— Видно, вперед ушли, — сказал Андрей. — Опять догонять надо...

— Слышь, Андрей, — шепнул я. — А почему провожать бычка Авдей Митьку послал? Может, он заодно с дедом?

— Да нет, не должно, — не очень уверенно ответил Андрей.

— Ну что ж, побежали дальше. — Он привстал и вдруг вскрикнул: — Смотрите... они...

— Наш Лобан! Наш! — узнал наконец Ленька и уже готов был броситься к нему навстречу, но Андрей схватил его за руку.

— Подожди! Посмотрим, чего будет...

«Троица» подходила к нам все ближе и ближе.

Разопревший и вконец обессиленный гадаевский пастух обернулся к Митьке, и мы услышали его хриплый, раздраженный окрик:

— Да стегай ты его, прорву. Подгоняй, пори почем зря!

— Не буду пороть! — буркнул Митька.

— Это как не будешь? — Пастух даже остановился. — Тебе Авдей что наказал? Куда бычка гнать?

— Сказал, не погоню — и не погоню. Это не ваш бычок...

— Опять двадцать пять, — рассердился пастух. — И глуп же ты, как пробка. А мне еще

— *Ух ты, Авдей какой. Ну надо же!*

Авдей расхваливал тебя: надежный, мол, оборотистый, все смекает.

— Вот я и смекаю...

— Ну, ладно, — примирительно сказал пастух. — Тяни бычка, а я подгонять буду. — Он сунул Митьке в руки конец веревки и отобрал у него хворостину.

И тут произошло неожиданное. Не успел пастух хлестнуть теленка, как Митька, выпустив из рук веревку, шлепнул его по спине, лихо свистнул и подтолкнул вперед. Почуяв свободу, бычок взбрыкнул и помчался по дороге. А навстречу ему с ликующим криком выбежал Ленька.

— Лобан, Лобанчик! Ко мне, Лобан! Ко мне!

Вздрогнув, бычок замедлил шаг и протяжно замычал. Потом подошел к пастушонку и ткнулся влажными губами в его протянутые ладони.

— Дурашка! Шалопут! Пропал, избегался, — ласково выговаривал ему Ленька. — Ну, пошли домой, пошли!

— Это что ж такое? — пришел наконец в себя опешивший пастух. — Разбой? — И он бросился ловить ужом извивающийся по дороге конец веревки. Но тот никак не давался ему в руки, вьюном крутился вокруг Леньки. Наконец, изловчившись, пастух ухватил его и потянул Лобана к себе.

Мы с Андреем тоже вцепились в веревку.

— Дяденька, это не ваш бычок... Он из владычинского стада. Видали, как к хозяину бросился!

Схватка за веревку продолжалась недолго. Пастух отшвырнул нас в сторону, но и сам в тот же миг повалился на дорогу. Это Ленька сумел развязать узел веревочной петли на шее бычка и теперь вместе с ним улепетывал полевой тропинкой к реке.

Мы с Андреем побежали следом.

Сзади слышался тяжелый топот сапог, брань, угрозы. Но где пастуху было угнаться за нами! Вскоре он выдохся, опустился на траву и повелительно закричал на Митьку:

— Чего столбом встал? Догоняй!

Но тот, обойдя пастуха стороной, выбрался на полевую тропинку и зашагал к лагерю.

В тот день, когда должно было состояться собрание животноводов, Авдей вел себя довольно странно. С утра сам выгнал телят, до полудня пас их в одиночку, а после обеда объявил нам, что по всем причинам сегодня соберется гроза. А значит, во все глаза следить за телятами.

— Порядок такой будет, — деловито распорядился он. — Я ухожу на собрание, а вы втроем пасете телят — Андрюха, Петька и Вовка.

— А Митька где? — спросил я.

— Приболел он, брюхом мается. Пришлось его на медпункт отправить.

Я посмотрел на небо, обшарил глазами горизонт.

— Откуда вы знаете, что гроза будет?

— Поживешь с мое — узнаешь. Косточки, они все чуют... — Покряхтев, Авдей потер ладонями свои колени. — Значит, так... За старшего назначаю Вовку. От стада чтоб никто никуда. С телят глаз не спускать.

— Вот так побывали мы на собрании, — растерянно шепнул я Андрею, когда Авдей ушел. — Ну и хитер дед...

— Ничего, — подмигнул мне Андрей. — Мы тоже не лыком шиты, Митька мне утром все рассказал. Дед велел ему для отвода глаз больным прикинуться, а сам его на собрание приведет. Вроде как свидетеля и своего защитника. Ну, Митька ему там покажет, всю правду выложит.

— А если испугается... смолчит?

— Не должно!..

И все же меня охватили сомнения. Из подпасков на собрании один Митька, а дед хитер. Задумался и Андрей. Время шло, никакой грозы не предвиделось, телята мирно пощипывали траву, и мы принялись уговаривать Вовку отпустить нас на собрание.

— А что Авдей наказал? Никому никуда. И не выдумывайте — не пущу.

Но тут, на наше счастье, к стаду подбежало трое девчонок. В руках они держали кто хворостину, кто палку с загогулиной, кто длинную гибкую ветку лозы.

— Ребята, — подозвала нас Андрейкина сестренка Надя. — Бегите на собрание скорее. Там дед Авдей вас в яму закапывает.

Из беглого Надькиного пересказа мы поняли, что, по словам Авдея, потравы посевов допустили мы, подпаски, по своей нерадивости! Но дед строго наказал нас за это и быстро наладил подкормку телят зеленой травой. А чужие телята оказались приблудными и сразу же по его распоряжению были изгнаны из стада.

— А про владычинского бычка разговор

Утро, луг; а роса крупная-крупная...

был? Про пастуха из Гадаева? — допытывался Андрей.

— Да трепыхался Митька, бубнил что-то. А дед его на смех поднял... По всем статьям завалил. Как двоечника...

Мы крикнули Вовке, что нас всех срочно вызывают на собрание, передали девчонкам наши кнуты и побежали в деревню.

— Зря мы тогда чужих телят выгнали, — с сожалением заметил Андрей. — Как теперь докажешь, что Авдей мухлевал да жульничал? Телят и след простыл.

— И про владычинского бычка ничего не докажешь... Вот если бы Леньку позвать...

— Ленька что... тоже пацан, вроде нас. Если бы дядя Павел словечко замолвил. — Андрей вдруг придержал нас за плечи: — Давайте так. Я побегу к владычинскому пастуху. Объясню все... Он поймет. А вы айда на собрание.

— Да не успеешь! — заметил я.

— У дяди Павла мотоцикл есть... Мигом примчимся.

Около красного уголка собралось полно людей. Авдей, возбужденный, взъерошенный, сидел среди пастухов, курил одну беломорину за другой и беспрестанно лез к соседям с разговорами.

Митька, жалкий, растерянный, прижался к стене коровника и жевал сухую былинку. Встретившись с нами взглядом, он виновато пожал плечами. Около Митьки сидела расстроенная Зина Лобачева. Мы встали рядом с ними.

Собрание вела тетя Катя Чашкина.

— Тихо, граждане! Никого не обижу, все выговоритесь. Только по очереди.

— Васильевна, — перебила ее одна из телятниц, заметив меня и Вовку. — Вот они, наши пастушата... Явились не запылились. Может, опять о телятах поговорим?

Тетя Катя, вытянув шею, смерила нас взглядом.

— А где же четвертый ваш... Сергачев?

— А он... он за свидетелем побежал, — сказал я.

— За каким таким свидетелем?

— Подождите немного. Он скоро будет.

— Ладно. Повременим, коли так. — Тетя Катя кивнула пастуху дойного стада: — Давай, Иваныч, доложись собранию.

Пастух принялся рассказывать, как пасутся дойные коровы. Кормов хватало, удои неплохие, заболеваний нет, но сейчас травы погорели, отава не подрастает, нужно искать новое пастбище или подвозить зеленую подкормку.

— А я о чем толковал? — крикнул Авдей. — Долго же ты раскачиваешься, Сергей Иваныч. Я свой молодняк давно уже подкармливаю.

— Авдей-то наш в передовики лезет, — подтолкнул я Митьку.

— Он тут еще и не такое наговорил, — вздохнул Митька. — И про пастьбу по клеткам, и про навесы от оводов, и про соль-лизунец... Лучшего, мол, пастуха и на свете нет...

Сергей Иваныч продолжал говорить, а мы, навострив уши, чутко прислушивались, не затарахтит ли на дороге, ведущей из Владычина, мотор мотоцикла. Прогромыхал по ухабистой шоссейке пустой грузовик, проехала телега, повизгивая немазаными колесами, захрюкал где-то вспугнутый поросенок...

«Все... накрылись мы, — подумал я. — Не нашел Андрей дядю Павла». Неожиданно из красного уголка донесся глуховатый, дребезжащий звонок.

— Тетя Катя, вас! — крикнули из помещения, и чья-то рука протянула ей через распахнутое окно телефонную трубку.

Тетя Катя долго слушала, кивала головой, говорила: «Надо же», «Скажи на милость», потом, вытерев запотевшую трубку ладонью, вернула ее обратно.

— Что ж, граждане, — помолчав, сказала она. — И впрямь у наших пастушат свидетель нашелся. Да не кто-нибудь, а взрослый, уважаемый человек. — И она сообщила, что владычинский пастух Павел Кузьмичев подтверждает, что Авдей Прошечкин действительно передал гадаевскому спекулянту их бычка Лобана. Но только ребята сумели отбить этого бычка и вернули его законным хозяевам. По этому случаю правление Владычинского колхоза объявило благодарность ольховским пастушатам, а против Авдея Прошечкина решило возбудить уголовное дело.

— Вот так Прошечкин! — раздались возгласы.

Вскочив с бревен и бестолково размахивая руками, Авдей закричал, что все это злой наговор, что владычинский пастух сводит с ним старые счеты.

— Да я сам на него в суд подам... За наветы!

— Суд, конечно, свое слово скажет, — сказала тетя Катя. — Только боюсь, не выкрутиться тебе, Авдей. Совесть ты забыл, на чужих телятах решил нажиться, и потравами занялся, и враньем, и жульничеством. А главное, мальчишек хотел сманить. Ты ведь не только посевы в поле губил, ты души ребятам пытался потравить. Да не поддались тебе мальчишки. И уходи ты от них подальше, не ломай им жизнь молодую. Нельзя тебя больше ни к ребятам, ни к телятам допускать.

— А кто же теперь телят пасти будет? — спросили доярки.

— Да есть пастухи, есть, — сказала тетя Катя. — Вон они стенку коровника подпирают. Трое их здесь, а сейчас и четвертый заявится, Андрей Сергачев. Молодцы наши ребята! Смекалистые, старательные. Пастьбу ведут по-хозяйски. А какую они схватку с Авдеем выдержали! Вот им стадо и доверим... Ну что, ребята?

— Да согласны они, согласны! — заметив наше замешательство, воскликнула Зина Лобачева. — Трудно будет, мы им всем отрядом поможем.

— Кто у вас за старшего будет?

Нам с Вовкой ничего не оставалось делать, как показать на Митьку Савкина.

— Вот и порядок! — улыбнулась тетя Катя. — Пасите на здоровье!

Утром, едва над зубчатой кромкой дальнего леса заалела заря, мы принялись будить телят. Пастушечьего рожка у нас не было, дед Авдей унес его с собой. Андрей играл побудку на старом пионерском горне.

Звонкие, чистые, зовущие звуки, как струи ливневого дождя, затопили всю округу.

— Хорошо горнист играет, выговаривает... выгоняйте вы скотину на широкую долину, — в такт горну крикнул Митька и распахнул дверцу загона.

КОНЕЦ

ПЕШКИН СОВЕТУЕТ

Многие ребята участвуют в турнирах клуба «Белая ладья», одерживают радостные победы и терпят досадные поражения.

«Как научиться играть лучше?»— спрашивают у Пешкина его друзья.

«У нас в школе,— пишет **Володя Маркевич** (Алма-Ата), — многие ребята считают, что главное — хорошо знать дебюты, они зубрят разные варианты, а потом ловят на эти варианты противников. Действительно ли дебюты имеют такое большое значение?»

Конечно, знать дебютные варианты, которые ты, Володя, собираешься применить, надо. Знать, понимать, но ни в коем случае не зубрить.

«Не надо механически заучивать вариант за вариантом,— писал бывший чемпион мира Э. Ласкер.— Разбирайте лишь те немногие, которые применяете в своей практике. Испытав какой-нибудь вариант, надо впоследствии проанализировать свою партию, особенно в том случае, если вы ее проиграли. Такая проверка необходима для того, чтобы установить, явился ли проигрыш результатом неправильной игры в дебюте, или какой-либо ошибки в позднейшей стадии партии».

«Что надо для того, чтобы правильно играть в дебюте?», — спрашивает **Петя Мясоедов** из Гомеля, третьеразрядник.

Пешкин рекомендует всем ребятам запомнить такие простые правила:

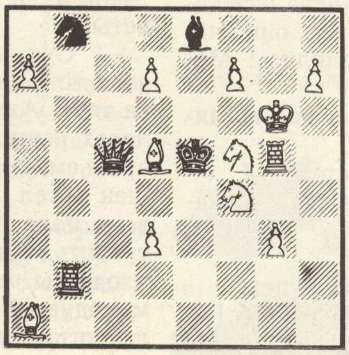
старайтесь занять пешками позиции в центре — это обеспечит удобное развитие фигур;

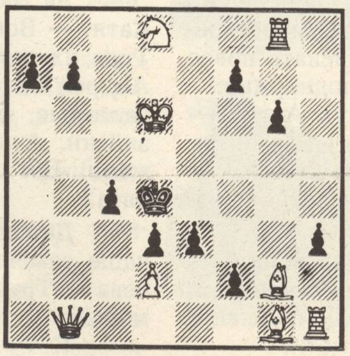
вначале вводите в игру легкие фигуры, потом ферзя и ладьи;

без серьезных оснований в дебюте не ходите одной, двумя фигурами несколько раз. Остальные в это время будут бездействовать;

не увлекайтесь материальными завоеваниями в дебюте, если это ведет к значительному отставанию в развитии.

«У меня очень часто бывают «зевки»,—пишет московская школьница **Наташа Артамонова.**— Играешь, играешь, все хорошо, потом вдруг поставишь под удар фигуру или не заметишь мат. И все пропало. Посоветуй, Пешкин, как отучиться от «зевков»?»

Часто, Наташа, шахматист считает свою грубую ошибку случайностью, мол, «зевнул» нечаянно. Он сам себя оправдывает, старается поскорее забыть об ошибке.

Ни к чему это. Надо быть осторожнее, внимательнее относиться к замыслам и угрозам противника. А то бывает и так — шахматист увлечется своими планами, позабыв о планах противника. Тут-то очень легко «зевнуть».

«У нас был такой спор,— пишет **Лева Кораблев** (из Куйбышева).— Один мальчик играл одним королем, у его противника были король и ферзь. Во сколько ходов в таком случае надо дать мат? Некоторые ребята говорили, что за девять ходов».

Чтобы заматовать одинокого короля, дается 50 ходов.

Откуда же взялась цифра 9? Дело в том, Лева, что в окончании, о котором ты пишешь, мат одинокому королю достигается очень просто. При любой позиции фигур сильнейшая сторона может дать мат в девять ходов.

Проверьте, ребята, это сами на доске.

ДВЕ СМЕШНЫЕ ЗАДАЧИ

Пешкин предлагает эти задачи в первую очередь новичкам в турнирах «Белая ладья».

Проверьте себя, все ли правила шахматной игры вы знаете, внимательны ли вы за шахматной доской.

В положении, которое вы видите на верхней диаграмме, белые могут дать мат в один ход сорока семью различными способами.

А в позиции на другой диаграмме допущена явная ошибка.

Найдите ее. И тогда белые смогут дать мат в один ход независимо от того, как будет исправлена эта ошибка. А исправить ее можно многими способами.

Анечка-Невеличка и Соломенный Губерт

Витезслав НЕЗВАЛ

В каждой стране есть своя главная детская книжка: в Дании «Сказки» Андерсена, в Англии — «Алиса в стране чудес». Немецкие дети с увлечением читают братьев Гримм или Гауфа, смеются небылицам барона Мюнхаузена, американские — не расстаются с Томом Сойером. А вот главной книгой детей Чехословакии можно, пожалуй, назвать сказочную повесть великого чешского писателя Витезслава Неззала «Анечка-Невеличка и Соломенный Губерт». В ней рассказывается о невероятных приключениях деревенской девочки Анечки и маленького жителя Праги Губерта. На русский язык эта книга никогда еще не переводилась. Сегодня мы печатаем главу из нее. Вы узнаете о том, какие удивительные события происходили с Анечкой-Невеличкой и Соломенным Губертом в зоологическом саду.

Рисунки А. АЗЕМШИ.

Кто-то сильно схватил Анечку-Невеличку за руку. Оглянувшись, Анечка увидела большую Обезьяну, которая гримасничала, сильно сжимая Анечкину руку.

— Что вам угодно? — испугавшись, спросила Анечка-Невеличка.

Обезьяна, продолжая гримасничать и сжимать Анечкину руку, ничего не ответила.

— Она по-чешски не понимает, — решила Анечка и попросила Соломенного Губерта поговорить с Обезьяной на иностранном языке.

Соломенный Губерт попытался это сделать:

— Что-рго в-рга м-ргм у-ргу го-рго дно-рго?

Однако Обезьяна по-прежнему корчила рожи и по-прежнему не отвечала. Одной рукой она держала Анечкину руку и сильно-пресильно ее стискивала, а другой куда-то показывала.

— Она глухонемая, — решила Анечка-Невеличка.

Не успел Соломенный Губерт ей ответить, как Обезьяна и его схватила за руку той рукой, которою прежде куда-то показывала, и пуще прежнего стала гримасничать.

— Мы в опасности! — сказал Соломенный Губерт. — Нам следовало бы вернуться.

Анечка и сама уже думала, что следовало бы вернуться, но сделать это было невозможно. Обезьяна не пускала их и торопилась, они тоже вынуждены были торопиться, что было особенно неприятно.

— Куда она нас ведет? — нервничал Соломенный Губерт.

— Куда же она нас ведет? — беспокоилась Анечка-Невеличка.

Обезьяна торопливо тащила их к длинной школьной парте, над которой висела большая клетка со старым нахохлившимся попугаем. Он сильно хохлился, вертел головой и внимательно разглядывал пришельцев.

Приглядываясь к ним долго и пристально, он вдруг перестал приглядываться и крикнул:

— Куда девался Осел?

Соломенный Губерт даже засмеялся. Анечка-Невеличка тоже засмеялась, но только немножко, словно бы вовсе и не засмеялась.

— Куда девался Осел? — снова крикнул Попугай и стал злиться.

Соломенный Губерт не знал, глядеть ли ему, как злится Попугай, или оглянуться и поглядеть, куда девался Осел. Он оглянулся.

Из-за куста показался Осел. Он так торопился, что дважды споткнулся и один раз вообще чуть не упал.

— Станьте к своей парте! — выкрикнул Попугай.

Осел стал рядом с длинной школьной партой, возле которой уже стояла Обезьяна, сильно-пресильно стискивавшая руки Соломенного Губерта и Анечки. Осел стал и понурился.

— Впредь не имейте привычки слоняться и стойте возле своей парты! — крикнул Попугай.

Осел кивнул и снова свесил голову.

— Ученики, станьте к Ослиной парте! — провозгласил Попугай. Обезьяна, не переставая

гримасничать, принялась подталкивать Соломенного Губерта и Анечку к Ослиной парте.

— Вас необходимо проэкзаменовать! — строго сказал Попугай, когда Соломенный Губерт и Анечка уселись за Ослиную парту.

— Сейчас каникулы, и не к чему нас экзаменовать! — отважился заметить Соломенный Губерт.

— Каникулы не каникулы, а зоологических каникул не бывает! — ответил Попугай. — Вас необходимо проэкзаменовать!

И Анечка-Невеличка с Соломенным Губертом были проэкзаменованы.

— Сколько будет один да один? — спросил Попугай, уже несколько осипший.

— Один да один будет два, — ответил Соломенный Губерт.

— Как два? — удивился Попугай и громко засмеялся.

— Один да один будет два, — подтвердила Анечка-Невеличка.

Попугай захохотал. Нахохотавшись, он сказал:

— Этим надо будет повеселить педсовет!

После чего он снова громко засмеялся. Вволю насмеявшись, он заметил:

— Таких учеников у нас еще не бывало! И добавил:

— Один да один будет желтые ботинки!

Тут уж не смог удержаться от смеха Соломенный Губерт. Анечка-Невеличка тоже засмеялась.

— Сколько будет один да один?

— Один да один будет ослиные уши, — ответил Соломенный Губерт.

Анечка-Невеличка прыснула.

— Прекрасно! — сказал Попугай и перестал хохлиться.

— Сколько будет половина и половина?

— Один! — ответила Анечка.

Попугай грозно нахохлился:

— Еще пятнадцать подобных ошибок, и вам придется толкать паровой каток! Ужасно! Просто ужасно!

Вволю поужасавшись, Попугай спокойно заметил:

— Половина и половина будет желтые полуботинки. Садитесь и постарайтесь это запомнить!

Анечка села. Она не знала, плакать ей или смеяться.

— Сколько же будет половина и половина?

Соломенный Губерт встал и ответил:

— Половина и половина будет яйцо!

— Отменно! — воскликнул Попугай. — Сдается мне, что вы уже где-то учились. Мы допускаем вас к Учебнику по Астрономии!

Тут вдруг Попугай начал издавать страшные вопли. Анечка-Невеличка поглядела на Осла и увидела, что тот спит. От воплей Попугая Осел проснулся и виновато уставился в землю.

— Мы допускаем его к Учебнику по Астрономии! — крикнул Попугай Ослу и просипел: — Ослу, я вижу, безразлично, что наш ученик допускается к Учебнику по Астрономии!

Тут Осел наконец опомнился и низко поклонился Соломенному Губерту.

— И чтобы впредь мне не приходилось повторять! — строго изрек Попугай и обратился к Соломенному Губерту: — Как по-вашему, что есть звезды?

— Звезды — это огоньки! — сказала Анечка-Невеличка.

— Барышня, кажется, думает, что мы изучаем Учебник и можем делать ошибки. Барышня заблуждается! Мы изучаем Астрономию, где всякая ошибка влечет за собой колоссальные неприятности. Поскольку барышня допустила ошибку, упала одна звезда. Это некрасиво со стороны барышни. Постыдились бы!

— Звезды есть... — начал Соломенный Губерт и задумался над тем, что такое в зоологической школе звезды.

— Прекрасно. Звезды есть, — подхватил Попугай, — не скажу, что это ошибка, звезды действительно есть, но все же что есть звезды?

— Звезды есть мыши, — подсказала Анечка-Невеличка Соломенному Губерту.

Услыхав это, Попугай принялся кланяться Анечке и сказал:

— Давненько у нас не было такого скромного ученого. Я утверждаю это не потому, что вы не стали свой ответ запатентовывать, но еще и потому, что вы пришли с ним на помощь лучшему ученику. Мы допускаем вас к Учебнику по Естествознанию.

Говоря эти слова, Попугай все время кланялся Анечке, причем глаза его были полны слез. Обезьяна же перестала гримасничать и три раза перекувырнулась.

— Что есть одуванчик? — растроганно спросил Попугай.

— Одуванчик — это лисичка с белым хвостом, из которого летят перья, — сказала Анечка-Невеличка.

— Дивно! Просто дивно! — нежно сказал Попугай и раскланялся.

Потом он быстро начал задавать вопросы. На один отвечал Соломенный Губерт, на другой — Анечка. Они отвечали тоже быстро, а Попугай еще быстрее задавал новые вопросы.

— Что есть молния?

— Молния — это выдвижной ящик, набитый канителью.

— Что есть крот?

— Крот — это упитанное долото.

— Что есть Млечный Путь?

— Млечный Путь — это небесные каникулы.

— Что такое закат?

— Закат — это иллюминация.

— Что такое водяная крыса?

— Водяная крыса — это встреча хвостика и напыщенной сливы.

— Что такое горох?

— Горох — это военный барабан.

— Что такое жаба?

— Жаба — это варежка.

— Что есть ворон?

— Ворон — это клякса на белом снегу.

— Что такое пруд вечером?

— Пруд вечером — это воздушный шарик, который вот-вот улетит.

— Что такое древесная лягушка?

— Древесная лягушка — это безвестная погремушка.

— Что такое сова?

— Сова — это прежде всего голова.

Так вот быстро задавал Попугай вопросы, и так вот быстро отвечали на них Соломенный Губерт с Анечкой-Невеличкой.

Попугай постоянно приговаривал: «Дивно! Просто дивно!» — причем говорил он это нежно и постоянно раскланивался. То и дело он растроганно ронял слезу.

В который раз уронив слезу, он немного нахохлился, но не так, как делал это, когда злился, и объявил:

— Вы заслужили зоологическую Похвальную грамоту.

Потом он повернулся к Ослу и приказал:

— Ступайте и доложите Верховному Правителю, что два школьника награждены зоологическими Похвальными грамотами. Пускай он по этому случаю соблаговолит устроить торжество первого разряда. После оного Верховный Правитель должен вручить ученикам диплом. И пусть хоть кто-нибудь позволит себе не участвовать в шествии! Прошу вас поторопиться!

Осел поторопился и ускакал.

Перевел с чешского Асар ЭППЕЛЬ.

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

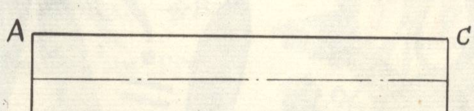
ЗЕТ ПОКАЗЫВАЕТ ФОКУСЫ

Зет. Смотрите, дорогие лягушата, вот я беру простую бумажную ленту, прикладываю ее концы [АВ] и [СД] друг к другу и склеиваю. Но не как попало, а так, чтобы точка А совпала с точкой Д, а точка В — с точкой С. Перед склейкой я перекрутил ленту один раз. Получилось знаменитое в математике бумажное кольцо. У него есть даже особое название — лист Мёбиуса. А теперь я беру свои ножницы и режу склеенную ленту посередине, вдоль пунктирной линии. Как вы думаете, что у меня получится? Конечно, если бы я не перекрутил ленту перед склейкой, все было бы просто, из одного широкого кольца получилось бы два узких. А что сейчас?

А теперь, лягушонок, остановись. Возьми бумагу, ножницы и клей. Приготовь запас бумажных лент (удобнее те, у которых длина примерно в 4 раза больше ширины). Повтори все, что сделал Зет, и читай дальше.

Зет. Получилось не два кольца, а одно, вдвое уже, но зато вдвое длиннее. К тому же перекручено оно не один раз, а два.

Вот какие неожиданные вещи происходят с бумажной полоской, если склеить из нее лист Мёбиуса. А все дело в том, что этот лист обладает удивительными свойствами. Сейчас ты сам в этом убедишься.

СКОЛЬКО СТОРОН У ЛИСТА МЁБИУСА?

Думаешь, две, как у ленты, из которой он сделан? А вот и нет, только одна!

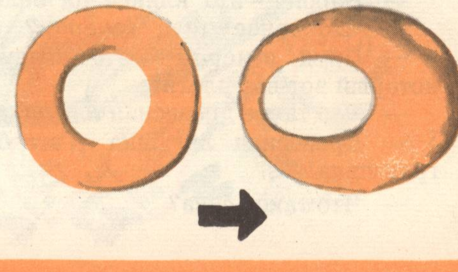
Попробуй покрасить одну сторону листа Мёбиуса — кусок за куском, не переходя через край ленты. И что же? Ты закрасишь весь лист! «Если кто-нибудь вздумает раскрасить «только одну» сторону поверхности мёбиусовой ленты, пусть лучше сразу погрузит ее всю в ведро с краской», — пишут Рихард Курант и Герберт Роббинс в книге «Что такое математика».

Если на внешнюю сторону **обычного кольца** посадить паука, а на внутреннюю — муху и разрешить им ползать как угодно, запретив лишь перелезать края кольца, то паук не сможет добраться до мухи, не так ли? А вот если их обоих посадить на **лист Мёбиуса,** то бедная муха будет съедена, — если, конечно, паук ползает быстрее.

СОЛДАТИК-ПЕРЕВЕРТЫШ

Я вырезал бумажного солдатика и отправил его вдоль пунктира, идущего по середине листа Мёбиуса. И он вернулся к месту старта. Но в каком виде! В перевернутом! А чтобы он вернулся к старту в нормальном положении, ему нужно совершить еще одно «круголистное» путешествие.

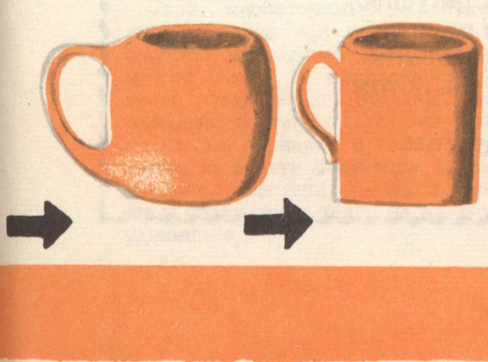
МЁБИУС И ТОПОЛОГИЯ

Таинственный и знаменитый лист Мёбиуса придумал в 1858 году немецкий геометр Август Фердинанд Мёбиус, ученик «короля математиков» Гаусса. Лист Мёбиуса (его иногда называют лентой Мёбиуса) изучается в специальной области математики — ТОПОЛОГИИ.

В геометрии Эвклида, которую вы учите в школе, фигуры можно переносить с места на место, сдвигать и поворачивать. В топологии тела и фигуры как бы сделаны из резины, которую можно сжимать и растягивать, но нельзя склеивать или рвать. С точки зрения топологии баранка и кружка — это одно и то же. Сжимая и растягивая кусок резины, можно перейти от одной из этих фигур ко второй. А вот баранка и шар — разные вещи: чтобы сделать отверстие, надо разорвать резину.

ПРОВЕРЬТЕ САМИ

Приготовьте три листа Мёбиуса, перед склейкой разделив ленту пунктирными линиями на три, четыре и пять равных полос. Разрежьте по пунктирным линиям. Что получится, если перед склейкой перекрутить ленту **два раза?** А если **три?**

Марк ТАРЛОВСКИЙ

Если только это случится

РАССКАЗ

Если по всем предметам я получу пять, если только это случится,—мне купят велосипед. Но я-то знаю: этого никогда не случится. Я и в прошлом году старался — ничего не вышло. Это ведь каждый день надо учиться на пять: и сегодня, и завтра, и послезавтра... Да я просто не выдержу. И никто не выдержит.

Кроме отличника. Он уже от природы такой, его не переделаешь.

У нас, например, в классе так: кто учится на тройки, тот и учится на тройки, как заколдованный. А кто на четверки — тот на четверки, и ничего тут не поделаешь. У Карпухина по всем предметам четверки, а по русскому — тройка. С этой самой тройкой он путешествует из класса в класс. Он уже сам не верит, что получит четверку. И никто не верит. Или, скажем, я. Больше всего боюсь всяких ископаемых.

— Покажи нам, Смирнов, крупнейшее месторождение угля,— говорит Геннадий Николаевич.

Опять уголь! Да когда же это кончится? Никак не могу запомнить, где он залегает. Знаю: Донбасс. А дальше?.. И начинаешь шарить по карте: в Европе, в Азии, туда-сюда носишься как угорелый... Черные кубики ищешь... Хоть бы один!

В Азии вообще делать нечего — Обь, Енисей, Лена и тайга, тайга, кругом тайга. Так бы и провалился в эту зеленую чашу вместе с указкой.

Нефть, железо, медь — пожалуйста! Даже золото... Золота вообще сколько угодно!.. А зачем мне золото? Мне уголь нужен.

— Стыдно,— говорит Геннадий Николаевич,— не знать, где находится уголь. У нас в стране столько угля, самые богатые залежи! А сколько еще не открыто!— Тут Геннадий Николаевич улыбается.— В Сибири, на Алтае, на Дальнем Востоке, на Урале,— указка его так и летает по карте,— на Севере, в По-

волжье!..— Послушать Геннадия Николаевича — куда ни ступи, всюду уголь.

— Ученые предполагают, что на Земле Франца Иосифа...

Очень он любит говорить об ископаемых. Все ребята давно уже привыкли, что ископаемых у нас страшно много. Но наш Геннадий Николаевич никак не может привыкнуть.

— Ты даже не понимаешь, Смирнов, — говорит он,— какую они приносят пользу!

Почему не понимаю? Очень даже понимаю. Только мне-то от них один вред.

Одного я понять не могу: разве велосипеды не для всех? У Юрки Попова троек уйма, а он с утра до вечера на своем «Старте» гоняет. Флажок повесил, носится как сумасшедший, и с рулем и без руля и на всю округу заливается.

«Старт» — полугоночный, самый красивый. А зачем мне «Старт», мне бы харьковский или минский... Чем он хуже? Да что говорить, если бы я исправил по географии, все равно по русскому Анна Петровна больше четверки мне не поставит. Она говорит, что я знаю только на четыре. Как же я могу получить пять, если знаю на четыре?

— Ты слишком ленив, Смирнов,— говорит она,— ты все схватываешь на лету, но слишком ленив.

Как будто в этом дело... Анна Петровна меня не любит — вот что главное. И это я давно заметил.

Но разве я хочу, чтобы меня любили? Я хочу быть таким, как все. Только не надо мне говорить, на сколько я знаю. Сегодня я ничего не знаю, а завтра все.

А может, мне только кажется, что не любит?.. Перелыгин все время твердит, что его не любит Геннадий Николаевич.

— Хоть бы я знал, за что,— говорит.— Ты заметил, как он на меня смотрит?

— Да,— говорю,— заметил... Хотел бы я, чтобы Анна Петровна на меня так смотрела...

Но я слишком ленив. Мне слишком легко все дается — вот что меня погубило.

Так что велосипеда мне не видать. На чужом что за радость кататься! Только разогнался, а вдогонку тебе кричат: «Последний круг!»

Совсем другое, если у тебя свой велосипед! Вывел его из дома и на одной педали, как на подножке, стоя, докатился до ворот. А потом — в седло и поехал, поехал куда глаза глядят. В этом все и дело: на велосипеде всегда едешь неизвестно куда — может быть, до первого угла, может, к школе или просто едешь по дороге, с улицы на улицу — все дальше и дальше от дома. На велосипеде можно заехать страшно далеко.

Смотришь: дом стоит деревянный с резными ставнями, возле дома сад зеленый, у калитки — лавочка. На углу табличка: улица Болотная. Надо же, куда занесло... Никогда не слыхал про такую.

И пусть я не знаю обратной дороги — это ничего, велосипед никогда не подведет. По земле и по траве, по неровной мостовой, а с булыжника на асфальт — и поплыли... Мы снова едем по нашей улице, а вот и дом, и забор, и калитка, мы снова вернулись в родные края; ну как тут без нас, как живется?

Наталия КУЛАКОВА

МЕЧТАТЕЛЬ

Я лежал, мечту
Мечтал:
Вот бы взял я и пропал,
Кто-то б жил взамен меня,
Словом, я бы
Стал не я.

Я б тогда на зависть взрослым
Мог бы жить легко и просто —
Что ни спросят у меня,
Отвечаю: я не я.

Нет, не я порвал пальто.
И не я разбил стекло.
Не меня опять за двойки
Прорабатывал весь класс.
И не мне дружок мой Колька
Обещал противогаз.
Не меня зовут ребята
На военную игру.
На моем велосипеде
Кто-то ездит по двору!

Я вскочил — ну нет, друзья!
Пусть уж я останусь я.
Это, может, и приятно,
Только я хочу обратно.
Я уж как-нибудь потом
Помечтаю.
О другом.

Академия Домашних Волшебников

Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ.

Не успели оглянуться — полгода прошло с того дня, как Алеша и Боб нарисовали Калинку Маленькую и предложили придумать для нее разные спортивные, школьные, карнавальные одежки. Тогда казалось, Новый год далеко: половина лета впереди, и осень вся, и зимы начало. Оглянуться не успели, а Новый год — вот он совсем рядом. И, конечно, необходимы, совершенно необходимы карнавальные костюмы. Сколько их было в «Пионере», в двенадцатых номерах и в 1970, и в 1971, и 1972 годах!

Какие хочешь костюмы: национальные, костюмы рыцаря и художника, робота и часов,— да, да, часов с циферблатом и стрелками, — матрешек и голубоволосой Мальвины. Ребята, участники конкурса этого года, еще навыдумывали разные костюмы. Между прочим, Лёка, Марина, Алеша, Боб, и даже Наташа, и даже — представьте себе! — Калинка мастерили свои костюмы по этим картинкам, попросив разрешения у Калинки Маленькой. Она хотя не умеет летать на калиновом листке, как настоящая Калинка, а разговаривать может. «Пожалуйста, — сказала, — берите. Все равно по одной и той же картинке у каждого свой костюм получится».

Свой, неповторимый! Конечно, костюм паяца или маска кота в сапогах, купленные в магазине, может быть, и привлекательны своей гладкостью отделки, но придешь в таком костюме или маске на карнавал и окажешься одним из десяти близнецов, а сам начнешь мастерить — такой костюм получится и такая маска, сам удивишься.

Академия

Рисунки Т. Ларионовой.

Один кошачий глаз можно нарисовать зеленый, другой — голубой. Усы сделать из жесткой проволоки или из мочалки. И надеть шляпу канотье с цветком Кот — франт!

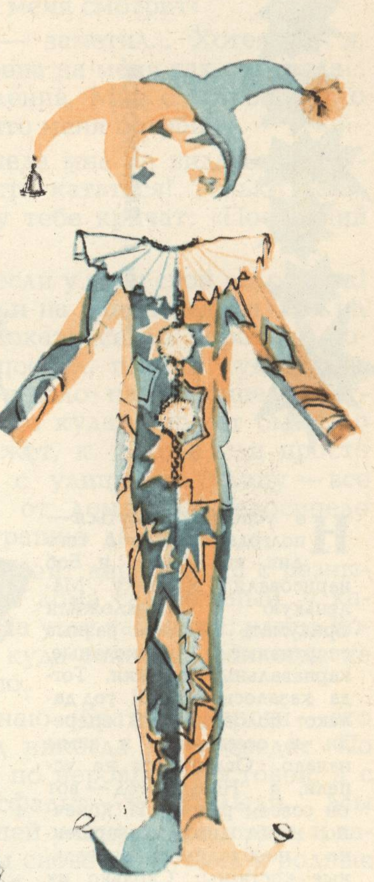
С теми же разными глазами и перебитым ухом и выщипанным левым усом. Кот — дуэлянт. Да еще со шпагой (а шпага — просто расщепленная пополам длинная ветка, обернутая серебряной, от «Аленкиного» шоколада, бумагой).

Если тот, кто делает такую маску, человек изобретательный, он сможет приладить к разноцветным кошачьим глазам полуторавольтовые лампочки от мини-батарейки (для карманного фонарика), и глаза будут вспыхивать, как у того доброго дракона.

Ах да, вы ведь не знаете еще, что в будущем году в первом номере «Пионера» печатается сказка Маргарет Мэхи о добром драконе с фиалковыми глазами...

А как вам нравится Пеппи? Знаменитая Пеппи, придуманная знаменитой шведской писательницей Астрид Линдгрен... Парик из веревки, шнура или тесьмы ярко-оранжевого цвета. Гладкий свитер или кофточка, фартук-сарафан с завышенной талией из пестрого или гладкого ситца с аппликацией и вышивкой, грубой вязки чулки на большущих булавках, туфли или ботинки номера эдак на два больше вашего размера. Пеппи есть Пеппи, ни с кем не спутаешь... Я вот смотрю на рыжеволосую Пеппи (конечно, мастерила себе этот костюм Лёка), слышу веселую музыку и отлично представляю, как она, Лека-Пеппи, будет отплясывать на новогоднем карнавале с Алешей-красноармейцем.

Костюм красноармейца... Бабушка отдала Алеше прошлогоднюю школьную форму, помогла покрасить ее в зеленый цвет, помогла сшить плащ на красной подкладке. А пояс Алеша попросил у Юры Одуванчикова, хорошего человека, что живет в их доме на четвертом этаже, Юра, окончив их школу, ушел в армию и вот недавно вернулся. Настоящий кожаный пояс с настоящей пряжкой! Алеша начистил ее мелом. Блестит!

Какой костюм выбрал Боб? Крокодила Гены. Маску из бумаги сделал по рисунку, шляпу сначала склеил из бумаги, а потом Марина связала другую из нейлоновой соломки (купила моток за 50 копеек в галантерейном магазине) и помогла соорудить хвост на проволочном каркасе из старых капроновых чулок, окрашенных в зеленый цвет.

А сама Марина собрала ворох ситцевых лоскутков, даже у Алешиной бабушки и у тети Маши из соседней квартиры попросила. И бабушка и тетя Маша счастливы были несказанно, отдав ей лоскутки. Выбросить их раньше вроде было жаль, а тут карнавальный костюм Марина сошьет. Может, еще приз завоюет! Юбку Марина кроила из шести клиньев и клинья сшивала только по долевой нитке, на отделку пошли бумажные кружева и ши-

Домашних Волшебников

тье, ситцевые цветы, лепестки их Марина вырезала из ткани (ткань эту сначала слегка провощила — присыпала свечной стружкой и прогладила горячим утюгом). Парик соорудила из разноцветной тесьмы и тоже ситцевыми цветами украсила. Прекрасно получилось!

Наташа решила быть клоуном. Шапочку связала из разных ос-

татков ниток, оставив место для рожек, как для пальца в варежке. Пришила к рожкам звонкие колокольчики (купила в магазине «Рыболов-спортсмен»). Воротник вырезала из пропарафиненного ситца, а комбинезон — просто тренировочный костюм с аппликацией из того же ситца (лоскутками с ней Марина поделилась). Туфли клоунские сделала из вязаных папиных носков ушила их так, что на каждом получился узенький носик, и к носику пришила колокольчик. Звенят!

А Калинка? Калинка всех удивила несказанно, когда прилетела на последнюю примерку костюмов... Представляете, как всегда, за окном что-то засверкало ослепительно, форточка распахнулась, влетел снежный вихрь, и кто-то пронесся перед изумленными Лёкой, Мариной, Бобом и Наташей.

— Ой, — закричала Лёка, — Змей-Горыныч!

— Ой, — сказал Алеша на всякий случай басом, — он слишком маленький, такие Змеи-Горынычи не бывают!

— Ой, — прошептала Марина,— он нарочно уменьшился, чтобы нашу Калинку цап-царапнуть...

— Ну, — засмеялся Боб. Он иногда вспоминает, как его Калинка сосульками угощала. — Ее не очень-то цап-царапнешь!

— Это я! Дин-дон-динь!— зазвенел Калинкин колокольчик, и Калинка спрыгнула с кораблика, сбросила поскорее свирепую маску и улыбнулась и глазами-бусинками и щечками румяными, как рязанские яблочки.

— О!!! — сказали все, даже молчаливая Наташа.

Вот так все и было...

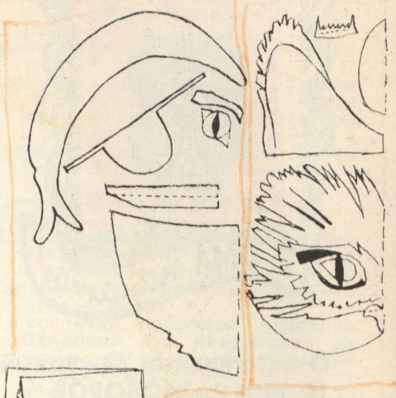
Не хочется ли и тебе так удивить всех своих друзей на новогоднем карнавале? Попробуй!

«Эх, — думала Калинка, вырезая маску из бумаги еще задолго до того дня, когда она ребят удивила. — Новый год! Надо придумать что-нибудь вкусное, новогоднее. А что придумаешь? Они все знают, все умеют. И мороженое, и пирожное, и бисквит, и печенье, и хворост, и пряники, и разные пироги, и даже конфеты. Вот-вот наступит ужасный день — прилечу, а рассказывать мне им нечего, все они знают, все умеют!

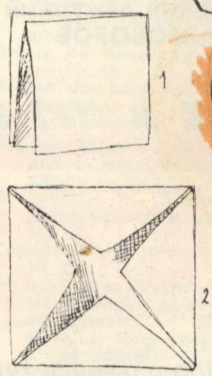
Пора мне самой учиться дальше. Поступлю, пожалуй, на пятую ступень Академии... Очень жаль оставлять ребят, но, наверное, придется. В апреле приемные экзамены в Академию — там, на двадцать девятой звезде в созвездии Кассиопеи. Полечу и я. Конкурс, правда, большой. Надо садиться за книжки». Что поделаешь, если Калинка так решила. Учиться всегда интересно! А вкусное новогоднее Калинка все-таки придумала.

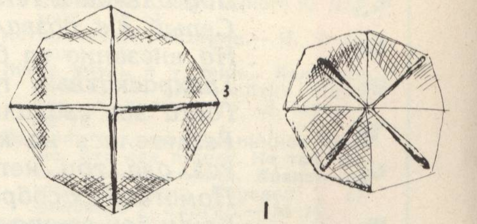
Вот они, сухарики, по записи из Лёкиной заветной тетради. Над рецептом Лёка написала: «Теста приготовить двойную порцию». Когда Калинка спросила, почему Лёка так написала, она засмеялась и сказала:

— Как будто ты, Калинка, сама не знаешь. Этих сухариков надо печь огромную гору, напечешь полгоры — не успеешь оглянуться, все съели. Не сухарики — волшебство!

СУХАРИКИ

300 граммов сливочного масла растереть с одним стаканом сахарного песку, взбить 3 яйца (и желток и белок), влить быстро в масляно-сахарную массу, добавить по четверти чайной ложки соли и соды, 1 стакан любых резаных орехов.

Размешать быстро и постепенно всыпать муку (предварительно просеянную). Замесить некрутое тесто. Формочки для льда (из холодильника), слегка смазанные маслом, заполнить тестом не до краев: во время выпечки оно поднимется.

Печь в умеренно жаркой духовке минут 20—25. Вынуть из духовки, слегка остудить в формочках и порезать там же острым, разогретым в кипятке ножом. Совершенно остынут — ссыпать из формочек на доску (пусть полежат часок в беспорядке, подсохнут), а потом уложить сухарики на блюдо, присыпав сахарной пудрой.

Сухарики можно печь и не в формочках, а, предположим, на сковороде или противне, но в этом случае они не получатся такие красивые.

Игры деда Буквоеда

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

АВАРИЯ

Под ольхой в тени ветвей
Серый еж созвал гостей.
Но внезапно за бугром
Трехраскатный грянул гром.
Гости все свалились с кочки,
Разлетелись на кусочки.
Раз, два, три, четыре, пять,
Помогите их собрать.
Ка-ли-бор-са-дра-вы-бел,
Сук-ро-ка-со-лик-сус-тел,
Дя-ка-сой-ля-ка-лин-си,
Гуш-ца-ни-боч-ба-ка-фи!

Два лжеца

Говорил дрозду удод,
Что журавль все время лжет.
А журавль твердит:
— Не стану
Верить я лжецу-фазану!
А фазан, наоборот,
Заявил: — Журавль все врет,
Но зато правдивей в мире
Нету птицы, чем удод!
От волненья лес гудит:
— Кто же правду говорит?!
И советует сова:
— Сопоставьте их слова.

И тогда в конце концов
Вы найдете двух лжецов!

Содержание журнала «Пионер» за 1974 год

ПОВЕСТИ

Повесть об отце.— Ю. Калинина. Литературная запись Ю. Капусто.— №№ 1—4.
Мальчик со шпагой.— В. Крапивин.— №№ 3—6.
Тайна высоты 117.— Я. Пшимановский. Перевел с польского А. Кравченко.— № 6.
Пароль — Надежда.— З. Воскресенская.— №№ 7—12.
У меня есть лев.— Ю. Яковлев.— №№ 7—10.
Хорошо рожок играет... — А. Мусатов.— №№ 11, 12.

РАССКАЗЫ

У белых.— А. Голиков.— № 1.
Куриная слепота. Самовар.—А. Митяев.— № 1.
Бабушкина тетрадь.— Е. Карпельцева.— № 1.
Рассказы о великой московской битве.— С. Алексеев.— № 2.
Костры над Днепром.— Ю. Качаев.— № 2.
Сын охотника.— В. Вишняков.— № 3.
Святое дело.— И. Брагин.— № 4.
На ком армия держится.— Б. Колесов.— № 5.
Подарок.— Г. Голлендер.— № 5.
В гостях у «экспоната».— Г. Голлендер, О. Тихомиров.— № 6.
Полный боевой порядок.— Б. Колесов.— № 7.
Гроза над картофельным полем.— Ю. Коваль.— № 8.
Нет, не сойдет! — С. Каменев.— № 8.
Я — рыжая.— В. Железников.— № 9.
Улица моя тесна.— Л. Яхнин.— № 9.
Вечер встречи.— Л. Матвеева.— № 10.
Медаль.— А. Митяев.— № 10.
Красный бакен.— С. Романовский.— № 11.
Начнем все с начала.— В. Пушкин.— № 11.
Качели в Пушкинских Горах.— Ю. Козлов.— № 11.
Муха.— В. Чернышев.— № 12.
Если только это случится.— М. Тарловский.— № 12.

СКАЗКИ

Гарантийные человечки.— Э. Успенский.— №№ 1, 2.
Сказка для летнего номера.— С. Иванов.— № 6.
Анечка-Невеличка и Соломенный Губерт.— В. Незвал. Перевел с чешского А. Эппель.— № 12.

СТИХИ

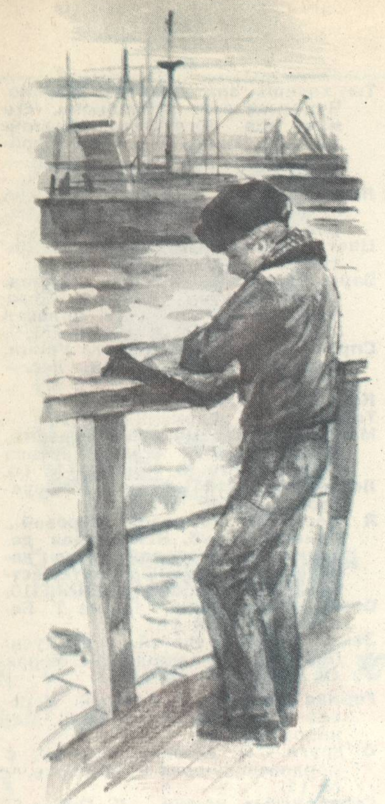
Я помню тот день.— М. Басиев. Перевел с осетинского А. Греков.— № 1.
Сумка Гайдара.— Ю. Луцкевич.— № 1.
Орешник.— В. Берестов.— № 1.
Сказки моего детства.— Э. Межелайтис. Перевел с литовского Л. Миль.— № 2.
Весенка-весна.— К. Мухаммади. Перевела с узбекского З. Туманова.— № 3.
Ночлег. Речка Яя. В тайге за Томском. Плоты.— И. Фоняков.— № 3.
Имя Ленина в сердце каждом.— М. Икрам. Перевела с узбекского З. Туманова.— № 4.
Сыновья.— В. Шерешев.— № 4.
Скользнув по крутому загривку...— О. Кочетков.— № 4.
На марше.— В. Андреев.— № 4.
Зерно.— Ю. Шигаев.— № 4.
Прыжок.— И. Халупский.— № 4.
Какое-то странное чувство...— И. Кашежева.— № 4.
Клятва летит по стране.— Ю. Луцкевич.— № 5.
Родник бессмертия.— Шухрат. Перевела с узбекского З. Туманова.— № 5.
Антенна. Рыжее солнышко. Вот вам подарок мой. Кто это, кто это там... Фонарь.— В. Данько.— № 5.
Москва большая.— Б. Слуцкий.— № 5.
Какое мне дело? — М. Вейцман.— № 6.
Вечера у костра. Чудо.— Н. Юркова.— № 6.
Если... Степной колодец.— К. Тангрыкулиев. Перевел с туркменского Я. Аким.— № 6.
Песенка бедняка. Синица. А-ло-лай! Без пастуха.— К. Хетагуров. Перевел с осетинского Л. Озеров.— № 6.
Восход солнца.— И. Фролов.— № 7.
Корабельная сторона.— Ю. Оболенцев.— № 7.
Юность.— А. Чепуров.— № 7.
Аэродром.— С. Золотцев.— № 7.
Носит песни над страной...— Ю. Луцкевич.— № 8.
Утро. Костерок. Морские камушки. Старинный замок. Радист. Будущий геолог.— Г. Горбовский.— № 8.
Ты хочешь знать, дитя... Яблоко. Чудесное село. В полночь. Что мне все богатства... Сказочка.— Й. Змай. Перевел с сербскохорватского Л. Яхнин.— № 8.
Лесная быль.— И. Тапдыг. Перевел с азербайджанского Л. Озеров.— № 8.
Цвети, страна, и стройся! — В. Фетисов.— № 9.
Варшава. Джек. Глупый Сашок. Фигли-мигли. Рыцарь. Стас-мечтатель.— Ю. Тувим. Перевел с польского А. Эппель.— № 9.
Спросите меня! Активист. Уроки. Вот чудеса. Дремучий лес.— В. Берестов.— № 9.
Качели.— В. Данько.— № 10.
Тишина.— Р. Фархади.— № 10.
Мальчик с задумчивыми глазами. Звездочка.— М. Агзам. Перевел с узбекского Ю. Кушак.— № 10.
Лермонтов в 1941 году.— В. Берестов.— № 10.
Я воспитан природой суровой... Одинокий дуб. Некрасивая девочка. Не позволяй душе лениться. Воздушное путешествие.— Н. Заболоцкий.— № 10.
Огонь на площади.— Поэма Т. Белозерова.— № 11.
Земля ожидает гостей...— Ф. Чуев. Перевел с мордовского-эрзя С. Макаров.— № 11.
Горная дорога.— Э. Ахунова. Перевел с мордовского-эрзя С. Макаров.— № 11.
О друге.— П. Любаев. Перевел с мордовского-эрзя С. Макаров.— № 11.
Серебристые ключи.— В. Орлов.— № 11.
Родной дом. Метель и люди. С утра поливал я деревья в саду... «Решиться — значит победить»... Наш след. Книга. Играю с детворой.— Д. Кугультинов. Перевела с калмыцкого Ю. Нейман.— № 11.
Историческая история.— И. Фоняков.— № 11.
Жить учусь я у реки... Кольчуга. Алмаз.— Э. Межелайтис. Перевел с литовского Л. Миль.— № 12.
Песенка о глине. Кирпичное письмо. Кто как пишет. Не так просто. Синяя сказка. Воспоминание.— О. Дриз. Перевел с еврейского Г. Сапгир.— № 12.
Мечтатель.— Н. Кулакова.— № 12.
Что хранится у сына великого волшебника.— М. Энде. Перевела с немецкого Л. Гулыга.— № 12.

«КОРАБЛИК».— №№ 1—4, 6—8, 11, 12.

РАССКАЗЫ О СТИХАХ

Победил Пушкин.— Ф. Искандер.— № 1.
Первая песня.— А. Жаров.— № 4.
Вечно тот же, вечно новый.— В. Берестов.— № 6.
Есть у югославских пионеров.— Л. Яхнин.— № 8.
«Дорогие мои дети!» (К 80-летию со дня рождения Ю. Тувима).— В. Приходько.— № 9.
«...Изнемогал от счастья бытия».— А. Крестинский.— № 10.

ПЕСНИ

ПУБЛИЦИСТИКА

МОЯ РОДИНА — СССР

ШКОЛЬНАЯ И ПИОНЕРСКАЯ ЖИЗНЬ

ОТРЯДЫ НА МАРШЕ «ВСЕГДА ГОТОВ!»

ТЫ, Я, НАШ ОТРЯД

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА

«САЛЮТ, ПОБЕДА!» ОРДЕН В ТВОЕМ ДОМЕ

УЧЕНЬЕ — ТВОЙ ГЛАВНЫЙ ТРУД

ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

САМИ О СЕБЕ

НАУКА

ИСКУССТВО

РАССКАЗЫ О ПИСАТЕЛЯХ

ЧТО НАМ ЧИТАТЬ?

СПОРТ

В оформлении «Пионера» в 1974 г. участвовали:
А. Аземша, А. Алексеев, Ю. Алексеева, В. Арсирий, А. Астрецов, П. Багин, А. Борисов, Н. Василевская, Л. Владимирский, А. Вовикова, А. Геринас, Т. Гнисюк, А. Гришин, Б. Гуревич, М. Гуров, В. Гусев, Г. Дмитриев, В. Дудкин, С. Ермолов, В. Захаров, Ю. Карпова, В. Кочкин, И. Красулин, В. Крупский, П. Кузьмичев, Б. Кыштымов, В. Лапкин, Т. Ларионова, А. Лехмус, Н. Маркова, Е. Медведев, Е. Мельникова, Ю. Меснянкин, А. Михайлов, С. Назаров, С. Остров, П. Панченко, Т. Пирогова, Б. Полянский, В. Постников, В. Руденко, О. Сахарова, Е. Сусков, В. Сычев, С. Трофимов, И. Урманче, Д. Ухтомский, Ю. Фоменко, Г. Человечков, Е. Шабельник, А. Щеголев, Е. Якобсон.

Анкета

«Пионер»-74

Каждый месяц почтальон приносил тебе свежий номер «Пионера».

Номер, который ты сейчас держишь в руках,— последний в этом году. Если сложить вместе все двенадцать номеров журнала, получится толстая книжка. Пролистай ее еще раз и вспомни.

1. С чего ты начинал читать каждый номер журнала?

2. Что тебе особенно понравилось в «Пионере» и что не понравилось?

3. Какая повесть, какой рассказ и очерк тебе понравились больше других?

4. Стихи какого поэта пришлись по душе?

5. Рисунки какого художника запомнились?

6. Напиши, чем тебе помог журнал в пионерской жизни.

7. О чем тебе хотелось бы прочитать в «Пионере» будущего года, с кем ты хочешь встретиться на его страницах?

Мы будем ждать твои письма до 15 февраля. Итоги анкеты подведем в пятом номере журнала. Не забудь только написать свое имя, адрес, в каком классе ты учишься, а на конверте ОБЯЗАТЕЛЬНО сделай пометку: «Анкета-1974».

ТВОИ ОТВЕТЫ ОЧЕНЬ НАМ ПОМОГУТ В РАБОТЕ.

Линия отреза

СОДЕРЖАНИЕ

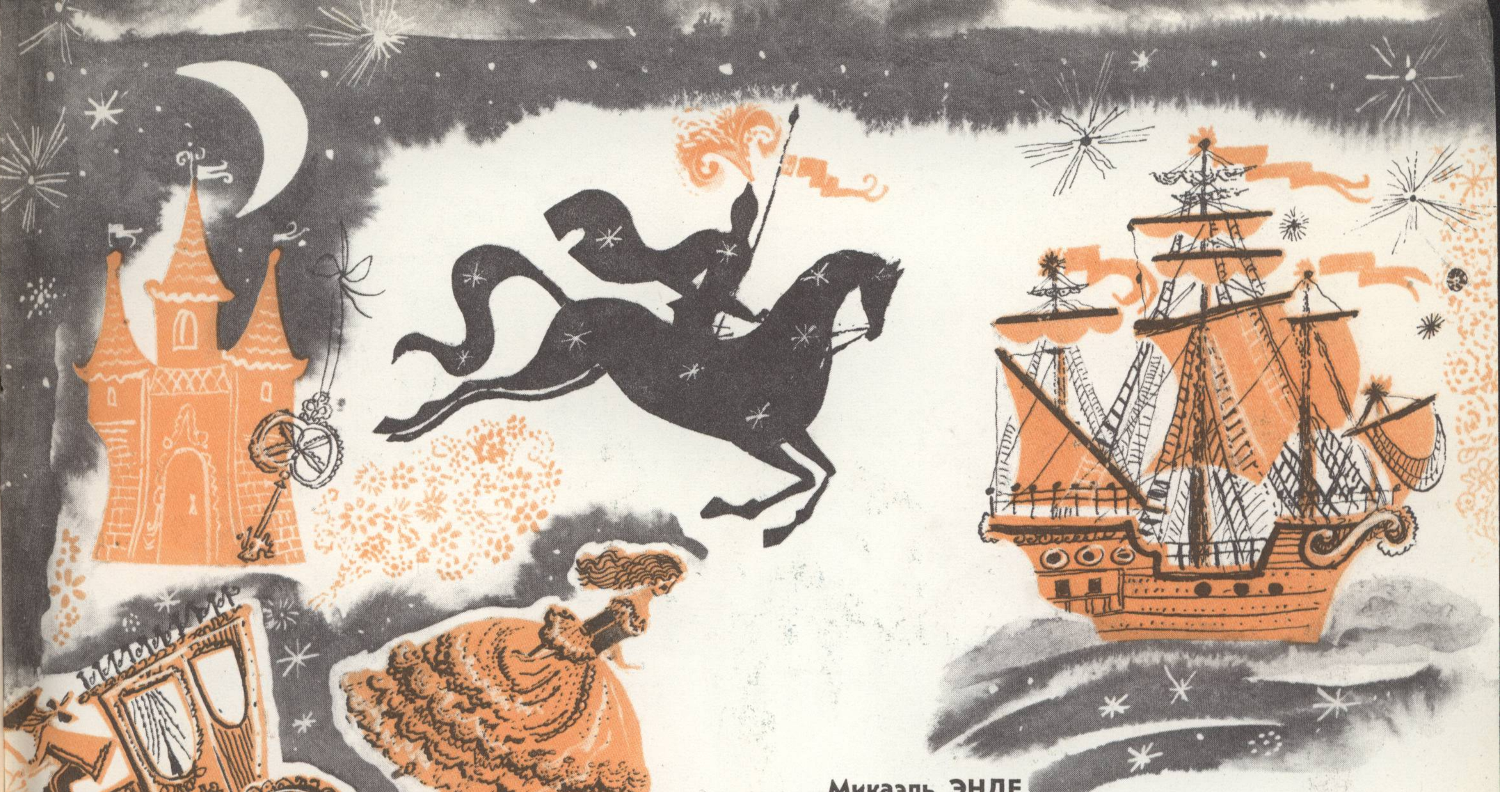
На обложке: Снежки, снежки — веселая игра!
Рисунок С. Острова.

Технический редактор **В. П. БОРИСОВА.**
Макет **А. А. АСТРЕЦОВА.**

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14. 11-й этаж. Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 26/IX 1974 г. А 11161.
Подписано к печати 31/X 1974 г. Формат 84×60¹/₈.
Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л.
Тираж 1 550 000 экз. Изд. № 2681. Заказ № 2838.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Микаэль ЭНДЕ

Что хранится у сына великого волшебника

В ящике этом разные разности:
Компас, указывающий, где радости,
Листок засушенной розы ветров,
Книжка с живыми картинками снов,
Гвоздь золотой от подковы Пегаса,
Воздушный шар с веселящим газом,
Огарок блуждающего огонька,
Из хвоста кометы два волоска,
Камень, который на сердце лежал,
Зерно. Посади его — будет коралл,
Зеркальце — в небо смотреть, чтобы вы
Не задирали бы головы,
Радуги бывшей цветной черепок,
Словесного кружева целый моток,
От воздушного замка воздушный ключик,
Копилка для звезд — там их несколько штучек, —
Королевы пчел золотая корона,
Четыре пера от белой вороны,
Ракушка — слушать море звезд,
Солнечного зайчика хвост.
Сверкающее перо Жар-птицы,
Сломанный гребешок Царь-девицы,
Лошадка на палочке деревянной,
Чтоб ускакать на ней в дальние страны,
Цветов фантазии свежий букет...
Может быть, ценности в этом и нет,
Может быть, все это ерунда
И не пригодится вообще никогда,
Но поищите, а вдруг и у вас
Что-нибудь вроде есть про запас?

Перевела с немецкого
Лена ГУЛЫГА.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

